

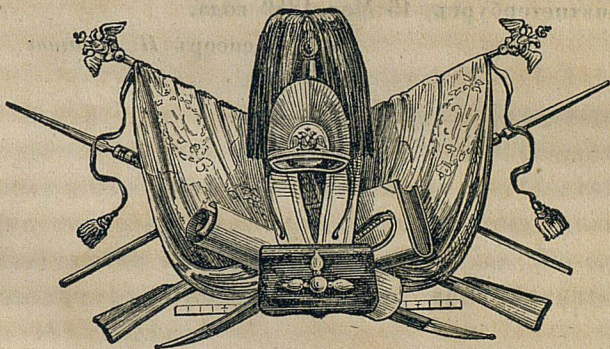
ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАННИКАМЪ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ТОМЪ LXXVIII. № 310.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1849.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

(Изъ записокъ офицера участвовавшего въ экспедиціи противъ киргизскихъ мятежниковъ).

—

Съ 1822 года вся Средняя орда раздѣлена на округа, управленіе которыми ввѣрено начальнику сибирскихъ киргизовъ, живущему въ Оксанѣ. — Для усмиренія мятежныхъ ордынцевъ ежегодно посылаются въ степь казачьи отряды. Къ одному изъ такихъ отрядовъ я былъ прикомандированъ въ 1841 году.

Если вамъ когда нибудь случалось переѣзжать черезъ границу, то вы вѣрно живо помните впечатлѣнія той минуты, когда, по окончаніи дѣла съ таможенною, экипажъ вашъ весело помчится въ чуждую даль. Воздухъ страны, въ которую вы въѣзжаете, подобно опиуму, производитъ чудное

опьяненіе. Воспоминаніе о прошедшемъ горѣ иссушивается предъ радужными надеждами на будущее. Невольно думаешь, что теперь то судьба, которую мы всѣ считаемъ у себя въ долгу, выплатить исправно по векселю, данному намъ на ея имя воображеніемъ. Тѣ даже, которые никогда не покидали отеческихъ пенатовъ, легко поймутъ эти чувства, вспомнивъ свои надежды и свою радость при встрѣчѣ новаго года, который также всегда сулитъ намъ золотыя горы. Сколько разъ ни повторяется разочарованіе, сколько ни толкуетъ намъ холодный разумокъ, что счастье наше нисколько не зависитъ отъ географической широты или отъ цифры года, мы не соглашаемся промѣнять ярко-блестящихъ надеждъ своихъ на безотрадную дѣйствительность.

Трудно мнѣ объяснить даже, почему въѣздъ въ предѣлы Киргизской Степи произвелъ на меня сначала такое пріятное впечатлѣніе. Мнѣ предстояло продолжительное путешествіе, сопряженное съ величайшими трудностями и всѣхъ родовъ лишеніями. Это путешествіе могло сулить мнѣ только два, три воспоминанія неизвѣстнаго еще свойства и отдаленную надежду передать ихъ когда нибудь, въ дружескомъ разговорѣ, передъ каминомъ, деревенскому сосѣду. Все это казалось очень яснымъ и неопровержимымъ, а между тѣмъ, какое то предчувствіе; ни на чемъ не основанное, рисовало предо мною плѣнительную кар-

тину будущаго. Край, заманчивый своею неизвѣстностію; люди, которыхъ понятія такъ рѣзко отличаются отъ нашихъ; приключенія, выходящія изъ разряда ежедневныхъ... Я съ жадностію смотрѣлъ впередъ, туда, гдѣ зеленый коверъ степи пересѣкался съ лазуревымъ сводомъ неба.

Впрочемъ, должно сказать, что степь съ нѣкоторымъ кокетствомъ принимаетъ у себя тѣхъ, которые вѣзжаютъ въ нее изъ Петропавловска. Огромные луга сопровождаютъ теченіе Ишима и разстилаются по всѣмъ направленіямъ. Кое гдѣ небольшія рощи живописно разнообразятъ мѣстность, не заслоняя собою дали и не уничтожая впечатлѣнія *простора*, которое наиболѣе поражаетъ воображеніе того, кто видитъ степь въ первый разъ. Безчисленные табуны лошадей паслись на свободѣ по сторонамъ дороги. Казаки косили сѣно, и при яркомъ сіяніи лѣтняго солнца каждый взмахъ ихъ казался сверканіемъ молніи. Все запечатлѣно было характеромъ спокойнаго одушевленія.

Тарантасъ мой быстро мчался по гладкой дорогѣ, которая едва обозначалась двумя тремя черными полосами на зеленомъ грунтѣ. Съ захожденіемъ солнца, цѣлыя тучи комаровъ опустились на меня, готовые начать свой кровавый пиръ. Противъ нихъ ваято было у меня предохранительное оружіе—волосыная сѣтка, безъ которой невозможно путешествовать лѣтомъ по Си-

бири, или по Киргизской Степи. Въ Пелымѣ, Березовѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, окруженныхъ тундрами, въ продолженіе короткаго тамошняго лѣта появляются мириады мириадъ самыхъ кровожадныхъ комаровъ, и жители ни на минуту не снимаютъ съ себя сѣтокъ, которыми укрываются совершенно такъ, какъ наши пасѣчники, отправляющіеся въ ульи за медомъ. Вы можете лѣтомъ прожить на сѣверѣ Сибири нѣсколько недѣль сряду и буквально не увидите лица человѣческаго. Даже кокетство полярныхъ красавицъ уступаетъ страху, внушаемому этими микроскопическими непріятелями.

Ночь наступила ранѣе и темнѣе обыкновеннаго для моихъ глазъ, окруженныхъ черною тканью. Все было тихо вокругъ меня. Прохладный вѣтерокъ подулъ по степи; таинственный шопотъ листьевъ отзывался, по временамъ, на его вѣяніе въ небольшихъ рощахъ, которыя встрѣчались все рѣже и рѣже. Ишимъ ушелъ отъ дороги далеко вправо. Я начиналъ забываться среди безсвязныхъ фантазій, служащихъ переходомъ отъ бодрствованія ко сну, какъ вдругъ громкій лай собакъ заставилъ меня очнуться; лошади остановились и я очутился въ нестерпимо ѣдкой, дымной атмосферѣ. Кто то подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ: кто ѣдетъ? и съ требованіемъ открытаго листа. Я спѣшилъ освободиться отъ своей сѣтки. Мы пріѣхали на Каратомарскій пикетъ, находя-

иійся верстахъ въ сорока отъ Петропавловска. Долго не могъ я ничего ни видѣть, ни отвѣчать: дымъ заѣдалъ мнѣ глаза, кашель прерывалъ голосъ. Чтобъ избавиться отъ камаровъ, казаки, находящіеся на степныхъ пикетахъ, разводятъ лѣтомъ на ночь *курева* изъ кизяка и мокрой травы, такъ что пикетъ превращается въ совершенную коптильню. Черезъ нѣсколько минутъ, я привыкъ однако къ дыму и могъ сквозь сумракъ разглядѣть низенькую казарму и длинную конюшню, окруженные четырехугольнымъ укрѣпленіемъ изъ рогаatokъ.

Между всѣми приказами, расположенными въ части Киргизской Степи, подчиненной сибирскому вѣдомству, устроено правильное почтовое сообщеніе. Станціями служатъ казачьи пикеты, обыкновенно расположенные верстахъ въ 30 или 40 другъ отъ друга, смотря по удобству сѣнокосовъ и воды, на которыя должно обращать преимущественное вниманіе при составленіи всѣхъ военныхъ соображеній въ степи. Каждый пикетъ окруженъ самымъ легкимъ укрѣпленіемъ, состоящимъ изъ невысокаго землянаго вала или рогаatokъ; число казаковъ, живущихъ вмѣстѣ, измѣняется отъ 10 до 20. Не смотря на ничтожность средствъ, которыми должно было ограничиться для этихъ совершенно-отдѣльныхъ укрѣпленій, не было еще примѣра, чтобы которое нибудь изъ нихъ было взято Киргизами. Въ 1839 году, Ке-

нисара-Касымовъ подходилъ съ двухтысячнымъ скопищемъ къ Ханскому пикету, который находится въ 35 верстахъ отъ Кокчетау и который былъ защищенъ тогда только 18 человѣками. Мятежники отступили безъ малѣйшаго успѣха. Удалъ и неустрашимость сибирскихъ казаковъ, заслуживающія чести обратиться въ пословицу, производятъ невѣроятно сильное моральное вліяніе на киргизовъ, которыхъ храбрость весьма односторонняя и, главное дѣло, кратковременна, какъ пороховая вспышка. Тѣмъ не менѣе, служба на пикетахъ сопряжена и съ трудностями и съ опасностями. Лошади продовольствуются большую часть года подножнымъ кормомъ и для этого иногда должно пасти ихъ въ значительномъ разстояніи отъ укрѣпленія. При малѣйшей неосторожности со стороны казаковъ, самая ничтожная шайка барантовщиковъ можетъ угнать цѣлый табунъ. Достаточно, чтобъ одинъ какой нибудь батырь, на лихомъ бѣгунѣ, подскакалъ къ лошадямъ и гаркнулъ: весь табунъ тотчасъ же понесется за нимъ и чрезъ нѣсколько мгновеній и самый слѣдъ простынетъ. Прежде такіе случаи повторялись очень часто; теперь, при болѣе бдительномъ надсмотрѣ казачьихъ офицеровъ, почти и не слыхать объ этихъ угонахъ.

Мнѣ любопытно было познакомиться поближе съ жизнью этихъ казаковъ пустынниковъ. Всѣ они посылаются въ степь только на двухгодич-

ный срокъ, по окончаніи котораго возвращаются въ свои станицы отдохнуть отъ претерпѣнныхъ трудностей и опасностей и собраться съ силами для новыхъ подвиговъ. Опасности для удалаго казака, конечно, ни по чемъ; безъ нихъ онъ бы совершенно стосковался въ своемъ уединеніи, вдали отъ семейства и родственниковъ. Въ особенности зимою, степная жизнь дѣлается, по видимому, несносною своимъ однообразіемъ. Безпредѣльная снѣжная пустыня вокругъ одинокаго жилья; бураны, не позволяющіе показать носу за дверь; вой голодныхъ волковъ, да изрѣдка какой нибудь проѣзжій по собственной или казенной надобности—вотъ все, что напоминаетъ объ остальномъ мірѣ этимъ затворникамъ. Не смотря на то, разговоръ о покинутой родинѣ, ожиданіе прихода вожделѣнной смѣны, трубка и, наконецъ, фантастическій міръ сказокъ, передаваемыхъ по вечерамъ передъ огонькомъ привилегированнымъ краснобаемъ пикета, скрадываютъ время—и длинная зима кое какъ да проходитъ.

На Каратомарскомъ пикетѣ даны мнѣ были въ конвой четыре человека казаковъ въ полномъ вооруженіи. Они поскакали во всю прыть по сторонамъ тарантаса, такъ что это конвоированіе нисколько не замедляло скорости ѣзды. Какая разница съ Екаториноградскою *оказією*, которую вспоминаютъ всѣ ѣздившіе въ Грузію, какъ самую поучительную школу терпѣнія! Я крѣпко

заснулъ и проснулся уже верстахъ въ 140 отъ Петропавловска. Меня поразила совершенная перемѣна физіономіи мѣстности. Вся степь усѣяна была сопками самой фантастической формы, которыя скорѣе можно было принять за причудливую работу титановъ, чѣмъ за простое произведеніе природы. При самомъ легкомъ усилии воображенія, сопки эти принимали видъ различныхъ звѣрей или уродливыхъ идоловъ, похожихъ на тѣ, которые встрѣчаются во множествѣ въ Новороссійскомъ краѣ. Вдали замѣтилъ я непрерывную цѣпь обрывистыхъ утесовъ, которые обозначали теченіе небольшой рѣчки, совершенно недостойной великолѣпнаго берега. У самаго Азатскаго пикета, утесы эти образуютъ выдающійся мысъ, похожій на огромнаго лежащаго звѣря. Мнѣ пришла въ голову корнесловная игрушка произвестъ названіе пикета отъ слова *ассада*, что значить левъ по арабски. Вообще неровности мѣстности въ степи представляютъ видъ весьма оригинальный, который заслужилъ бы честь особой статьи въ *Terrain Lehre* Ксиландера, если бы ученый капитанъ когда нибудь побывалъ въ предѣлахъ Средней Орды.

Часу въ одиннадцатомъ утра, прибылъ я въ Кокчетау, что значить *Синяя Гора* на киргизско-турецкомъ нарѣчій. Приказъ этотъ, открытъ въ 1824 году въ одно время съ Каркаралинскимъ и составляетъ вмѣстѣ съ нимъ самое

древнее поселеніе въ степи. Въ теченіе двадцатилѣтняго своего существованія, Кокчетау принялъ уже видъ цвѣтушаго мѣстечка, которому не достаетъ только церкви, чтобы не уступить ни въ чемъ большей части уѣздныхъ городковъ Тобольской Губерніи. Улицы прямы, дома построены съ нѣкоторымъ наблюденіемъ архитектурныхъ правилъ; двѣ три лавки могутъ доставить все необходимое для проѣзжаго не слишкомъ взыскательнаго. Видъ Кокчетау прекрасенъ. Высокая гора живописно украшена нѣсколькими отдѣльными рощами; довольно большое озеро, въ которомъ ловится много рыбы и, наконецъ, окрестности обильныя богатыми сѣнокосами. На краю горизонта синѣетъ нѣсколько сопокъ той же причудливой формы, которая поразила меня въ Азатѣ. Подлѣ селенія замѣтилъ я нѣсколько киргизскихъ юртъ. Хозяева ихъ прибыли въ Кокчетау по своимъ дѣламъ, и для избѣжанія хлопотъ пріисканія квартиры, привезли дома свои съ собою. Впрочемъ, должно сказать, что, подышавъ нѣсколько времени вольнымъ степнымъ воздухомъ, получаешь отвращеніе отъ комнатной жизни. Киргизы въ нашихъ даже прохладныхъ домахъ чувствуютъ себя тотчасъ же дурно, какъ рыбы, вынутыя изъ воды. Безъ страху не могутъ они глядѣть на наши потолки; имъ все кажется, что тяжелыя балки сейчасъ же

обрушатся, и привычка не скоро можетъ разсѣять ихъ опасенія.

Я познакомился съ старшимъ султаномъ Кокчетаускаго округа, Абуль-Хаиромъ-Габбасовымъ, однимъ изъ потомковъ знаменитаго Аблай-Хана. Черты его чрезвычайно-пріятны и болѣе приближаются къ типу кавказскому, чѣмъ къ монголо-турецкому. Важность и даже какая-то трожественность его обращенія достойны самаго образованнаго османлы. Вечеромъ, меня посѣтили человѣкъ десять киргизовъ, случившихся въ то время въ Кокчетау. Всѣ они были разодѣты въ пухъ, такъ что заслуживали названія окуле — шеголей. Цвѣтъ, который они особенно любятъ на халатахъ своихъ — красный или ярко-зеленый. Впрочемъ, самыя отчаянные франты, степные львы, предпочитаютъ этимъ скромнымъ еще по ихъ мнѣнію цвѣтамъ, халаты и шалвары, пестро-расшитые шелками. Обыкновенно вышиваются на нихъ кустарники и птицы, которые, умышленно или безъ намѣренія, располагаются иногда такъ странно на тѣлѣ шеголя, что почти-невозможно смотрѣть на нарядъ безъ смѣха. Дорогіе гости пожали у меня одинъ послѣ другаго руку и потомъ разсѣлись безъ церемоніи на полу. Разговоръ шелъ черезъ переводчика; впрочемъ, я безъ труда понималъ почти все, по сходству киргизскаго языка съ закавказскимъ-турецкимъ, который мнѣ довольно-знакомъ. У меня врѣза-

лось въ памяти одно обстоятельство этого разговора; оно можетъ дать вамъ понятіе объ эстетическомъ образованіи Киргизовъ. Одинъ изъ гостей моихъ былъ когда-то въ Петербургѣ, и свелъ разговоръ на великолѣпіе и удовольствія столицы. Ему удалось побывать и на придворныхъ балахъ, и въ театрѣ, и въ маскарадахъ, и пр. и пр. Но какъ вы думаете, что ему всего болѣе понравилось въ Петербургѣ? Вѣрно, никакъ не отгадаете. Всего болѣе почтенному султану понравилась въ Петербургѣ — *бойня*! И притомъ, не думайте, чтобъ она привлекла его вниманіе благоустройствомъ своимъ — нѣтъ! онъ полюбилъ ее за высокія наслажденія, доставленныя ему видомъ непрерывно-убиваемой скотины... Все прочее, по его мнѣнію, очень-хорошо, но не можетъ сравниться въ изяществѣ — съ бойнею.

Въ киргизскихъ фізіономіяхъ нѣтъ ничего отлѣчительно-характеристическаго. Это преимущественно происходитъ отъ-того, что киргизы часто находятся въ сношеніяхъ съ сосѣдними народами. Нѣкоторыя лица замѣчательны по своей правильности и напоминаютъ собою закавказскихъ татаръ, между которыми некрасавецъ — рѣдкость. Впрочемъ, большею частію, выдающіяся скулы и узковатыя глаза безобразяютъ киргизовъ и производятъ непріятное впечатлѣніе на непривычный глазъ. Много также встрѣчается лицъ, поражающихъ отсутствіемъ всякаго выраженія. Вы можете соста-

вить себѣ о нихъ понятіе, если вамъ случилось видѣть нѣкоторыхъ казанскихъ татаръ. Форма лица круглая, какъ полная луна; глаза узкіе, брови едва-замѣтныя, носъ разплюснутый и цвѣтъ лица коричневый, какъ цвѣтъ египетскихъ мумій. Обыкновенный ростъ киргизовъ средній, болѣе переходящій въ высокій, чѣмъ въ малый. Всѣ они необыкновенно-крѣпкаго сложенія. Суровое степное воспитаніе стоитъ горы Тайгета, съ которой Ликургъ приказывалъ спартанцамъ сбрасывать дѣтей, родившихся хилыми. Киргизенку, вскормленному матерью подъ открытымъ небомъ и уцѣлѣвшему среди бурановъ, нерѣдко засыпавшихъ снѣгомъ его люльку, конечно, всю жизнь уже нечего бояться простуды. Впрочемъ, должно сказать что смертность между грудными дѣтьми чрезвычайно-велика.

Мѣстное начальство въ Кокчетау было озабочено пріисканіемъ надежныхъ вожаковъ для предстоявшей экспедиціи. Киргизы, съ нѣкотораго времени, присоединяются весьма-охотно ко всѣмъ отрядамъ, отправляемымъ противъ ихъ соотечественниковъ, разбойничающихъ съ Кенисарою. Польза, приносимая этими союзниками, не слишкомъ-велика. По недостатку мужества и плохому вооруженію, они почти не употребляются въ дѣло, а только присматриваютъ за отбитымъ у мятежниковъ скотомъ, содержатъ наблюдательные пикеты и осматриваютъ, нѣтъ ли гдѣ слѣдовъ

непріятельскихъ. Тѣмъ не мѣнѣе, нѣкоторые изъ Киргизовъ, могущіе служить жожаками, совершенно необходимы для отряда: безъ нихъ нельзя ожидать никакого успѣха. Жожаками обыкновенно бывають состарѣвшіеся барантовщики, которые, въ-продолженіе бурной молодости своей, изѣздили для разбоевъ степь по всѣмъ направленіямъ и какимъ-то чудомъ вынесли цѣлыми удалыя башни свои, испещренныя рубцами. Каждое степное урочище напоминаетъ имъ какой-нибудь замѣчательный случай въ ихъ жизни. Тамъ подкрадывались они ползкомъ къ безопасно-отдыхавшему аулу затѣмъ, чтобъ вывѣдать, много ли въ немъ народа, гдѣ пасутся лошади, гдѣ бараны? Въ другомъ мѣстѣ провели они, связанные по рукамъ и по ногамъ, длинную безсонную ночь, обдумывая средства къ побѣгу, чтобъ спастись отъ жестокой пытки, которая должна была начаться съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня... Вытерпѣнныя опасности составляютъ лучшее мнемоническое вспоможеніе. Самыя мелкія топографическія подробности степи врѣзываются въ память этихъ неутомимыхъ искателей приключеній. Слушая ихъ рассказы, не постигаешь, какъ могли запомнить они такой длинный реэстръ сопокъ, могилъ, плесовъ, колодцевъ съ прѣсной и соленой водою, пастбищныхъ мѣстъ съ отличнымъ, посредственнымъ и дурнымъ кормами, и проч., и проч. Самый заботливый русскій помѣщикъ едва ли

такъ хорошо знакомится съ нѣсколькими десятинами, составляющими его владѣніе, какъ эти батыри ознакомились съ безконечнымъ пространствомъ степи.

Въ Кокчетау рекомендовали намъ двухъ вожакъ, на которыхъ, какъ говорили, можно было понадѣяться. Одинъ изъ нихъ, Тюлешъ, лѣтъ сомидесяти-пяти, невысокаго роста, былъ сморщенный, сгорбившійся старичишка, въ потухшихъ глазахъ котораго изображалось совершенное отсутствіе мысли. Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, то не могъ вѣрить, чтобъ онъ въ состояніи былъ еще ѣздить верхомъ. Я сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ о мѣстности, и дряхлый хрычъ мгновенно преобразился. Казалось, что лѣтъ тридцать вдругъ спало у него съ плечъ, и переводчикъ едва успѣвалъ передавать мнѣ смыслъ стремительной болтовни его. Медленность нашего разговора сдѣлала старика нетерпѣливымъ — онъ схватилъ со стола мѣлъ, бросился на полъ, принялся чертить на немъ карту того пространства, о которомъ я его спрашивалъ, и все это съ живостью самаго вертляваго цыгана, расхваливающего достоинства торгуемой у него лошади. Тюлешъ признался мнѣ, впрочемъ, что лѣта оказываютъ уже на него тяжелое вліяніе. Онъ страдаетъ отъ старости безсонницею и потому, когда случается ему ѣхать въ дальній путь съ молодыми товарищами, то всегда ссорится съ ними за

то, что не даетъ имъ заснуть ни минуты. Кромѣ того, онъ начинаетъ уже очень плохо видѣть, такъ, что версты за двѣ едва можетъ разглядѣть масть лошади. Тюлешъ нѣсколько разъ уже попадался въ руки Кенисары, который, при каждомъ таковомъ случаѣ, собирался содрать съ него живаго кожу, но хитрый вожакъ дѣлался въ плѣну еле еле-дышущимъ старикомъ и рука даже привычныхъ убійцъ не поднималась на его сѣдую голову. Впрочемъ, Тюлешъ обыкновенно и не даетъ имъ много времени на размышленіе, потому-что уходитъ отъ нихъ при малѣйшей ихъ оплошности, да еще уводитъ съ собою лучшаго коня изъ всего табуна.

Другой вожакъ, по имени Атагай, былъ теленгутомъ Околлинскаго султана, Кунур-Кульджи-Кудаймендина. Атагай, мужчина среднихъ лѣтъ, видный собою, съ правильными чертами лица, которое выражаетъ проворство и смышленость. Расскажу вамъ о немъ анекдотъ. Каркаралинскій султанъ, Турсунъ-Чингисовъ, питалъ издавна злобу на Атагая за разныя его проказы, и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ подстерегалъ его безпрестанно. Послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, ему посчастливилось наконецъ схватить его. Пойманный Атагай связанъ былъ на ночь такъ крѣпко, что не могъ пошевелинуться. Приставленные сторожить его Киргизы, по обыкновенію своему, бодрствовали только съ вечера, а къ

полночи крѣпко заснули. Въ двухъ шагахъ отъ лежавшаго на голой землѣ Атагай пымалъ разложенный костеръ, и вѣтеръ, повременамъ, осыпалъ плѣнника горячимъ пепломъ. Вдругъ одна благодѣтельная искра упала на веревку, которую Атагай былъ связанъ; веревка слегка затлѣла; обрадованный плѣнникъ началъ, сколько было силъ, раздувать пламя. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, веревка перегорѣла въ одномъ мѣстѣ до половины и плѣнникъ, понатужась, разорвалъ ее. Движенія его сдѣлались посвободнѣе; онъ доползъ до костра; не обращая вниманія на нестерпимую боль, пережегъ веревку на тѣлѣ своемъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Наконецъ, онъ былъ свободенъ. Теперь, казалось, слѣдовало бы ему бѣжать какъ можно скорѣе, пока не проснулся еще никто въ аулѣ, но Атагай былъ не таковъ. Онъ не могъ рѣшиться разстаться съ Турсуномъ, не сыгравъ съ нимъ на прощаньи какой-нибудь злой шутки. Онъ поймалъ двухъ лучшихъ коней, пасшихся вблизи, и подѣхалъ къ юртѣ, въ которой спалъ Турсунъ-Чингисовъ. Разбудивъ султана, пожелалъ онъ ему здоровья и всякаго благополучія, и ускакалъ прежде, чѣмъ удивленный Турсунъ успѣлъ порядкомъ протереть глаза. Можете вообразить себѣ бѣшенство послѣдняго. Онъ разбудилъ весь аулъ, отправился съ своими теленгутами въ погоню, но не тутъ-то было. Атагай

благополучно доскакалъ до дому и теперь не может нахвалиться султанскими конями.

Отъ Кокчетау до Атбассара дорога совершенно однообразна. Изобиліе сѣнокосовъ, воды и лѣса дѣлаетъ возможнымъ заселить когда-нибудь все это пространство. Атбассарайскій пикетъ нѣсколько болѣе дурныхъ; на немъ живетъ казачій офицеръ съ семействомъ. Подлѣ пикета расположилось нѣсколько юртъ Баганалинцовъ, которымъ полюбились, подъ защитою пикетныхъ казаковъ, быть въ полной безопасности отъ нападений всѣхъ хищниковъ. Эти Баганалицы совершенно отказались отъ кочевой жизни и хотя не выстроили еще себѣ домовъ, но юрты ихъ уже нѣсколько лѣтъ стоятъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ. За Атбассаромъ дорога выходитъ опять на берегъ Ишима.

Мнѣ начинало уже надоѣдать путешествіе по степи. Я проѣхалъ по ней около 500 верстъ, а все еще не видалъ ничего замѣчательнаго. Почтовая ѣзда ничѣмъ не отличается отъ ѣзды по всѣмъ другимъ большимъ дорогамъ Россіи. Только присутствіе казачьяго конвоя и совершенная пустынность окрестностей напоминаютъ, что ѣдешь не изъ одного губернскаго города въ другой.

Въ укрѣпленіи Джаркаинъ-Агачъ, способъ путешествія, къ великому моему удовольствію, совершенно перемѣнился. Далѣе, нѣтъ уже болѣе

*

пикетовъ и чтобъ доѣхать до Улутаускихъ-Горъ, гдѣ собранъ былъ весь отрядъ, я отправился впередъ съ партіею 50 человекъ казаковъ, сопровождавшихъ продовольственный транспортъ. За Джаркаинъ-Агачомъ начинается настоящая степь, неносящая уже на себѣ никакихъ наружныхъ слѣдовъ вліянія русскаго управленія.

За полчаса до восхода солнца, меня разбудили и сказали, что отрядъ собирается уже на другомъ берегу Ишима и готовится къ выступленію. Выходя изъ казармы, въ которой отвели мнѣ для ночлега комнату, я обернулся назадъ, чтобъ еще разъ посмотрѣть на нее. Мнѣ невольно пришло въ голову, что видъ какого бы то ни было строенія долго не представится уже глазамъ моимъ, и что много ночей прійдется провести подъ открытымъ небомъ, прежде, чѣмъ опять удастся попасть подъ гостепріимную сѣнь кровли.

Ишимъ подъ Джаркаин-Агачомъ мелокъ и не широкъ. Лѣтомъ переходятъ его въ бродъ почти вездѣ безопасно, но въ то время проливные дожди наполнили водою русло рѣки, и нельзя было переѣзжать иначе, какъ на паромѣ. Впрочемъ, такъ какъ теченіе было довольно тихое, то казаки переправляли коней своихъ вплавь, сваливъ одежду и вооруженіе на паромъ. Вмѣстѣ со мною

переѣзжала и какая-то Киргизка, лѣтъ восемнадцати. Это еще первая женщина, встрѣтившаяся мнѣ въ степи. Спутница моя была очень не дурна собою, но грязна выше всякаго описанія и укутана въ какія-то тряпки, столько же грязныя, какъ и ея лицо. Плеть въ рукахъ и нецеремонность, съ какою она обращалась со всѣми придавали ей необыкновенно мужественный видъ. Только-что достигли мы берега, какъ степная амазонка вскочила на лошадь свою, стоявшую подлѣ рѣки, кивнула мнѣ головою въ знакъ прощанія и понеслась, какъ стрѣла, по гладкому полю. Она была изъ аула, кочевавшаго не въ дальнемъ разстояніи отъ укрѣпленія.

Нашъ отрядъ, какъ я сказалъ выше, былъ очень немногочисленъ, но представлялъ изъ себя картину чрезвычайной дѣятельности. Казаки, продрогнувъ отъ купанья на утреннемъ холодѣ, поспѣшно одѣвались и сѣдлали коней, которые фыркали и отряхали мокрыя гривы свои. Верблюды были переправлены еще ранѣе; на нихъ накладеы были мѣшки съ сухарями и крупкою для отряда. Терпѣливыя животныя, смирно лежа на землѣ въ ожиданіи выступленія, почти совершенно были закрыты своими огромными выеками. Такъ какъ мы могли теперь каждую минуту ожидать нападенія, то приняли противъ него всѣ военныя предосторожности. Нѣсколько человѣкъ отдѣлены были впередъ въ видѣ авангарда, въ

которомъ находились и вожаки наши. Кромѣ того, человѣка по три казаковъ отъѣхали на версту вправо и влево отъ направленія пути нашего и образовали собою боковые отряды. Долго упрямылись верблюды подняться съ земли, какъ-бы предчувствуя трудности, ожидавшія ихъ на пути; наконецъ наскучивъ дерганьемъ и монотоннымъ чокъ, чокъ своихъ проводниковъ, вдругъ вскочили съ дикимъ ревомъ. Казаки набожно перекрестились и весь отрядъ по командѣ офицера, дружно двинулся впередъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Джаркаинъ-Агача, степь принимаетъ уже видъ *мертвенности*, который составляетъ отличительный характеръ ея на огромномъ протяженіи. Легкая волнообразность мѣстности нигдѣ не препятствуетъ взгляду углубляться въ самую даль и глазу вездѣ представляется одно и то же безотрадное зрѣлище — песокъ да глина, которые сквозятъ сквозь тощую растительность травы бураго цвѣта, называемой Киргизами *май-сара*. Юньское солнце сіяло на голубомъ небѣ и при яркомъ освѣщеніи его степь казалась еще печальнѣе. Не было ничего неопредѣленнаго, ничего обманчиваго, что бы скрывало отъ глазъ наготу природы. Я ударилъ нагайкою лошадь и пріостановилъ ее только въ самой серединѣ между нашимъ миниатюрнымъ авангардомъ и главными силами. Мнѣ не хотѣлось, чтобъ долеталъ до слуха моего говоръ людской, я же-

лалъ хотъ на нѣсколько минутъ безъ развлеченія предаться сладостно-грустнымъ впечатлѣнiямъ, наводимымъ пустынностью окрестностей. Никогда еще не случилось мнѣ видѣть частички земнаго шара, которая бы казалась столь свободною отъ власти человѣка. Нигдѣ не замѣтно было малѣйшаго признака его повсемѣстнаго торжества надъ природою; нигдѣ не отпечатлѣлось даже слѣда его минувшаго появленія. Можно было подумать, что мы первые еще вступали въ этотъ край, завѣтный для остальнаго человѣчества.

Но если степь казалась намъ чуждою и смотрѣла на насъ не совсѣмъ гостепріимно, за то тѣмъ привольнѣе была въ ней жизнь для всѣхъ другихъ тварей. Мнѣ представился обломокъ допотопнаго міра, который, по сказанiямъ Кювье, населенъ былъ только животными. Все поле изрыто было ворками, и я долженъ былъ сидѣть осторожно на лошади, которая безпрестанно въ нихъ проваливалась. Сурки съ любопытствомъ поглядывали на меня, какъ на невиданнаго гостя, и только изъ подъ копытъ лошади прятались подъ землю. Безчисленное множество тарбаганчиковъ, или земляныхъ зайцевъ, пересѣкало мнѣ дорогу. Тарбаганчики эти не бѣгаютъ, а только скачутъ на заднихъ лапкахъ, которыя у нихъ гораздо длиннѣе переднихъ. По временамъ, стрѣлою проносилась по полю сайга, дѣлая прыжки, похожіе на крутые рикошеты ядра. Коршуны и

беркуты кружились въ воздухѣ, высматривая себѣ добычу. Наконецъ множество дичи приводило въ восторгъ нашихъ отрядныхъ охотниковъ.

По мѣрѣ того, какъ солнце поднималось надъ горизонтомъ, жаръ становился все сильнѣе и сильнѣе, и наконецъ сдѣлался совершенно нестерпимымъ. Темный грунтъ земли, поглощая въ себя теплоту, сообщалъ нижнимъ слоямъ воздуха температуру банной атмосферы. Мысль, что на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ намъ не встрѣтится ни одного деревца, подъ тѣнью котораго мы могли бы укрыться отъ палящаго солнца, представлялась воображенію cadaго и пугала Сибиряковъ, которымъ случилось въ первый разъ быть въ степи. Я фхаль, опустивъ отъ утомленія голову внизъ, лошадь моя споткнулась и это прервало нить моихъ печальныхъ размышленій. Невольно взглянулъ я вверхъ и прекрасная картина открылась моимъ взорамъ. Прямо по направленію пути нашего, въ верстѣ разстоянія, представилось мнѣ довольно большое озеро, котораго противоположный берегъ поросъ густымъ лѣсомъ, давно уже невиданнымъ мною. На озерѣ было нѣсколько островковъ, также покрытыхъ деревьями. Эта смѣсь воды и зелени составляла очаровательный ландшафтъ. Мнѣ показалось страннымъ только, что это озеро не было означено на топографической картѣ, которую еще наканунѣ разглядывалъ я съ величайшимъ вниманіемъ. Я

обратился съ вопросомъ объ озерѣ къ одному изъ казаковъ, и отвѣтъ его разрушилъ мое очарованіе. Это было *мареево*, извѣстное подъ именемъ миража въ Европѣ. Разгоряченный воздухъ производитъ явленія выпуклаго зеркала, представляя степную траву въ видѣ высокихъ деревьевъ и отраженіемъ голубаго неба рисуя обширныя ска-терти воды. Нѣтъ ничего несноснѣе этого безпрерывнаго обмана зрѣнія: для насъ онъ стоилъ муки Тантала. Задыхаясь отъ жара и жажды, мы видѣли не въ дальнемъ отъ себя разстояніи тѣнь и воду, которыя постоянно ускользали отъ насъ, какъ *великое дѣло* отъ изысканій алхимиковъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ утомительнаго перехода, вдали показалась на темномъ грунтѣ степи узкая зеленая полоска, извивавшаяся, какъ змѣй, у подошвы невысокаго, но крутаго яра. Эта полоса обозначала теченіе Ишима, который опять вышелъ къ намъ на дорогу. Обыкновенно не болѣе, какъ на пространствѣ нѣсколькихъ сажень, и то только по берегамъ рѣкъ и ручьевъ, растетъ сочная трава, годная въ кормъ лошадямъ. По этому, движенія въ степи иногда бываютъ чрезвычайно затруднительны. Случается, что должно на усталыхъ коняхъ дѣлать безостановочно огромные переходы, чтобы добраться до корма и до воды. Свѣдущій вожакъ совершенно необходимъ для указанія ихъ: безъ него

можно описать людей въ нѣсколько дней. У насъ есть весьма точныя карты степи, но и онѣ не могутъ вывести изъ затрудненія отряднаго начальника. На нихъ означаются совершенно вѣрно рѣчки и озера, но въ этихъ рѣчкахъ и озерахъ, часто не бываетъ ни капли воды. Правда, что весною онѣ бываютъ наполнены тающими снѣгами, но къ осени озера покрываются густымъ лѣсомъ камыша, и вмѣсто рыбы водятся въ нихъ кабаны и барсуки. Степныя рѣчки имѣютъ, большею частію, самое ничтожное паденіе и лѣтомъ теченіе ихъ совершенно прерывается. Остаются длинныя сухіе овраги, которые тянутся на нѣсколько сотъ верстъ и носятъ на картахъ нашихъ названіе рѣки *такой-то*. Въ этихъ оврагахъ встрѣчаются, иногда на большомъ разстояніи другъ отъ друга, глубокіе омуты, въ которыхъ остается вода на цѣлое лѣто. Казаки называютъ ихъ *плесами* и *озеринами*, и подлѣ нихъ обыкновенно останавливаются отряды на ночлегъ. Рѣчная вода, превратясь въ стоячую, портится и часто нельзя пить ее безъ отвращенія; но само-собою разумѣется, что отправляясь въ степь, должно быть готовымъ на лишенія всѣхъ родовъ и даже стараться перенять у верблюдовъ ихъ философскую неприхотливость въ пищѣ и водѣ.

На этихъ небольшихъ оазисахъ, разбросанныхъ по степи, природа какъ-бы старается заставить путешественника забыть печальную картину, ко-

торая въ-продолженіи цѣлаго перехода представлялась его глазамъ. Сырость, распространяемая плесами, поддерживаетъ силу растительности вокругъ нихъ. Густые кустарники шиповниковъ и множество другихъ цвѣтовъ испещряютъ зеленѣющіе берега ихъ и дѣлаютъ эти лоскутки земли похожими на цвѣтники, искусственно разведенные. Кромѣ-того, около этихъ плесовъ водится немновѣрное множество дичи, еще не науганной людьми и потому безопасно подлетающей подъ самое дуло ружья. Можно было охотиться, не сходя съ мѣста, но само собою разумѣется, что такая охота теряла всю свою привлекательность, потому-что не соединена была съ неизвѣстностію, которая одна заставляетъ сердце охотника биться ожиданіемъ. Наши отрядные рыбаки на ночлегахъ также могли похвастать богатою добычею. Плесы совершенно походили на садки, такъ много было въ нихъ рыбы. Впрочемъ, случалось иногда, что самыя счастливыя тони не были казакамъ въ прокъ. Я видѣлъ, какъ разъ выбросили они множество пойманныхъ ими огромныхъ шукъ, потому-что въ каждой изъ нихъ найдено было по проглоченной полевой мыши. Казаки не рѣшились ѣсть шукъ, но не изъ брезгливости, а потому-что былъ Петровъ-постъ и они боялись оскоромиться.

Намъ незбы было дѣлать слишкомъ-большихъ переходовъ, потому-что предстоялъ дальній путь

на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, которыхъ сверхъ-того, мы должны были сберегать для усиленныхъ движеній, неизбежныхъ въ то время, когда уже удастся попасть на слѣды хищниковъ. Обыкновенные суточные переходы наши измѣнялись между 30 и 40 верстами, но мы должны были дѣлать ихъ въ самый жаръ. Ночью, самая бдительная цѣпь часовыхъ не въ состояніи обезпечить отъ угона пасущагося табуна лошадей. Поэтому, съ захожденіемъ солнца, необходимо загонять ихъ въ середину каре и ставить на коновязи, а выпускать опять на кормъ на разсвѣтѣ, тѣмъ-болѣе, что только на утреннемъ холодкѣ лошадь и ѣстъ охотно. Такимъ-образомъ, нельзя было выступать ранѣе, какъ часу въ седьмомъ утра, и приходить на ночлегъ часу во второмъ по полудни.

Въ началѣ перехода, обыкновенно отрядъ нашъ представлялъ изъ себя картину чрезвычайнаго одушевленія, которое составляло рѣзкую противоположность съ могильною тишиною степи. Казаки пѣли свои заунывные пѣсни, которыя нравились мнѣ выраженіемъ глубокаго чувства, въ нихъ сокрытаго, и оригинальностію мелодіи. Вообще, мнѣ рѣдко случалось слышать въ Сибири пѣсни, которыя распѣваетъ простой народъ въ великороссійскихъ губерніяхъ или Малороссіи. Сибирь обладаетъ для пѣнія собственнымъ своимъ репертуаромъ, который недурно бы видѣть

напечатаннымъ. Путешествующій здѣсь естествоиспытатель г-нъ III — къ показывалъ мнѣ составленное имъ довольно большое собраніе сибирскихъ пѣсень. Очень-жаль, если онъ не подѣлится имъ съ публикою. Кромѣ своихъ народныхъ пѣсень, казаки щеголяютъ иногда и русскими романсами, которыхъ голосъ и отчасти слова они передѣлываютъ на свой ладъ. Такъ-какъ почти всѣ казаки грамотные, то каждый пѣсенникъ, попавшійся какимъ-нибудь случаемъ въ сибирскую казачью станицу, оставляетъ въ ней слѣды своего пребыванія. Разъ какъ-то долго слушалъ я разсѣянно казака, ѣхавшаго подлѣ меня отдѣльно отъ другихъ и напѣвавшаго речитативомъ что-то безконечно-длинное. Наконецъ, продолжительность его пѣнія привлекла мое вниманіе, и представьте себѣ мое удивленіе, когда я прислушался хорошенько къ словамъ: казакъ, которому слѣдовало бы дать премію за отличную память, пѣлъ отъ начала до конца «Анжело» Пушкина!

Киргизы, которыхъ также было человѣкъ десять при нашемъ отрядѣ, составляли обыкновенно отдѣльную кучку, которой крики часто заглушали звучныя пѣсни казаковъ. Я уже успѣлъ сдѣлаться космополитомъ въ-отношеніи къ музыкѣ. Въ Карабахѣ слушалъ даже, *sans sourciller*, полный персидскій оркестръ, отъ котораго того-и-смотри падутъ стѣны.. Но съ пѣніемъ Киргизовъ я никакъ не могъ помириться. Кажется, что

за образецъ своей музыки приняли они произвольный ревъ разсерженныхъ верблюдовъ, и такъ-какъ подраженіе всегда далеко уступаетъ образцу, то и Киргизы далеко отстали въ музыкальности отъ своихъ двугорбыхъ маэстро. Пѣсни ихъ, большею частію, импровизаціи и напѣвъ ихъ все одинъ и тотъ же. Обыкновенно, пускаются въ состязаніе двое пѣвцовъ. Сначала одинъ прокричитъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ рифма составляетъ главное дѣло, а смыслъ есть вещь посторонняя. Послѣ того, другой отвѣчаетъ ему, или, лучше сказать перекликивается съ нимъ также стихами. Чѣмъ неожиданнѣе это возраженіе, т. е. чѣмъ совершеннѣйшую нелѣпицу составляетъ оно съ предъидущимъ, тѣмъ громче и ободрительнѣе хохотъ слушателей. Можете сами представить, до чего, наконецъ, въ два-три часа, доходитъ эта быстро-возрастающая прогрессія нелѣпостей.

Всѣ эти разноголосные концерты умолкали однако въ отрядѣ нашемъ къ полудню. Жаръ въ это время становился до того несноснымъ, что у нашихъ походныхъ соловьевъ пересыхало въ горлѣ и поэтическій геній киргизскихъ импровизаторовъ опускалъ отъ утомленія свои крылья. По временамъ только слышались брань и крики погонщиковъ, которые понуждали какого нибудь непослушнаго верблюда, намѣревавагося остановиться на мѣстѣ для лакомой травки и разстроить

собою ходъ нитки. *Ниткою* называется цѣлый рядъ верблюдовъ, привязываемыхъ обыкновенно гуськомъ, одинъ къ другому.

Но вотъ авангардъ нашъ остановился: значитъ, пришли на почлегъ. Лошади и верблюды ускоряютъ шагъ; урядники, по указанію офицера, втыкаютъ въ землю казачьи пики, для означенія угловъ каре. Вмѣстѣ съ тѣмъ выставляются по сторонамъ наблюдательные пикеты и, наконецъ, приступаютъ къ разсѣдыванію лошадей и развѣиванію верблюдовъ. Съ послѣдними опять несносная возня. Вѣроятно, тотъ, кто первый вздумалъ называть этихъ животныхъ послушными, видалъ ихъ только на картинкахъ. Упрямство ихъ превосходитъ всякое описаніе. Нельзя развѣивать ихъ, пока они не станутъ на колѣни, а они, не зная, изъ гордости, что ли, только долго не соглашаются принять это унижительное положеніе. Казаки, чтобы переупрямить непослушнаго верблюда, обыкновенно приподнимаютъ ему одну изъ переднихъ ногъ и привязываютъ ее веревкой къ его же шеѣ. Ничего не можетъ быть забавнѣе вида верблюда, важно стоящаго на трехъ ногахъ. Минуть чрезъ пять, упрямецъ начинаетъ однако чувствовать неловкость своего положенія, крѣпится еще нѣсколько времени, поглядываетъ на окружающихъ его людей, и наконецъ медленно становится на колѣни. Этотъ дивертисментъ

разыгрывался на каждомъ ночлегѣ и смѣшилъ насъ, какъ полишенель дѣтей.

Находясь въ степи, по неволѣ долженъ принять образъ жизни Киргизовъ. Такъ, напр. палатки, которыя возятся при нашихъ войскахъ въ мирное время и въ кавказскихъ экспедиціяхъ, совершенно не употребляются въ степныхъ походахъ. Онѣ мало предохраняютъ и отъ жара и отъ холода, а въ степи всегда почти приходится терпѣть крайности и того и другаго. Вмѣсто палатокъ, у насъ взяты были для офицеровъ киргизскія юрты, которыя и въ жаръ и въ холодъ представляютъ несравненно болѣе удобствъ, чѣмъ домики à la joint петербургскихъ дачъ, которыя каждое лѣто проклиняются и тѣмъ не менѣе занимаются жителями нашей сѣверной столицы. Юрты состоятъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ ширмъ, въ видѣ рѣшетокъ, которыя связываются между собою и образуютъ сомкнутый кругъ. Въ этихъ ширмахъ оставляется отверстіе, завѣшиваемое сплетенною изъ соломы шторою, которая служитъ вмѣсто двери. Въ верхней части ширмъ привязываются дугообразныя стрѣлы, которыя противоположнымъ концемъ своимъ втыкаются въ отверстія, продѣланныя по окружности большаго обруча. Стрѣлы составляютъ весь вмѣстѣ параболическій куполъ. Это собранный скелетъ юрты, который весь покрывается потомъ войлоками, или, какъ Киргизы называютъ ихъ, кош-

мами. Обручъ одинъ остается непокрытымъ, для прохода дыма отъ огонька, раскладываемого въ срединѣ юрты. Это подвижное жилище превосходно лѣтомъ; кошмы обыкновенно приподнимаются снизу и этимъ образуется въ юртѣ постоянное движеніе воздуха, которое умѣряетъ жаръ. Притомъ, если юрта хорошо увязана, то ни какой дождь не беспокоитъ сидящихъ въ ней.

Проживъ нѣсколько недѣль въ этихъ юртахъ, начинаешь понимать привязанность кочевыхъ народовъ къ своему образу жизни и отвращеніе ихъ отъ нашихъ неподвижныхъ домовъ. Каждый владѣлецъ юрты располагаетъ въ ней свое хозяйство какъ ему угодно, и однажды принятый порядокъ не измѣняется съ перенесеніемъ ея съ одного мѣста на другое. Послѣ каждой перекочевки можно подумать, что возвратился къ себѣ домой съ прогулки, продолжавшейся нѣсколько часовъ. Слѣдовательно, дорогое для насъ наслажденіе *привычки*, въ которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, заключается все доступное на землѣ людямъ счастье, чувство *at home* нисколько не нарушается кочевою жизнію. А сколько наслажденій доставляетъ это ежедневное переселеніе! На сегодняшнемъ ночлегѣ, кормъ не хорошъ, вода солоновата, комары не даютъ ни минуты покою—что же мѣшаетъ мнѣ завтра же удалиться отсюда? Я не невольникъ, который долженъ любо или нелюбо ему—всегда оставаться на одномъ и томъ

же мѣстѣ. Степь безпредѣльно велика и вездѣ, гдѣ только свѣтитъ солнце, журчитъ вода и зеленѣетъ трава, самъ Богъ приготовилъ мнѣ спокойное жилище.

Конечно, дурная сторона этой свободной жизни далеко превосходитъ хорошую, но о ней поговоримъ мы послѣ.

Прожарившись нѣсколько часовъ на палящемъ солнцѣ, чувствуешь неизъяснимое наслажденіе, входя въ прохладную юрту. Но эта вождельная минута заставляетъ ждать себя довольно долго. Только что успѣютъ развьючить верблюдовъ, какъ Киргизы начинаютъ ставить юрту, но къ несчастію, усердіе ихъ только замедляетъ дѣло. Всѣ они желаютъ выказать предъ офицерами свою готовность услужить, и потому, по три человѣка вмѣстѣ, хватаются за одну веревку и только мѣшajú другъ другу. Безпрестанно слышно *акрымъ, акрымъ*, (тише, тише), между тѣмъ, какъ дѣло и безъ того идетъ несносно тихо.

Почти вездѣ, гдѣ мы только останавливались, видны были киргизскія кладбища. Странное впечатлѣніе производили они на меня! Мы нигдѣ не встрѣчали не только живаго человѣка, но даже слѣда человѣческаго. Весь край казался совершенно необитаемымъ, потому что Киргизы никогда не кочуютъ лѣтомъ въ той части степи, по которой мы проходили. Единственнымъ предметомъ, напоминавшимъ намъ объ остальномъ чело-

вѣществѣ, были могилы. Такимъ образомъ, одни только давнимъ давно истлѣвшіе покойники принимали насъ въ этомъ негостепріимномъ краѣ. Часто, по вечерамъ, я отправлялся отдать визитъ нашимъ молчаливымъ хозяевамъ. Киргизскія могилы обозначаются грудой наваленныхъ камней, отъ которыхъ обыкновенно тянется еще грядка небольшихъ камешковъ по направленію къ водѣ. Эти камешки, думаетъ народъ, необходимы для указанія пути къ водѣ мертвецу, котораго жажда мучить въ могилѣ и который каждую ночь выходитъ изъ нея, чтобъ напиться въ близлежащемъ плесѣ. Впрочемъ, есть могилы и аристократическія, надъ которыми возвышаются прочныя каменные постройки. Издали онѣ имѣютъ совершенно видъ юртъ. Входъ во внутренность ихъ очень низокъ, и въ ней дѣлается еще небольшой памятникъ, въ родѣ лежанки. На самой вершинѣ свода часто кладется какой нибудь камень, отличающійся отъ прочихъ цвѣтомъ и формою. Камни эти Киргизы, иногда съ большими издержками, выписываютъ изъ какихъ нибудь знаменитыхъ по святости своей мѣстъ, находящихся въ Туркестанѣ или Бухаріи. Очень рѣдко встрѣчаются надписи, по малочисленности грамотныхъ людей въ степи; если гдѣ и есть онѣ, то заключаютъ въ себѣ какое нибудь изреченіе изъ Корана, а не имя покойника и тѣмъ менѣе

еще похвалу ему: послѣднее рѣшительно не въ духѣ Магометанской религіи.

Впрочемъ, Киргизы очень хорошо знаютъ имена тѣхъ, которые удостоились, по смерти своей, великолѣпнаго памятника. Обстоятельства жизни этихъ покойниковъ, большею частію, предаются полному забвенію, но имена, благодаря этимъ памятникамъ, сохраняются въ памяти народной. Причина этому очень проста. Въ степи почти такъ же мало встрѣчается географическихъ предметовъ, какъ и въ открытомъ морѣ; по этому, могилы, обозначенныя памятниками, даютъ свои названія цѣлымъ урочищамъ. Названія эти передаются изъ рода въ родъ и даже попадаютъ на наши географическія карты. Еслибъ Герострату было извѣстно это довольно дешевое средство пріобрѣсти безсмертіе, то безъ сомнѣнія, онъ не сжегъ бы храма Діанина.

Киргизскія могилы вырываются неглубоко; покойникъ, одѣтый въ мѣшокъ изъ бязи, опускается не въ лежачемъ, а въ сидячемъ положеніи, и потомъ не засыпается землею, а только закидывается сверху хворостомъ. Правовѣрные полагаютъ, что по удаленіи похоронной процессіи на 40 шаговъ отъ могилы, къ покойнику являются ангелы, которые наказываютъ его за всѣ совершенные имъ не слишкомъ важные проступки, какъ-то: за несоблюденіе предписанныхъ закономъ обрядовъ чистоплотности, за слишкомъ длинные

усы и пр. Кара за важнѣйшія преступленія начинается уже послѣ страшнаго окончательнаго суда.

Рѣдко нарушается безмолвіе этихъ кладбищъ, уединенно расположенныхъ въ пустой степи. Я помню, что разъ какъ-то, находясь внутри одного изъ могильныхъ памятниковъ и разговаривая съ товарищемъ, я обратилъ свое вниманіе на необыкновенно сильное эхо. Казалось, что кто-то невидимый третій участвовалъ въ нашемъ разговорѣ. Я вздумалъ испытать силу этаго эхо и выстрѣлилъ изъ пистолета. Въ ту же минуту все какъ будто ожило вокругъ насъ. Въ воздухѣ произошло страшное трепетаніе и какія то жесткія крылья, которыхъ не могъ я разглядѣть въ сумракѣ, нѣсколько разъ задѣли меня по лицу. Я подумалъ, не вспугнулъ ли трескъ пистолета магометовыхъ ангеловъ мучителей, но дѣло было проще. Выстрѣлъ мой разбудилъ нѣсколько десятковъ летучихъ мышей, которыя обыкновенно берутъ эти памятники въ полное свое владѣніе.

Когда случалось намъ, во время движенія проходить мимо этихъ кладбищъ, то Киргизы наши всегда заѣзжали исполнить на нихъ принятый въ степи обычай, который заключается въ томъ, что всадникъ долженъ подлѣ могилы слѣзть съ лошади и привязать гдѣ нибудь вблизи, на память, лоскутъ одежды или даже нѣсколько волосъ изъ

конской гривы. То же самое Киргизы исполняют и на каждом мѣстѣ, которое слыветъ у нихъ за святое. Этихъ святыхъ мѣстъ въ степи встрѣчается множество. Каждый предметъ, привлекающій вниманіе, какъ напр. отдѣльный большой камень или чахлый кустарникъ, почитаются святыми. Киргизы думаютъ, что Худай для какой-нибудь таинственной цѣли создалъ эти предметы такъ, чтобъ они кидались въ глаза каждому проезжему.

Мы шли прямо на югъ, по направленію къ Улутаускимъ-Горамъ. Путь нашъ пролегалъ почти по самой границѣ степи, подчиненной сибирскому вѣдомству, съ той, которая принадлежитъ оренбургскому. Каждый вечеръ мы останавливались на какомъ-нибудь полувывсохшемъ ручьѣ, и всѣ эти ручьи назывались Тургаями. Въ степи обыкновенно всѣ рѣчки, принадлежащія къ одной какой-нибудь системѣ, носятъ одно и то же наименованіе и различаются другъ отъ друга только прилагательными, поставляемыми впереди. Такъ всѣ рѣчки, имѣющія вершины свои на пространствѣ между Джаркаин-Агачомъ и Улутау, а теченіе на западъ, называются Тургаями, что значитъ по-киргизки *жаваронокъ*. Считаютъ болѣе 60 Тургаевъ, которые различаются другъ отъ друга прилагательными: кара — черный, сары — желтый и пр. Всѣ они впадаютъ въ Улу-Тургай — Большой-Тургай, который, вмѣстѣ съ Иргизомъ,

теряется въ камышахъ и соляныхъ грязяхъ, называемыхъ Аксакаль-Берби.

Мы шли уже нѣсколько дней, а видъ степи почти вовсе не перемѣнялся. Вездѣ одинакое безплодіе, вездѣ недостатокъ воды и наконецъ, вездѣ одинъ и тотъ же непривлекательный видъ поля, сливающагося по всѣмъ направленіямъ съ небосклономъ и поросшаго бурою майсарою. Изрѣдка встрѣчались намъ полосы земли, покрытыя ковылемъ; съ перваго взгляда, видъ этой серебристой травы довольно пріятенъ. Когда вѣтеръ пробѣгалъ по степи, она казалась моремъ, по которому катились серебряныя волны. Всѣ мы съ нетерпѣніемъ ожидали встрѣтиться съ кѣмъ бы то ни было, чтобъ получить извѣстія о мятежникахъ, но кромѣ саегъ и кулановъ (*) мы никого не встрѣчали. Взоры всѣхъ насъ постоянно были устремлены на авангардъ и на казаковъ, ѣхавшихъ по бокамъ. Если они останавливались на минуту, то радостное волненіе распространялось въ отрядѣ — вѣрно увидѣли что-нибудь новое; но наши мечты обыкновенно бывали непродолжительны. Разъ катъ-то дѣйствительно замѣтили мы вдали трехъ Киргизовъ, которые увидѣли насъ почти въ то же время, какъ и мы ихъ, и тотчасъ же поворотили коней на-

(*) Дикое животное, водящееся въ степи, и похожее отчасти на лошадь, отчасти на осла.

задъ. Долго гонялись мы за ними и насилу ихъ поймали. Оказалось, что они посланы были съ бумагами изъ нашего отряда, расположеннаго на Улутау, и не разглядѣвъ насъ, подумали, что наткнулись на шайку хищниковъ.

Наконецъ, засинѣли на краю горизонта вершины горъ Улутау и по бокамъ ихъ, горъ Арганатау и Кичитау. Мелленно росли онѣ надъ плоскою поверхностію степи, которая до самой подошвы ихъ сохраняетъ характеръ прежняго безплодія. Горы эти стоятъ совершенно отдѣльно на равнинѣ и можно было разсмотрѣть во всей подробности ихъ очерки, рисовавшіеся черными пятнами на голубомъ небѣ. Вступивъ въ узкія долины ихъ, мы вдругъ перенеслись совершенно въ новый край. Ключи чистой воды бѣжали изъ крутыхъ скалъ: лошади наши едва могли пробираться сквозь густую траву, покрывавшую берега многочисленныхъ ручьевъ. Мы въ скоромъ времени присоединились къ отряду, который уже съ мѣсяцъ расположенъ былъ на Улутау.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.)

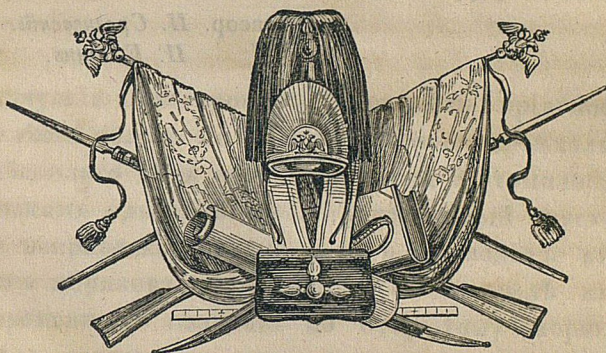
ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАННИКАМЪ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ТОМЪ LXXVIII. № 311.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Военно-Учебныхъ Заведеній.

1849.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

=

ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.

Продолженіе.

—

Улутаускія Горы могутъ произвести пріятное впечатлѣніе только на тѣхъ, которые проѣхали уже нѣсколько сотъ верстъ по степи и утомились ея плоскимъ однообразіемъ. Такъ, самый грустный и непривлекательный берегъ приводитъ въ восторгъ моряковъ, стосковавшихся по землѣ въ долговременномъ плаваніи по открытому морю. Площадь, занимаемая этими горами, составляетъ въ окружности около 70 верстъ и соединяется легкою волнообразностію мѣстности съ горами Арганатау на сѣверѣ и Кичитау на югѣ. Отъ Арганатау тянется рядъ возвышенностей въ Каркаралинскій Округъ; тамъ распространяется онъ по

*

разнымъ направленіямъ къ Иртышу и отъ этого вся восточная часть Киргизъ-Кайсацкой-Степи есть страна гористая, въ которой живописные виды встрѣчаются на каждомъ шагу. Къ западу отъ Улутау и къ югу отъ Кичитау, единообразно расстилается печальная, безплодная равнина, которая уходитъ далеко на сѣверъ и на югъ и раздѣляетъ собою систему Урала отъ системы Алтая. Крайнюю выдающуюся на западѣ оконечность послѣдней составляютъ горы Улутаускія.

Кому случалось проѣзжать по военно-грузинской дорогѣ между Казбекомъ и Коби, тотъ легко можетъ составить себѣ понятіе объ Улутаускихъ Горахъ, производя только нѣкоторыя измѣненія въ знакомыхъ ему видахъ. И тамъ и здѣсь одинаково господствуетъ печальный, сѣрый цвѣтъ но для Улутау должно уничтожить всю граціозность кавказскихъ громадъ и замѣнить русло бѣшенаго Терека лугомъ, покрытымъ густою и высокою травою, которая почти совершенно закрываетъ собою узкіе ручьи, имѣющіе самое спокойное теченіе. Нѣтъ ни озеръ, ни лѣсовъ которые въ соединеніи со скалами придаютъ столько живописности другимъ горнымъ пространствамъ. Кое гдѣ стелется особенная порода вереска, которою въ Сибири очень дорожатъ для оклейки мебели, и кустарникъ *джаргай*, доставляющій весьма красивыя и необыкновенно крѣпкія тросточки когда приготовленъ особеннымъ образомъ. Мож-

но подумать, что эти обнаженные, конусообразныя горы—не болѣе, какъ огромныя кучи земли безтолково наваленныя какими-то великанами, которымъ вздумалось здѣсь заняться землекопною работою.

Впрочемъ, Киргизы, нисколько не заботящіеся о живописности видовъ, чрезвычайно какъ дорожатъ своимъ Улутау и почитаютъ этотъ пунктъ самымъ благословеннымъ уголкомъ въ цѣлой степи. Дѣйствительно, лѣтомъ изобиліе кормовъ и воды на Улутау составляетъ неоцѣненное богатство для кочеваго народа; зимою, горы удерживаютъ свирѣпость бурановъ, снѣгъ въ долинахъ никогда не бываетъ слишкомъ глубокъ и по этому для скота не такъ затруднительно добывать себѣ изъ подъ него кормъ. Кромѣ того, въ Улутау есть много ущелій въ нѣсколько верстъ длиною, безъ всякаго выхода и съ весьма узкимъ входомъ, который заградить не трудно. Такимъ образомъ, эти ущелья образуютъ естественныя конюшни, въ которыхъ лошади и другой скотъ совершенно обезпечены отъ нападеній хищниковъ—выгода весьма важная въ столь безпокойномъ краю, какова Киргизская Степь. Не смотря на всѣ эти преимущества, никто не кочевалъ въ Улутаускихъ Горахъ, когда мы находились въ нихъ. Мирные киргизы опасались сосѣдства хищниковъ, а хищники давно провѣдали уже о при-

ближеніи русскаго отряда и бѣжали съ Улутау еще въ началѣ весны.

Отрядъ нашъ расположенъ былъ по берегу ручья Джетты Кызъ, что значитъ по киргизки *семь дѣвъ*. На счетъ происхожденія этого названія слышалъ я слѣдующее преданіе. Нѣкогда кочевалъ на Улутау весьма богатый султанъ, у котораго было семь дочерей, одна другой лучше. Слава о ихъ красотѣ разнеслась по цѣлой степи, и женихи съѣзжались толпами на Улутау, но никому изъ нихъ не удалось получить согласіе отца красавицъ. Гордясь дочерьми, своими, онъ требовалъ за каждую изъ нихъ калымъ не конями и не верблюдами, которыхъ у него было довольно, а цѣлыми *чаряками* (*) жемчугу и камней самоцвѣтныхъ. Влюбленные женихи рѣшались на неимовѣрные подвиги, кидались во всѣ опасности, чтобы добыть дорогой калымъ, но всѣ погибали, не успѣвъ еще собрать и сотой доли требуемаго. Кудай наказалъ корыстолюбиваго султана за ихъ смерть. Разъ, въ жаркую пору, всѣ семь сестеръ красавицъ отправились купаться къ ручью. Младшая изъ нихъ начала тонуть, другія бросились спасать ее и всѣ семь погибли вмѣстѣ. Слушая этотъ рассказъ, я не могъ удержаться отъ нѣкотораго сомнѣнія. Въ ручьѣ воды такъ мало, что въ

(*) Туркменская вѣсовая мѣра, почти равняющаяся нашимъ 5 фунтамъ.

немъ съ трудомъ можно утопить цыпленка; но разскашикъ, старый Киргизъ, замѣтилъ мнѣ, что для Худая все возможно, что онъ, если захочетъ, утопитъ и верблюда въ ковшѣ воды. Противъ этого возражать, конечно, нечего.

На одной изъ самыхъ возвышенныхъ вершинъ Улутау находится великолѣпный памятникъ, который извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ едигеевой могилы. Этотъ Едигей, по сказаніямъ Киргизовъ, былъ великій витязь, который прославился своими военными подвигами по ту сторону Ялка. Нѣкоторые сибирскіе антикваріи увѣряли меня, что это тотъ самый Едигей, который извѣстенъ въ нашей исторіи осадою Москвы и войною съ Витовтомъ литовскимъ, но я не думаю, чтобъ мѣсто погребенія его было такъ далеко на востокѣ. Впрочемъ, недалеко отъ Улутау, по теченію Кенгирей, есть много другихъ могильныхъ памятниковъ, которыхъ великолѣпіе славится въ цѣлой степи и которые воздвигнуты въ честь нѣкоторыхъ Чингис-Ханидовъ и Тимуридовъ. Памятникъ Едигея поставленъ на такой крутой высотѣ, что построеніе его, безъ сомнѣнія, было сопряжено съ весьма большими затрудненіями и издержками. За то, говорятъ Киргизы, ни человекъ не ступитъ на могилу великаго визира, ни звѣрь не пробѣжитъ по ней. Подвиги Едигея восхваляются въ народныхъ киргизскихъ пѣсняхъ, но въ нихъ онъ представленъ какимъ-то вымыш-

леннымъ существомъ, какъ у насъ Владиміръ Красно-Солнышко.

Возвратимся теперь къ разсказу о нашей экспедиціи. Отрядъ, собравшійся на Улутау, состоялъ изъ 250 человѣкъ казаковъ съ двумя орудіями и человѣкъ 150 Киргизовъ. Большая часть послѣднихъ разыгрывали у насъ роль мухи, столь усердно трудившейся о томъ, чтобъ двинуть рыдванъ съ мѣста. Съ утра до вечера слышался ихъ хлопотливый говоръ; вездѣ, гдѣ только представлялась тѣнь дѣла, но не самое дѣло, они собирались кучами. Надобно было украдкою отъ нихъ садиться на лошадь или слѣзать съ нея. Иначе, это простое дѣйствіе не обходилось безъ большихъ затрудненій, потому что человѣкъ десять Киргизовъ обыкновенно сбѣгались вокругъ лошади, вырывали другъ у друга стремяна, держали за поводья и кончали тѣмъ, что перепугивали лошадь, которая становилась на дыбы. Всѣ эти трутни — ужасные хвастуны и чрезвычайно любятъ разсказывать о своихъ подвигахъ. Ничего не можетъ быть забавнѣе ложнаго вида скромности, который они принимаютъ на себя при этихъ разсказахъ. «Конечно», говоритъ каждый изъ нихъ: «хвастать грѣшно предъ Богомъ и стыдно передъ людьми, но уже въ чемъ увѣренъ о себѣ по опыту, о томъ могу сказать смѣло: на примѣръ, съ десятию человѣками справиться мнѣ ни по чемъ, былъ бы только у меня доб-

рый конь, да исправный *мултукъ* (ружье)» и пр. и пр. Каждый берется совершить этотъ подвигъ, но мнѣ нигдѣ не удалось встрѣтить этихъ несчастныхъ десяти человѣкъ, съ которыми все берется справиться.

Само-собою разумѣется, что желаніе выказать свою удалъ и ревность къ службѣ рождаетъ между Киргизами сильное соперничество, которое разрѣшается безконечными ссорами и жалобами другъ на друга. Нѣкоторые изъ этихъ словесныхъ процессовъ мнѣ случалось слушать въ-продолженіи нѣсколькихъ дней сряду, и не смотря на все мое вниманіе, я никакъ не могъ добиться въ нихъ какого-нибудь толка. Не знаю, почему Киргизы не совсѣмъ довѣряли казаку, служившему намъ вмѣсто переводчика, и предпочитали своего собственнаго домо-рощеннаго лингвиста, который зналъ не болѣе двухъ десятковъ русскихъ словъ, и увѣрялъ своихъ земляковъ, что говоритъ по-русски такъ свободно, что на линіи его чуть-было не сковали, принявъ за бѣглаго казака. Можете сами себѣ представить, какъ плавно шелъ нашъ разговоръ чрезъ посредство такого переводчика и еще о дѣлѣ, которое само-по-себѣ такъ было запутано, что поставило бы въ тупикъ самаго премудраго судью. Обыкновеннымъ предметомъ распрей бывала какая-нибудь кляча, найденная въ степи безъ хозяина, потому-что, вѣроятно, брошена была имъ за негодностію. Кому теперь владѣть этою клячею? Тому ли, кто

первый увидѣлъ ее; или тому, кто первый схватилъ ее; или тому, кто не увидѣлъ и не схватилъ, но былъ въ ѣхавшей толпѣ старшимъ по роду и по лѣтамъ? Мѣстничество между Киргизами строго наблюдается, но правила, на которыхъ оно основано, очень запутаны. разрѣшить споры о темныхъ обычаяхъ такъ же невозможно, какъ отыскать квадратуру круга. Наконецъ иные сутяги начинаютъ утверждать, что, находясь при русскомъ отрядѣ, нечего ссылаться на степные обычаи, а лучше положиться на справедливость майора (*), а между-тѣмъ, майору, оглушенному ихъ криками, совершенно нельзя разобрать въ чемъ дѣло.

Кромѣ брани и ссоръ, спутники наши пріискали себѣ и другія занятія, столько же пріятныя и столько же полезныя для общаго дѣла. Большая часть Киргизовъ обладаетъ глубокими познаніями въ сокровенныхъ наукахъ; въ особенности же искусство гаданія и снотолкованія имѣетъ между ними многочисленныхъ адептовъ. Никогда и нигдѣ не видалъ я людей, до того суеверныхъ, какъ Киргизы. Не то, чтобъ они имѣли болѣе предразсудковъ, чѣмъ другіе народы — нѣтъ; мы сами въ этомъ отношеніи имъ нисколько не уступаемъ; но по-крайней-мѣрѣ наше суевѣріе ока-

(*) Такъ обыкновенно Киргизы называютъ отряднаго начальника, какого бы, впрочемъ, онъ ни былъ чина.

зываетъ мало существеннаго вліянія на наши намѣренія и дѣйствія. Едва-ли кто изъ насъ рѣшится на что-нибудь важное потому только, что увидѣлъ хорошій сонъ. Другое дѣло Киргизы. Часто приходили они къ намъ съ предположеніемъ сдѣлать то или другое военное распоряженіе, и представляли, какъ несомнѣнное и единственное доказательство основательности своихъ совѣтовъ, видѣнный сонъ или результаты своихъ гаданій. Самое употребительное гаданье производится посредствомъ бараньей кости, которую кидаютъ на время въ огонь и потомъ, по образовавшимся на ней трещинамъ, предсказываютъ будущее, какъ хироманты по линіямъ лѣвой ладони. Это гаданіе болѣе или менѣе извѣстно каждому Киргизу, но нѣкоторые изъ нихъ умѣютъ гадать и по необожженной бараньей кости. Таковые мудрецы весьма-рѣдки и искусство ихъ въ большой славѣ въ степи.

Казалось бы, что почти ежедневное разочарованіе должно, наконецъ, открыть глаза этимъ жаркимъ суевѣрамъ, но — пусть читатель, къ какому бы кругу общества онъ ни принадлежалъ, припомнить себѣ только то, чему онъ самъ, безъ сомнѣнія, бываетъ ежедневнымъ свидѣтелемъ, и онъ согласится со мною, что самъ Геркулесъ, взявшійся очистить конюшни царя Авгія, не взялся бы очистить отъ бредней суевѣрія той несчастной головы, въ которую онъ закрался.

Поэтому, неудивительно, что съ каждымъ годомъ жизни болѣе-и-болѣе развивается вѣрованіе въ эти нелѣпости, и старики вообще суевѣрнѣе молодыхъ людей. Я расскажу вамъ одинъ анекдотъ, который можетъ дать вамъ понятіе до чего доходитъ жалкое ослѣпленіе Кирдизовъ. Многочисленная волость кочевала гдѣ-то на мѣстѣ, обильномъ водою и кормомъ. Старшины намѣревались остаться на этомъ мѣстѣ довольно долго; но на бѣду волость эта обладала своимъ гадателемъ, котораго искусство было въ большой славы и къ которому народъ имѣлъ безпредѣльную довѣренность. Однажды, гадатель этотъ взволновалъ всю волость, предсказавъ ей, что на томъ мѣстѣ, гдѣ она кочуетъ, завтра же будетъ пролита кровь. Какъ ни странно казалось это предсказаніе, потому-что, по обстоятельствамъ, ни откуда нельзя было ожидать нападенія, но все-таки народъ повѣрилъ своему пророку и для избѣжанія грозившей опасности, тотчасъ же началъ собираться въ путь, рѣшась пожертвовать всѣми выгодами настоящей кочевки. На другой день, волость передвинулась уже на значительное разстояніе отъ опаснаго мѣста и остановилась на ночлегъ. Нѣсколько людей посмѣлѣе, и въ томъ числѣ самъ гадатель, вздумали съѣздить на прежнее мѣсто, чтобъ посмотреть какимъ образомъ исполнилось предсказаніе и на какую кровь оно указывало. Само-собою разумѣется, что эти смѣльчаки взяли

съ собой лучшихъ коней и надежное вооруженіе, чтобъ самимъ предохранить себя отъ таинственной опасности. Приѣхавъ на роковое мѣсто, они не нашли на немъ ничего новаго. Все было вокругъ тихо, и видимо, никто не посѣщалъ этого мѣста послѣ того, какъ скочевала съ него волость. Наши смѣльчаки объѣхали все поле въ сопровожденіи гадателя; уже нѣсколько вольнодумныхъ колкостей были произнесены на его счетъ, какъ вдругъ всадники увидѣли вблизи сайгу. Одинъ изъ нихъ слѣзъ съ лошади, подкрался осторожно, выстрѣлилъ и убилъ сайгу на-поваль. Всѣ съѣхались посмотреть на убитое животное, и гадатель съ торжествомъ указалъ на текущую кровь, прибавивъ къ тому, что предсказаніе не могло не сбыться, что кровь, которою грозило оно, уже пролита и теперь волость можетъ безъ страха воротиться на прежнее мѣсто. Какъ бы вы дамали? Никто не нашелъ этого объясненія натянутымъ и волость воротилась вазадъ, болѣе чѣмъ когда-нибудь убѣжденная въ непогрѣшительности своего гадателя.

Но, какъ сказалъ Цицеронъ, кто мечетъ дротикомъ въ-продолженіи цѣлаго дня, тотъ, конечно, хоть разъ да попадетъ въ цѣль. Иногда случай оправдываетъ эти предсказанія и молва о томъ расходится по цѣлой степи, къ вящему назиданію вѣрующихъ и къ посрамленію сомнѣвающихся. Вотъ, что слышалъ я въ Петропавловскѣ и могу ручаться вамъ за справедливость

разказа. Пролую зиму, не въ дальнемъ разстояніи отъ Улутау, кочевали аулы одного изъ мятежныхъ султановъ, родственника Кенисары. Не знаю хорошенько зачѣмъ, но только султанъ этотъ отправился изъ своихъ ауловъ куда-то вдаль и отъѣзжая, строжайше приказалъ старшей женѣ своей ни въ какомъ случаѣ не перекочевывать до его возвращенія. Пролло нѣсколько недѣль. Въ одно утро, султанша проснулась необыкновенно задумчивою и велѣла позвать къ себѣ муллу, славившагося своимъ искусствомъ толковать сны. Ночью, сказала она ему, привидѣлось мнѣ, будтобы огромный верблюдъ подошелъ къ юртѣ и началъ ломать ее. Мулла поблѣднѣлъ, услышавъ объ этомъ снѣ и объявилъ султаншѣ, что ей угрожаетъ ужасное несчастіе, что оно сбудется еще до заката солнца и, чтобъ уйти отъ приближающейся бѣды, должно бѣжать, не теряя минуты времени. Всѣ эти увѣщанія не подѣйствовали, однако, на султаншу, которая побоялась послушаться приказаній мужа и осталась съ аулами своими на мѣстѣ. Такъ велика была увѣренность муллы въ справедливости предсказанія, что онъ схватилъ перваго попавшагося ему коня и ускорилъ изъ ауловъ, предоставивъ ихъ собственной своей судьбѣ. Еще не прекратился между приближенными къ султаншѣ людьми разговоръ о ея снѣ и о предсказаніи муллы, какъ вдругъ казачій отрядъ, о присутствіи котораго въ степи

не было совершенно никакихъ слуховъ, произвелъ нападеніе на мятежные аулы. Они потерпѣли совершенное пораженіе и сама султанша была захвачена въ плѣнъ и отвезена въ Сибирь. Спасся одинъ только мулла, ускакавшій, какъ мы сказали, не болѣе, какъ за часъ до нападенія.

Мы стояли уже нѣсколько дней на Улутау и все еще не удалось намъ получить никакихъ свѣдѣній о томъ, куда удалились аулы мятежниковъ. Около насъ, въ окружности на нѣсколько сотъ верстъ, не было ни одного живаго существа, которое могло бы намъ доставить какія бы то ни было извѣстія. Приверженцы Кенисары бѣжали съ Улутау уже мѣсяца два тому назадъ. Въ-продолженіи всего этого времени, они, безъ всякаго сомнѣнія, находились въ передвиженіяхъ; слѣдовательно, и первоначально принятое ими направленіе, котораго замѣтны были еще нѣкоторые легкіе слѣды, не могло открыть намъ того, что намъ такъ нужно было узнать. Нельзя же было отправиться по этимъ слѣдамъ и перейти весь двумѣсячный путь, пройденный мятежниками. Если даже и въ европейской войнѣ, гдѣ всѣ передвиженія основаны на направленіяхъ дорогъ и на расположеніи стратегическихъ пунктовъ, слѣдовательно, на данныхъ, всегда и всѣмъ хорошо извѣстныхъ и неизмѣняющихся — если даже, говорю я, въ такой войнѣ почти невозможно отгадать дѣйствія не-

пріятеля безъ помощи шпионовъ и переметчиковъ — то каково же было дѣлать эти догадки намъ, находившимся среди пустыни, въ центрѣ совершенно правильной окружности, образуемой пересѣченіемъ небосклона съ голою степью. Развѣ только баранья кость киргизовъ или магнетическое дальновидѣніе могли вывести насъ изъ недоумѣнія? Всѣ волости, оставшіяся вѣрными нашему правительству, кочевали въ близи линіи или приказовъ, чтобъ подъ охраненіемъ тамошнихъ военныхъ отрядовъ быть въ безопасности отъ грабительствъ хищниковъ. Мы отошли уже отъ нашей границы почти на тысячу верстъ; слѣдовательно, оттуда также извѣстія не могли доходить до насъ скоро. Расположеніемъ нашимъ на Улутау мы совершенно предохраняли отъ вторженій мятежниковъ всю степь, подчиненную сибирскому вѣдомству, потому-что Кенисара не осмѣливался бы зайти въ нее, имѣя у себя въ тылу нашъ отрядъ. Самое благоразумное, что мы могли только сдѣлать было — остаться на Улутау до-тѣхъ-поръ, пока не удастся перехватить кого нибудь и получить извѣстіе о мѣстѣ нахождения хищниковъ. По всѣмъ направленіямъ разослали мы небольшія партіи чалганчей (*éclaireurs*), для отысканія, не найдется ли гдѣ свѣжихъ слѣдовъ. Какъ ни способны казаки на всѣ обязанности боевой жизни, но для развѣдыванія они не могутъ замѣнить Киргизовъ. Послѣдніе

обладають въ этомъ отношеніи какою-то чудною сметливостью. Замѣтивъ слѣдъ, они останавливаются, разглядываютъ его во всѣхъ подробностяхъ и потомъ утвердительно скажутъ вамъ; когда проѣзжали тутъ люди, сколько ихъ было, други ли они или недруги, зачѣмъ они ѣхали, и пр., и пр. Сцѣпленіе этихъ выводовъ такъ же удивительно какъ удивительна проникаемость Кювье, возсоздававшего по маленькой окаменѣлой косточки цѣлое допотопное животное. Конечно, болѣе встрѣчается такихъ киргизовъ, которые мастера предсказывать будущее, чѣмъ такихъ, которые умѣютъ отгадывать прошедшее. Последнее искусство не такъ легко дается, какъ первое.

Наши вожаки, Тюлешъ и Атагай, съ которыми я уже васъ прежде познакомилъ, славились глубокимъ знаніемъ этаго дѣла. Оно, впрочемъ, сопряжено не только съ трудностями, но и съ опасностями. Всякій киргизъ, встрѣтившійся съ такою развѣдочною партіею, смотритъ на нее неприязненнымъ глазомъ. Если чалганчей болѣе числомъ, чѣмъ встрѣтившихся имъ людей, то первые тотчасъ же начинаютъ гоняться за послѣдними, чтобъ захватить что-нибудь и доставить языка въ отрядъ. Если же чалганчей менѣе, то имъ не дадутъ проѣхать спокойно, а погонятся за ними, и горе тому, кого поймаютъ. Не слушая никакихъ объясненій, его засѣкутъ нагайками до полусмерти и потомъ, отобравъ лошадей и раздѣвъ до на-

га, бросають посреди пустой степи. Тогда развѣ только особенный какой-нибудь случай можетъ спасти несчастнаго отъ томительной голодной смерти. И странно, не смотря на все эти опасности, киргизы гораздо-смѣлѣе пускаются въ эти поѣзды, чѣмъ въ открытый бой съ неприятелемъ. Подъ пулями почти все они совершенно теряютъ присутствіе духа, хотя тутъ вѣроятность быть убитымъ или раненымъ несравненно менѣе вѣроятности быть пойманнымъ, когда должно переѣзжать въ небольшомъ числѣ людей нѣсколько сотъ верстъ разстоянія.

Судьба чалганча, впрочемъ наиболѣе зависитъ отъ его коня; на плохой лошадекѣ никто не рѣшится на такую опасную поѣздку; притомъ и ѣхать надобно не иначе, какъ о-дву-конь. Если всадникъ пересаживается, по-временамъ, съ одного коня на другаго, то силы обоихъ сохраняются гораздо-долѣе. Притомъ, если лошадь захвораетъ и не въ состояніи будетъ идти далѣе, то чалганчи, не имѣя другой запасной, подвергается неминуемой гибели. Положеніе опѣшившагося одинокаго человѣка въ степи не лучше положенія моряка, плывущаго на бревнѣ въ открытомъ океанѣ послѣ кораблекрушенія. Часто слыхалъ я рассказы, напоминавшіе мнѣ знаменитыя страданія несчастныхъ пассажировъ «Медузы». Передаю вамъ одинъ изъ этихъ рассказовъ такъ точно, какъ я его слышалъ.

Въ Аманъ-Карагайскомъ Округѣ былъ богатый киргизъ, по имени Язы Яновъ. Вздумалось ему съѣздить къ одному изъ своихъ пріятелей, кочевавшему верстахъ въ 200 разстоянія. Это странство было совершенно безводно и бесплодно, но о-дву-конь легко можно переѣхать его въ сутки, и Язы-Яновъ отправился, не взявъ съ собою товарища. Прошло нѣсколько дней; Язы-Яновъ все не возвращался, и жена его послала нѣсколько людей справиться о мужѣ въ аулахъ, въ которые онъ поѣхалъ. Тамъ его и не видали. Пустылись искать Язы-Янова по всеѣмъ направленіямъ. Въ скоромъ времени отыскиали лошадей его, которыя смиренно шипали тощую траву. Одна изъ нихъ была осѣдлана и даже на ней осталась еще торба съ припасами, взятыми Язы-Яновымъ въ дорогу; припасы эти были нетронуты. Долго посланные искали хозяина лошадей; наконецъ, нашли островъ человѣческій и подлѣ него нѣсколько доскутковъ одежды, по которымъ признали несчастнаго Язы-Янова. Волки и хищныя птицы успѣли уже оглодать его до чиста. Легко представить себѣ, какая ужасная смерть постигла неосторожнаго путника: по всей вѣроятности, лошади вырвались изъ рукъ его; онъ долго старался поймать ихъ, утомился безъ всякой пользы, голодъ и жажда довершили истощеніе силъ его, и онъ погибъ, быть можетъ, въ виду своихъ лошадей и припасовъ.

Кромѣ разсылки чалганчей, мы разставили по всѣмъ Улутаускимъ возвышенностямъ наблюдательные пикеты изъ киргизовъ, которые также въ этомъ дѣлѣ превосходятъ казаковъ. Во первыхъ, узкіе, едва примѣтные глаза киргизовъ могутъ ясно разглядѣть предметы въ такой дали, гдѣ мы ровно ничего не видимъ, и въ этомъ отношеніи, мы съ ними никакъ не можемъ сравниться. Во вторыхъ, киргизы обладаютъ искусствомъ такъ располагаться, что могутъ видѣть все вокругъ себя и въ тоже время сами остаются совершенно невидимыми. Самый образъ жизни развиваетъ въ нихъ эти дарованія, столь драгоцѣнные для аванпостной службы.

Мы надѣялись, что мятежники, подсмотрѣвъ уже наше движеніе на Улутау, будутъ также съ своей стороны подсылать къ намъ партіи для наблюденія и что намъ, наконецъ, удастся перехватить которую нибудь изъ нихъ. Надежда наша долго не исполнялась. Правда, что тревоги случались у насъ ежедневно: то наши караульчи принимали за непріятельскую партію нашихъ же чалганчей, возвращавшихся съ разъѣздовъ; то марево разыгрывало съ ними свои шутки, представляя имъ стадо саегъ въ видѣ скачущаго коннаго отряда: самый опытный глазъ можетъ обмануться такимъ образомъ. Стоило посмотреть на радость, распространявшуюся въ нашемъ отрядѣ при каждой такой тревогѣ и потомъ на досаду, когда

тревога оказывалась пустою. Отрядъ нашъ затаился въ самой глуби горъ; цѣпь киргизскихъ пикетовъ стояла по окраинѣ ихъ, скрываясь за противоположными къ полю покатосями. Улуту казался извнѣ столь же пустыннымъ и безлюднымъ, какъ и степь, его окружавшая.

Наконецъ, послѣ многихъ жестокихъ разочарованій, случай наградила успѣхомъ наше долготерпѣніе. Въ одно прекрасное утро, прискакалъ къ намъ во весь опоръ одинъ изъ караульчей съ извѣстіемъ, что вдали показалось нѣсколько конныхъ людей. Всѣ чалганчи были дома и потому нельзя было сомнѣваться, что эти всадники не принадлежали къ нашему отряду. Я поскакалъ съ другими офицерами на пикетъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, мы сошли съ лошадей и ползкомъ добрались до гребня возвышенности, на которой лежали караульчи. Направивъ зрительную трубку въ ту сторону, куда указывали наши киргизы, я успѣлъ, наконецъ, замѣтить четыре движущіяся точки. Къ каждой изъ этихъ точекъ привязано было еще по точкѣ меньшей величины, чѣмъ первыя. По временамъ, эти точки соединялись въ одно черное пятно; чрезъ нѣсколько минутъ, онѣ опять раздѣлялись. Признать въ нихъ людей и лошадей я никакъ не могъ, даже при помощи зрительной трубки. Киргизы объяснили мнѣ, что ѣдутъ четыре всадника и что каждый изъ нихъ о-дву-ковъ. Очевидно было, что они

приближаются со всѣми предосторожностями и осматриваютъ мѣстность на каждомъ шагу, чтобъ не попасть въ засаду. Вдругъ замѣтили мы, что всадники съѣхались въ одну кучу, которая въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ оставалась неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, потомъ повертели назадъ и быстро начали удаляться отъ Улутау. Это была самая тяжелая минута для насъ, слѣдившихъ съ лихорадочнымъ любопытствомъ за каждымъ движеніемъ всадниковъ. Всего естественнѣе было подумать, что они замѣтили что нибудь обличавшее для нихъ присутствіе отряда на Улутау. Многіе изъ насъ совѣтовали тотчасъ же отправить за ними погоню; другіе, постарѣе и по опытнѣе, не соглашались на это, представляя, что догнать всадниковъ, преслѣдуя ихъ съ тыла, такъ же невозможно, какъ догнать сайгу, увидѣвшую охотника и что лучше всего, ожидать спокойно, что будетъ дальше. Прошло еще съ четверть часа: всадники продолжали удаляться; наконецъ, остановились на самомъ краю горизонта. Довольно долго стояли они вмѣстѣ, вѣроятно совѣтуясь между собою, что должно было имъ дѣлать: потомъ, опять повертели коней своихъ и поѣхали рысью прямо къ Улутау. Для cadaго изъ насъ объяснилась тогда причина ихъ кратковременнаго бѣгства. Подозрѣвая присутствіе отряда на Улутау, они вздумали подѣхать къ нему и выманить насъ

на преслѣдованіе, которое не представляло для нихъ никакой опасности, а между тѣмъ могло бы разсѣять всѣ ихъ сомнѣнія. Видя, что никто не показывается, они стали подѣзжать гораздо смѣлѣе. По доли извивалась весьма узкая и глубокая рытвина, выходившая изъ среды самыхъ горъ: мы отправили по ней человекъ шесть казаковъ, которые подкрались совершенно незамѣтно къ тому мѣсту, чрезъ которое должны были проѣзжать всадники. Последніе остановились въ недоумѣніи, какъ звѣри, чующіе западню и въ то же время не рѣшающіеся отойти отъ выставленной для нихъ лакомой приманки. Наконецъ, одинъ изъ всадниковъ, посмѣлѣе или по безразсуднѣе другихъ, отдѣлился отъ своихъ товарищей, поскакалъ во всю прыть прямо къ намъ и вскорѣ скрылся въ рытвинѣ. Долго никто не показывался на верху; наконецъ, къ неопisanному нашему удивленію, спокойно выѣхалъ изъ рытвины на нашу сторону тотъ самый всадникъ, котораго, какъ мы надѣялись, должны были схватить посланные въ засаду казаки. Видно, они его проглядѣли и онъ ихъ не замѣтилъ. Всадникъ, выѣхавъ на нашу сторону, пріудержалъ лошадей; обернувшись къ товарищамъ своимъ, смотрѣвшимъ на него издали, махнулъ имъ нѣсколько разъ рукою и потомъ, увидѣвъ, что они тронулись уже съ мѣста, снова поскакалъ прямо къ намъ. Только тогда уже, когда онъ былъ въ нѣ-

сколькихъ шагахъ отъ насъ, мы увидѣли, что это былъ одинъ изъ нашихъ казаковъ, посланный въ засаду и успѣвшій накинуть на себя колпакъ и халатъ всадника, спустившагося въ рывину, и схватить его коней. Заѣхавъ за гору, казакъ разсказалъ намъ въ нѣсколькихъ словахъ, какъ они, раздѣлясь на двѣ части, залегли по обѣ стороны спуска въ рывину, какъ кинулись на неосторожнаго киргиза, прежде чѣмъ послѣдній успѣлъ отыскать выѣздъ изъ рывины, повалили его на земь, скрутили и завязали ему ротъ. Разскащикъ тотчасъ же придумалъ нарядиться въ одежду плѣнника, сѣсть на его коня, взять другаго въ поводъ и, выѣхавъ изъ рывины, заманить къ намъ и прочихъ гостей, правда, что незваныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма желанныхъ. Еще не успѣли мы дослушать до конца его разсказа, какъ громкое ура! визгъ и гиканье возвѣстили намъ объ успѣхѣ придуманной хитрости. Только что остальные три киргиза перѣѣхали чрезъ рывину, какъ вдругъ со всѣхъ сторонъ налетѣли на нихъ казаки, сбили ихъ съ коней и связали прежде, чѣмъ успѣли они хорошенько понять свое положеніе.

Плѣнныхъ тотчасъ же расташили врознь, и мы приступили къ допросу, начавъ съ того, который попался къ намъ первый. Ему было не болѣе семнадцати лѣтъ, и безрасудная отвага, съ которою пустился онъ впереди своихъ болѣе ос-

торожныхъ товарищей, вполнѣ объяснилась его молодостью и неопытностью. Впрочемъ, эта хвастливая смѣлость совершенно оставила его, когда онъ увидѣлъ себя въ плѣну. Блѣдный, какъ смерть, въ безмолвіи озирался онъ вокругъ, и видно было, что ужасъ подавилъ въ немъ даже способность мышленія. Все происходившее вокругъ него тяготѣло надъ нимъ, какъ мучительный кошмаръ, въ которомъ не могъ онъ самъ-себѣ дать отчета. Я старался ободрить его ласковыми словами; долго оставались они для него непонятными; наконецъ онъ упалъ на землю, залился слезами и совсѣмъ краснорѣчіемъ, которое только можетъ внушить отчаяніе, началъ умолять, чтобъ пощадили его жизнь. Въ сношеніяхъ своихъ съ Кенисарою онъ не хотѣлъ признаться и рассказалъ намъ какую-то нелѣпую исторію, которую, какъ видно, не успѣлъ приготовить заблаговременно, и потому она наполнена была противорѣчіями. Видя, что на него не дѣйствуютъ ни угрозы, ни обѣщанія пощады въ случаѣ признанія, мы обратились ко второму плѣннику и съ перваго раза объявили ему, что намъ уже извѣстно, что они всѣ изъ шайки Кенисары, что первый плѣнникъ намъ признался въ этомъ и что заpiresательство только накличетъ бѣду на ихъ головы. Эта уловка имѣла желанный успѣхъ. Мало-по-малу мы выведали, что они посланы были Кенисарою, за нѣсколько дней до того, для раз-

вѣдыванія о русскомъ отрядѣ и что аулы хищника расположены на Большомъ-Тургаѣ. Для достиженія ихъ, мы рѣшились выступить съ Улутау вечеромъ того же дня.

Только-что распространилась по отряду вѣсть о выступленіи, какъ всѣ съ радостною живостію принялись дѣлать свои приготовленія къ походу. Надежда скоро догнать хищниковъ и, потомъ, раздѣлавшись съ ними, возвратиться назадъ въ благословенную Сибирь, одушевляла каждого. Наши походные сборы не требовали много времени; у насъ давно уже все было готово; одно только солнце мѣшало опуститься за утесы, а мы не хотѣли выступить ранѣе вечера. Вожакъ объявилъ, что должно сдѣлать переходъ верстъ въ 60 безъ воды и потому нельзя иначе идти, какъ ночью. Въ дневной жаръ, этотъ безводный переходъ совершенно измучилъ бы нашихъ лошадей, которыя только-что успѣли тогда отдохнуть отъ прежняго пути.

Я не могъ, безъ нѣкоторой грусти, смотрѣть на Улутаускія долины. Мысль, что по всей вѣроятности, я никогда ихъ уже болѣе не увижу, не позволяла мнѣ разстаться съ ними равнодушно. Правда, что съ перваго раза онѣ показались мнѣ очень-непривлекательными, но я провелъ въ нихъ

нѣсколько покойныхъ, почти беззаботныхъ дней, которые, какъ самъ я предугадывалъ, останутся отмѣченными свѣтлою чертою въ моей памяти. Эти мирные дни, обильные чувствованіями и мечтами, сблизили меня съ Улутау. Часто взбирался я на самыя крутыя возвышенности, чтобъ камнемъ означить на скалахъ свое имя. Многіе смѣются надъ страстію путешественниковъ всюду писать свои безвѣстныя имена; но право, не знаю, почему объясняютъ славолубіемъ эту дорожную эпидемію. Мнѣ кажется, что тутъ совершенно другая причина: каждый человѣкъ ищетъ во всемъ сочувствія; онъ хочетъ, чтобъ даже бездушные предметы съ нимъ симпатизировали. Грустно думать, унося въ душѣ своей воспоминаніе о какомъ-нибудь мѣстѣ, что самъ не оставляешь въ немъ по себѣ никакого слѣда. Поэтому, мнѣ кажется, что тотъ старается только удовлетворить тайной потребности души своей, кто придумываетъ, гдѣ бы по прочнѣе написать свое имя. Я живо представлялъ себѣ, какъ Улутау, оживленный, въ продолженіе недѣли, пребываніемъ на немъ отряда, часа черезъ два, когда мы двинемся въ походъ, снова погрузится въ обычное свое безмолвіе и приметъ пустынный видъ свой. Быть-можетъ, болѣе полугода пройдетъ прежде чѣмъ опять кто-нибудь нарушитъ глубокое уединеніе могилы едигеевой и вспугнетъ сайгъ, которыя ждутъ только нашего удаленія,

чтобъ снова принять эти зеленныя долины въ полное свое владѣніе.

Часу въ седьмомъ вечера, мы всѣ уже были на коняхъ; авангардъ нашъ ушелъ впередъ: вслѣдъ за нимъ и мы тронулись съ мѣста. Погода была чудесная, на небѣ ни одного облачка. — Казалось, что вся природа наслаждалась дуновеніемъ прохладнаго вѣтерка и отдыхала отъ утомительнаго дневнаго зноя. Я такъ уже привыкъ видѣть съ собою только небольшую горсть людей, провожавшихъ меня отъ Джаркаин-Агача до Улутау, что теперь отрядъ, при которомъ я находился, казался мнѣ цѣлою арміею. Пики, шашки и ружья, вычищенные надосугѣ на славу, сверкали молніями на заходящемъ солнцѣ. Рѣзкую противоположность съ щеголевато-одѣтыми казаками составляли наши плѣнники, которыхъ посадили мы на самыхъ плохихъ лошаденокъ, чтобъ удалить отъ нихъ всякій соблазнъ къ побѣгу. Плѣнники эти обвернуты были въ старыя войлоки, потому-что во время нападенія вся прежняя одежда ихъ была изорвана въ клочки. Каждый изъ нихъ связанъ былъ по рукамъ и по ногамъ. Казаки держали въ поводу клячъ, на которыхъ они ѣхали. Плѣнники должны были служить намъ вмѣсто вожатыхъ и обѣщали довести насъ прямо до ауловъ Кенисары. По сторонамъ отряда шло нѣсколько нитокъ верблюдовъ, которые оглашали окрестности своимъ ревомъ,

выражавшимъ крайнее неудовольствіе и сожалѣніе объ улутаускомъ привольѣ. Наконецъ, по всему полю разсыпаны были наши отрядные киргизы, которыхъ тщетно старались мы заставить слѣдовать въ какомъ-нибудь порядкѣ. Многіе изъ нихъ ѣхали въ небольшихъ кучкахъ, и ядромъ каждый изъ этихъ кучекъ служилъ какой-нибудь краснобай, привлекавшій въ себѣ слушателей или повѣствованіемъ о своихъ собственныхъ приключеніяхъ, которымъ никто не вѣрилъ, или сказками, которымъ вообще всѣ вѣрили очень-добродушно. Героемъ этихъ сказокъ обыкновенно бывалъ какой-нибудь *балванъ* (*), одаренный необычайною силою и воюющій съ волшебнымъ міромъ. Но не всѣ киргизы поддавались привлекательности разсказовъ; многіе заранѣе уже пугались мысли о въ встрѣчѣ съ непріателемъ и благоразумно вертѣлись около пушекъ, какъ-бы стараясь обезпечить для себя ихъ благорасположеніе и защиту отъ опасности во время боя. Нельзя представить себѣ, съ какимъ почти-тельнымъ трепетомъ смотрятъ киргизы на артиллерию. Имъ кажется, что пушки обладаютъ безпредѣльнымъ разрушительнымъ могуществомъ и

(*) Исковерканное персидское слово «*пегливанъ*», что значитъ богатырь. Этимъ совершенно объясняется: *и тебѣ Тматораканскій балванъ*», которое казалось темнымъ для многихъ комментаторовъ Слова о полку Игоревомъ.

едва-ли не признають они ихъ существами разумными. Въ дѣлѣ, обыкновенно всѣ киргизы, находящіяся при отрядѣ, начинаютъ толпиться около пушекъ. Имъ кажется, что всего безопаснѣе быть вблизи этихъ могучихъ союзницъ, и съ трудомъ можно отогнать богатырей даже отъ дула заряженныхъ орудій.

Не смотря на эту трусость, киргизы наши разодѣлись въ походъ такъ же великолѣпно, какъ на праздникъ. Многіе изъ нихъ не замѣнили даже своихъ нарядныхъ халатовъ изъ алаго сукна другою какою-нибудь одеждою, болѣе простою и болѣе приличною для походнаго времени. Это придавало странную пестроту нашему отряду. Красные платки, которыми обернуты были головы многихъ, очень шли къ смуглымъ лицамъ ихъ и напоминали собою турецкія фески. На другихъ надѣты были черкесскія шапки, съ мохнатымъ околышкомъ, такихъ преувеличенныхъ размѣровъ, что вся шапка походила на колосальный ненапудренный парикъ временъ Фронды и Лудовика XIV. Впрочемъ, все это относится только къ тѣмъ, которые были побогаче и рады случаю блеснуть передъ русскими офицерами роскошью своихъ нарядовъ. Всѣ остальные одѣты были въ лохмотья, которыми не совсѣмъ удавалось имъ прикрывать свою наготу. Главное вооруженіе этихъ воиновъ состояло въ пикѣ, то-есть, въ предлинной жерди, къ которой прикрѣпленъ желѣз-

ный наконецникъ. У многихъ, пики эти были до того длинны, что вѣроятно дѣйствовать ими чрезвычайно затруднительно; но каждый киргизъ полагаетъ родъ *point d'honneur* въ томъ, чтобъ перещеголять своего товарища длиною пики. Сверхъ-того, многіе вооружены были топорами съ длинною рукояткою, саблями самыхъ разнообразныхъ видовъ и, наконецъ, нѣкоторые ружьями съ фитилемъ вмѣсто кремня или пистона.

Я не успѣлъ еще оглядѣть порядкомъ нашихъ спутниковъ, какъ солнце сѣло и сумерки скоро сгустились въ темную, безлунную ночь. Никогда не забуду я этой ночи! Топотъ коней и людской говоръ слились въ одинъ неопредѣленный ропотъ, похожій на шумъ спокойно текущей большой рѣки. Темный грунтъ степи сливался съ воздушнымъ мракомъ и ничего не было на землѣ, что могло бы остановить на себѣ взоры. Стоило только дать волю воображенію, чтобъ представить себѣ, что несешься, какъ Каинъ Байрона, въ пустотѣ, до которой не достигаетъ свѣтъ солнечный. За то тѣмъ роскошнѣе убраннымъ казался сводъ небесный. Чрезвычайная сухость воздуха придавала чудную яркость звѣздамъ. Даже тѣ изъ нихъ, которыя вовсе не замѣтны при обыкновенномъ состояніи атмосферы, ясно видны были въ эту ночь. Никогда и нигдѣ еще звѣздное небо не производило на меня такого глубокаго впечатлѣнія, какъ въ киргизскихъ пусты-

няхъ. Эта великолѣпная лазурь, испещренная золотомъ и алмазами, предъ которою ничто всѣ сокровища земныя, составляла дивную противоположность съ бѣдною степью, который непривлекательный видъ, въ продолженіе цѣлаго дня, печалилъ наши взоры!

Я сказалъ уже, что мѣстность не представляла намъ никакихъ предметовъ, по которымъ мы могли бы ориентироваться и держаться надлежащаго пути. За то, небо указывало намъ нашу дорогу такъ же опредѣленно, какъ въ другихъ мѣстахъ самыя подробныя надписи на дорожныхъ столбахъ. Всѣмъ киргизамъ, безъ исключенія, извѣстно положеніе полярной звѣзды, которую они называютъ *темиръ-казыкъ*, то есть, желѣзный колъ. Вожаки обыкновенно замѣчаютъ, какое положеніе должно принять относительно этой звѣзды, чтобъ перейти отъ такого-то мѣста на другое. Ставъ такъ, чтобъ эта звѣзда была прямо передъ глазами, или противъ праваго уха, или противъ затылка, или наконецъ, въ другомъ извѣстномъ положеніи, вожакъ ведетъ отрядъ въ самую темную ночь въ полной увѣренности, что не сойдетъ съ дороги и только по временамъ поглядываетъ на звѣзду, чтобъ повѣрить направленіе. Само-собою разумѣется, что Киргизы не имѣютъ понятія о нашихъ географическихъ картахъ, которыя такъ помогаютъ памяти; и тѣмъ удивительнѣе должна казаться способность вожа-

ковъ запоминать всѣ эти направленія, побывавъ разъ въ какомъ нибудь мѣстѣ. Если небо пасмурно и не видать полярной звѣзды, то отысканіе пути становится гораздо затруднительнѣе; но и тутъ смышленные вожаки находятъ способъ выпутаться изъ недоумѣнія. Они, при отъѣздѣ, замѣчаютъ, съ которой стороны дуетъ вѣтеръ и пользуются имъ для сохраненія принятаго однажды направленія. Не то, ощупываютъ въ темнотѣ стороны какого-нибудь бугорка и та, которая сырѣе другихъ, показываетъ имъ, гдѣ сѣверъ. Я не разъ также удивлялся искусству ихъ опредѣлять, сколько времени остается еще до разсвѣта, по различному относительному положенію звѣздъ Большой-Медвѣдицы, которую Киргизы называютъ *созвѣздіемъ семи воровъ*. Само-собою разумѣется, что положеніе этихъ звѣздъ, въ одинъ и тотъ же часъ ночи, измѣняется съ временемъ года, но тѣмъ не менѣе опытные вожаки успѣваютъ все это сообразить въ одинъ мигъ и опредѣлять вамъ время такъ же вѣрно, какъ по карманнымъ часамъ.

Мы двигались цѣлую ночь безостановочно, по временамъ только слѣзая въ лошадей и ведя ихъ въ поводу. Мало-по-малу, звѣзды начали гаснуть на небѣ; заря заалѣла на краю горизонта и наконецъ солнце вошло во всемъ блескѣ. Прохлада исчезла вмѣстѣ съ сумракомъ; вскорѣ жаръ сдѣлался несноснымъ. Степь представилась намъ со-

вершенно въ новомъ видѣ, еще болѣе печальномъ, чѣмъ когда-нибудь прежде. Нигдѣ не замѣтно было ни малѣйшей неровности. Мѣстность была гладка, какъ поверхность стоячей воды или бильярда и всюду устланна мелкими камушками и окаменѣлыми раковинами. Изрѣдка только можно было замѣтить какую-нибудь тощую, одинокую былинку. Если хотите составить себѣ самое вѣрное понятіе о краѣ, въ которомъ мы тогда находились, то представьте себѣ московское шоссе разширившимся до самаго пересѣченія съ небосклономъ. Нигдѣ не замѣчали мы слѣдовъ какого бы то ни было животнаго; птицы даже не оживляли собою воздуха. За то всѣ гады, къ которымъ человѣкъ чувствуетъ непреодолимое, инстинктивное отвращеніе, владѣли этимъ краемъ, какъ неоспоримою своею собственностію. Безчисленное множество ящерицъ, самыхъ уродливыхъ формъ, вились подъ ногами лошадей; огромныя жабы тяжело перепрыгивали съ одного камня на другой; мохнатые тарантулы спѣшили скрыться въ своихъ вертикальныхъ норкахъ. Нѣсколько разъ замѣчалъ я и скорпіоновъ, старинныхъ моихъ кавказскихъ знакомцевъ. Безпрестанно казаки и киргизы слѣзали съ лошадей, чтобъ бить попадавшихъ змѣй, что, по ихъ общему мнѣнію, есть самое богоугодное дѣло.

Жаръ и утомленіе начали клонить всѣхъ насъ ко сну, и мы съ нетерпѣливымъ любопытствомъ

безпрестанно приподнимались на стремянахъ, чтобъ завидѣть колодцы, на которыхъ, какъ говорили намъ вожаки, должны мы были остановиться, чтобъ покормить и напоить лошадей. Наконецъ, показалось нѣсколько зеленыхъ пятенъ, означавшихъ положеніе колодцевъ и мы ускорили шагъ, мечтая о прохладѣ юртъ и о сладкомъ упоеніи послѣ безсонной ночи. Представьте же себѣ нашу досаду, когда вожаки, нѣсколько опередившіе насъ для осмотра мѣста, воротились назадъ съ убійственнымъ извѣстіемъ, что должно идти далѣе, потому-что вода въ колодцахъ испорчена накиданною въ нихъ падалью. Это самое употребительное военное средство у киргизовъ и, должно сказать, самое дѣйствительное въ тамошнемъ краѣ. Вездѣ гдѣ только можно предполагать, что будутъ проходить наши отряды, стараются они испортить воду, кидая въ колодцы дохлыхъ лошадей и собакъ. Слава Богу еще, что мышьякъ дорогъ на линіи, а то разбойники, конечно, постарались бы поподчивать насъ и этимъ лакомствомъ. Нечего было дѣлать. Какъ ни устали наши лошади и мы сами, но должно было идти далѣе. Вожакъ сказалъ намъ, что впереди, верстахъ въ 20, есть озеро, въ которомъ бываетъ пресная вода весною и что, *можетъ-быть*, вода въ немъ еще не совершенно высохла. Это *можетъ-быть* не слишкомъ было утѣшительно, но долѣе оставаться на колодцахъ было невозможно, потому-

*

что самый воздухъ вокругъ нихъ наполненъ былъ заразительными міазмами. Если бы кто могъ взглянуть тогда на нашъ отрядъ со стороны, то каждый изъ насъ, вѣроятно, напомнилъ бы ему собою рыцаря печальнаго образа; да и лошади наши сдѣлались совершенными Россинантами. Для облегченія ихъ, мы пошли пѣшкомъ, ведя ихъ въ поводу и стегая безъ милосердія нагайками попадавшихся намъ змѣй и ящерицъ, чтобъ хоть на комъ-нибудь да вымѣстить свое зло.

Быль уже часъ 11-й утра. Солнце палило насъ какъ-будто сквозь зажигательное стекло. На небѣ не видать было ни одного облачка, которое могло бы, хоть на нѣсколько минутъ, защитить насъ отъ разкаленныхъ лучей; въ воздухѣ не происходило ни малѣйшаго движенія, которое сколько-нибудь умѣряло бы жаръ. Нельзя было ѣхать верхомъ безъ того, чтобъ не уступить вліянію сна; оставалось идти пѣшкомъ, чтобъ поддерживать свою бодрость. Война съ змѣями также способствовала къ тому, чтобъ разгонять нашъ сонъ. Нигдѣ еще не видалъ я такого множества этихъ пресмыкающихся, хотя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ удалось даже посѣтить Луганскую степь (*), которая славится на цѣломъ Востокѣ множествомъ змѣй. Жаръ и усталость

(*) Въ Закавказскомъ Краѣ.

произвели во мнѣ какое-то оцѣпенѣніе, которое еще болѣе увеличивалось единообразіемъ зрѣлища и мѣрнымъ бряцаньемъ лошадиныхъ подковъ о камешки. Вдругъ замѣтилъ я въ сторонѣ, не въ дальнемъ отъ себя разстояніи, огромное поле, которое, какъ показалось мнѣ, покрыто было снѣгомъ ослѣпительной бѣлизны. Не смотря на всю необыкновенность этого зрѣлища, я долго глядѣлъ на него безъ особеннаго вниманія. Марево сыграло уже со мною, въ-продолженіи степнаго похода, столько шутокъ, что я сдѣлался ужаснымъ скептикомъ въ-отношеніи къ чувству зрѣнія. Но тутъ напрасно обвинялъ я марево. Дѣло было въ томъ, что мы шли по берегу совершенно-высохшаго солянаго озера, на днѣ котораго соляные кристаллы расположились сплошною массою, въ нѣсколько футовъ толщиною. Соль была безъ всякой примѣси и могла прямо съ земли служить приправою для пищи. Какъ не вѣрить послѣ этого примѣтамъ? Говорятъ, что разсыпанная соль предвѣщаетъ бѣду; дѣйствительно, природа, рассыпавъ въ изобиліи соль по всей этой части Киргизской-Степи, обрекла ее вѣчному безплодію и отчужденію. Изрѣдка только появляется человѣкъ въ этихъ соляныхъ пустыняхъ и ропщетъ на судьбу свою, находясь въ нихъ, и спѣшитъ выбратъся куда-нибудь въ другой край, болѣе благопріятный для жизни. Я отворотилъ голову въ сторону отъ солянаго поля,

потому-что солнечный свѣтъ, отраженный кристаллами, совершенно нестерпимъ для глазъ. Въ послѣдствіи, эти соляныя поля встрѣчались намъ почти на каждомъ шагу. Они, вмѣстѣ съ сухими озерами, поросшими цѣлыми лѣсами камыша, составляютъ отличительную принадлежность огромнаго пространства, которое тянется къ востоку отъ Каспійскаго-Моря, по сѣверную сторону Усть-Урта, Аральскаго-Моря и до самого Балхаша, нося различныя мѣстные названія: Рыи-Песковъ, Большихъ и Малыхъ-Барсуковъ, Кызылкума, Каракума и наконецъ, Бед-Пак-Далы или Голодной-Степи. Последнее названіе кажется самымъ приличнымъ для всего этого края.

Наконецъ, мы дошли до озера, о которомъ говорили наши вожаки. Оно густо поросло камышомъ, имѣвшимъ нѣсколько саженей вышины. Мы надѣялись, что гдѣ-нибудь, въ срединѣ озера, осталось еще нѣсколько лужъ пресной воды, для насъ и для лошадей нашихъ, но поверхность его протиралась на нѣсколько квадратныхъ верстъ и не такъ-легко было отыскать эти лужи, скрытыя въ камышѣ. Часть отряда расположилась по берегамъ, въ готовности отразить всякое нечаянное нападеніе; другая для отысканія воды разсыпалась по всему озеру, слѣдуя по узенькимъ тропинкамъ, проложеннымъ кабанами, которые обыкновенно водятся въ камышахъ. Я поѣхалъ по одной изъ этихъ тропинокъ.

Ничего не могло быть отрадиѣ тѣни, которую представлялъ мнѣ густой лѣсъ камыша; надобно провести нѣсколько часовъ въ раскаленной степи, чтобъ постигнуть это наслажденіе. Перекликиванія Казаковъ, которое всѣ закрыты были другъ отъ друга камышомъ, напоминали мнѣ наши русскія прогулки по лѣсамъ, за грибами. Наконецъ раздался радостный крикъ: *вода! вода!* мы всѣ собрались на голосъ и увидѣли нѣсколько лужъ, въ которыхъ была почти совершенно зацвѣтшая вода, очень-непріятная на вкусъ, но разбирать тутъ было ничего и мы обрадовались находкѣ, какъ дорожному кладу. По-крайней-мѣрѣ, нѣтъ необходимости идти далѣе и можно отдохнуть послѣ 80-ти верстнаго перехода. Впрочемъ, это усиленное движеніе не обошлось намъ даромъ: два верблюда отъ утомленія не могли слѣдовать за отрядомъ и брошены были на дорогѣ. Киргизы тотчасъ же прикололи ихъ пиками и вырѣзали изъ нихъ нѣсколько кусковъ мяса для своего обѣда. Это самый неприхотливый народъ въ-отношеніи къ пищѣ, и продовольствовать ихъ во время похода нисколько не затруднительно. Палыхъ лошадей и верблюдовъ ѣдятъ они весьма-охотно и не чувствуютъ отъ-того никакихъ дурныхъ послѣдствій. Ихъ стряпанье также весьма просто и удобно въ военное время. Обыкновенно кладутъ они куска два-три сыраго мяса на лошадь подъ сѣдло и, проѣхавъ на ней нѣ-

сколько десятковъ верстъ, находятъ мясо размягченнымъ и совершенно-готовымъ въ пищу. Не думаю, чтобъ кто-нибудь изъ нашихъ гастрономовъ рѣшился попробовать этого киргизскаго стряпанья.

Мы расположились лагеремъ у самыхъ окраинъ озера, гдѣ отъ остававшейся еще нѣкоторой сырости, трава росла довольно густо. Только что поставили юрты, какъ наши Киргизы собрали всѣ желѣзные вещи, находившіяся въ отрядѣ: котлы, стремена и проч. и начали бряцать ими, сопровождая это бряцанье крикомъ и визгомъ. Это шаривари, продолжавшееся минутъ съ пять. имѣло цѣлю разогнать всѣхъ змѣй, находившихся вблизи и говорятъ, что средство это, дѣйствительно, оказывается успѣшнымъ. Не довольствуясь имъ, киргизы опоясали мѣсто всего лагеря тонкою веревочкою, сплетенною изъ конской шерсти. По ихъ мнѣнію, змѣи никакъ не могутъ переползти чрезъ эту веревочку. Предохранивъ себя такимъ-образомъ отъ нашихъ опасныхъ сосѣдей, мы всѣ, кромѣ караульныхъ, предались сну, въ которомъ чувствовали крайнюю необходимость.

Проснувшись чрезъ нѣсколько часовъ, я убѣдился въ дѣйствительности мѣръ, принятыхъ Киргизами противъ змѣй. Вся юрта наполнена была ящерицами и жабами, которыя, вѣроятно, такъ же, какъ и мы, искали въ ней спасенія отъ

палящаго зноя—но змѣи не было одной. Впрочемъ, общество и тѣхъ двухъ родовъ гадинъ было не совсѣмъ по нашему вкусу, въ особенности же потому-что онѣ очень любили прятаться въ положенное платье и сапоги. Одѣваясь, случалось иногда испытывать очень непріятныя ощущенія.

Вода изъ озера была такого противнаго вкуса, что я рѣшился для питья замѣнить ее кумысомъ. Сначала вкусъ и въ особенности запахъ этого знаменитаго киргизскаго напитка мнѣ очень не нравились, но скоро я привыкъ къ нему и, въ самомъ-дѣлѣ, въ жаръ онъ очень хорошо утоляетъ жажду. На-счетъ цѣлительныхъ его качествъ не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго, потому-что я въ то время былъ совершенно-здоровъ и не имѣлъ надобности пить его, какъ лекарство.

Вечеромъ, киргизамъ вздумалось позабавиться охотою. Вокругъ насъ водились цѣлыя стада кабановъ, что доказывалось множествомъ проложенныхъ ими тропинокъ и количествомъ сло-маннаго камыша въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти животныя любятъ валяться. На счастье охотниковъ подулъ довольно сильный вѣтеръ. Пользуясь имъ, они расположили въ камышѣ густую цѣпь людей, которые отдѣлили собою довольно значительное пространство отъ остальной части озера. По опушкѣ камыша стали также конные люди,

которые должны были выгнанных кабановъ загонять далѣе въ поле. По данному сигналу, охотники, находившіеся въ камышѣ, вдругъ зажгли его и пламя съ трескомъ и свистомъ побѣжало по направленію вѣтра. Черезъ нѣсколько минутъ вдругъ выбѣжали изъ камыша кабановъ шесть, которые, спасаясь отъ пламени, устремились въ открытое поле. Тогда охотники, бывшіе верхами съ крикомъ поскакали за ними, преслѣдуя ихъ своими длинными пиками. Только двухъ кабановъ успѣли мы угнать въ поле, прочіе снова ушли въ камышъ. Охота продолжалась довольно долго. Кабаны бѣжали гораздо скорѣе, чѣмъ наши лошади, которыя едва успѣли отдохнуть послѣ продолжительнаго перехода. Безъ сомнѣнія, они ушли бы отъ насъ, еслибъ не старались воротиться въ камышъ и чрезъ то не были принуждены дѣлать безпрестанно повороты, въ чемъ они до чрезвычайности недовки. Охотникамъ, послѣ продолжительной гонки, удалось, наконецъ, заколотъ ихъ нѣсколькими ударами пикъ. Вечеромъ, всѣ казаки лакомились кабаньимъ мясомъ, къ которому киргизы не прикоснулись, какъ къ запрещенному закономъ. Вообще, я не замѣчалъ, чтобъ киргизы ѣли какую нибудь дичь, кромѣ саегъ. Тѣмъ не менѣе, всѣ они страстные охотники, и мы никакъ не могли удержать ихъ, чтобъ они не скакали за всякимъ попадавшимся имъ звѣремъ и не утомляли по пустому своихъ лоша-

дей. Безпрестанно приносили они намъ въ подарокъ пойманныхъ волчатъ. Само собою разумѣется, что мы не знали, что дѣлать съ этими милыми животными, а между тѣмъ, по общепринятому обычаю, должны были одаривать охотниковъ нюхательнымъ табакомъ и сигарами.

На другой день, мы поднялись съ восходомъ солнечнымъ и двинулись впередъ. Направленіе пути нашего шло на сѣверо западъ, по теченію нѣсколькихъ ручьевъ, которые всѣ носятъ одно общее названіе Джиланчиковъ, т. е. змѣекъ — названіе, данное имъ отъ множества змѣй, водящихся по ихъ берегамъ. Степь не имѣла уже того характера совершеннаго безплодія, который представляла она намъ въ первый день по выступленіи изъ Улутау. По крайней мѣрѣ, снова показалась май-сара, кое гдѣ ковыль и довольно сносные корма по окраинамъ плесовъ, которые обозначали собою теченіе Джиланчиковъ. Мы шли какъ можно скорѣе, чтобъ Кенисара не успѣлъ еще провѣдать о томъ, что нами перехвачены его чалганчи, и не бѣжалъ съ Большаго Тургая до нашего прихода. Въ скоромъ времени, мы попали на слѣды его ауловъ, проходившихъ по этимъ мѣстамъ съ мѣсяцъ тому назадъ. По множеству валявшихся бараньихъ костей и по цѣлымъ кучамъ золы легко было узнавать, гдѣ останавливались на почлегъ хищники. Мы рады были бы идти день и ночь, чтобъ скорѣе догнать

ихъ, но должны были удержать свое нетерпѣніе, чтобъ совершенно не измучить лошадей и верблюдовъ. Усиленные переходы, скудность кормовъ и испорченная вода начинали уже оказывать на нихъ свое губительное вліяніе. Каждый день должны мы были бросать по нѣскольку штукъ, которыя за истощеніемъ не могли далѣе слѣдовать. Это давало мятежникамъ большой перевѣсъ надъ нами. Они имѣли въ распоряженіи своемъ множество лошадей и постоянно могли замѣнять усталыхъ свѣжими, между тѣмъ, какъ мы находились вдали отъ линіи и должны были довольствоваться только тѣми средствами, которыя находились въ самомъ отрядѣ. По мѣрѣ приближенія нашего къ Тургаю, мы все принимали болѣе и болѣе предосторожностей противъ непріятеля. Переходили съ мѣста на мѣсто не иначе, какъ ночью, потому что днемъ столбъ пыли, поднимавшійся при движеніи отряда, видѣнъ былъ въ ясную погоду за нѣсколько десятковъ верстъ. Не смотря на всѣ эти предосторожности, хищники провѣдали о нашемъ приближеніи, и вотъ по какому именно случаю.

Намъ оставалось еще перехода два до Большаго Тургая, какъ вдругъ прискакалъ къ намъ, сломя голову, одинъ изъ нашихъ чалганчей. Онъ былъ такъ испуганъ, что мы долго не могли добиться отъ него никакого толка. Наконецъ, прерывающимся отъ страха голосомъ, рассказалъ онъ намъ, что

онъ и два товарища его, поѣхавъ для осмотра мѣстности, верстахъ въ сорока отъ отряда, наткнулись на многочисленную шайку, состоявшую, по крайней мѣрѣ, человекъ изъ ста верховыхъ людей о-дву-конь. Люди эти завидѣвъ чалганчей, пустились за ними въ погоню, но такъ-такъ лошади разскащика были лучше прочихъ, то онъ самъ успѣлъ ускакать, хотя и принужденъ былъ бросить одну изъ нихъ. Товарищи же, какъ онъ полагалъ, захвачены въ плѣнъ. Тотчасъ снарядили мы партію изъ 25 человекъ казаковъ на лучшихъ коняхъ для преслѣдованія хищниковъ, и я самъ отправился съ этою партіею. Проѣхавъ верстъ пять, встрѣтили мы еще чалганча, также на одномъ конѣ — другаго бросилъ онъ за усталостію. Этотъ чалганчи повторилъ слышанное уже нами, но такъ какъ онъ былъ похладнокровнѣе своего товарища, то сто верховыхъ людей превратились въ его разсказъ въ двадцать. Не оставалось сомнѣнія, что третій чалганчи, по имени Баджимъ, дѣйствительно попался въ руки разбойниковъ. Мы доѣхали до самаго того мѣста гдѣ видны были слѣды ихъ, но нигдѣ не встрѣтили Баджима. Разбойники, вѣроятно, уже были тогда верстахъ въ пятидесяти отъ насъ, и какъ ни жаль было намъ бѣднаго нашего чалганчи, но дѣлать было нечего, и мы присоединились къ отряду, который, между тѣмъ, тронулся уже съ

мѣста и усиленнымъ движеніемъ приближался къ Тургаю.

Теперь было излишнимъ стараніе скрывать отъ мятежниковъ наше приближеніе: они не могли уже не знать о немъ. Чтобъ скорѣе настигнуть ихъ, мы шли, не разбирая времени дня, и давая нашимъ лошадямъ на пять часовъ пути только по два часа отдыха. Эта пропорція почитается опытыми въ степныхъ походахъ казаками и Киргизами за самую сносную для лошадей, но само собою разумѣется, что мы не могли соблюдать ее во всей строгости, потому что должны были соображаться съ положеніемъ воды и кормовъ. Впрочемъ, послѣдніе, по мѣрѣ приближенія нашего къ Тургаю, становились все лучше и лучше. Мы никого не встрѣчали на пути нашемъ, но почти на каждомъ шагу находили свѣжіе конскіе слѣды. Очевидно было, что вокругъ насъ разъѣзжаютъ кенисаринскіе чалганчи и наблюдаютъ за нашимъ движеніемъ, но гоняться за ними мы не имѣли никакой возможности. Притомъ, наши киргизы такъ были напуганы близостію мятежниковъ, что не смѣли уже ни на шагъ удалиться отъ отряда и только старались быть поближе къ пушкамъ. Ночью, не разъ видали мы сыпавшіяся вдали искры. Это—обыкновенный киргизскій сигналъ. Каждый чалганчи имѣетъ при себѣ кремень и огниво, и, высѣкая огонь, даетъ знать своимъ товарищамъ о своемъ положеніи.

Наконецъ мы пришли на Большой-Тургай, къ броду Тонъ-Кайма. Время было вечернее. Берега Тургая довольно гористые и растительность на нихъ такъ сильна, что все мѣсто похоже было на искусственно-разведенный садъ. Множество шиповниковъ, усѣянныхъ цвѣтами, и кустарниковъ съ листочками прекраснаго серебристаго цвѣта, называемыхъ киргизами *джикдай*, разсыяно по всему протяженію береговъ. Я не могъ налюбоваться этою картиною, которая мгновенно переносила насъ изъ пустой, бесплодной степи совершенно въ другой край, благословенный природою. Вдругъ раздался жалобный крикъ Киргизовъ, спустившихся къ рѣкѣ, для отысканія брода. Я поскакалъ на этотъ крикъ и глазамъ моимъ представился обнаженный и обезглавленный трупъ; въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи лежала отрубленная голова, по которой мы узнали участь, постигшую захваченнаго Балджима. Весь трупъ покрытъ былъ ранами; во многихъ мѣстахъ носилъ онъ на себѣ слѣды обжоги. Видно было, что несчастный подвергся ужаснѣйшимъ истязаніемъ прежде, чѣмъ ударъ топора пересѣкъ его жизнь. Вѣроятно разбойники съ тѣмъ намѣреніемъ кинули свою жертву подлѣ брода, чтобъ навести ужасъ на нашихъ киргизовъ и показать имъ, какая участь ждетъ ихъ за приверженность къ русскимъ. Кенисара, какъ кажется, хорошо зналъ характеръ своихъ земляковъ, придумавъ это сред-

ство. Въ-самомъ дѣлѣ, ими овладѣло чрезвычайное уныніе, и они начали болѣе поглядывать назадъ, въ ту сторону, гдѣ были ихъ семейства и родные аулы, чѣмъ впередъ, гдѣ ждала ихъ схватка съ разбойниками. Совсѣмъ другое дѣйствіе произвело это зрѣлище на казаковъ. Видно было, какъ кровь закипѣла въ ихъ жилахъ отъ гнѣва, и какъ жаждали они раздѣлаться *по своимъ* съ убійцами. Эта печальная находка не задержала однако насъ ни на минуту. Мы тотчасъ же начали переправлять верблюдовъ на противоположный берегъ; переправа заняла довольно-много времени. Между-тѣмъ Киргизы рыли могилу для убитаго и одѣвали его въ кусокъ бязи. Тонкій серпъ только-что родившагося мѣсяца освѣщалъ эту картину. Покойника опустили безъ всякихъ обрядовъ въ вырытую могилу, закидали ее хворостомъ, и киргизы переправились вслѣдъ за нами на другой берегъ Тургая.

Тамъ ожидала насъ новая опасность, поважнѣе всѣхъ прежнихъ. Только-что сумерки сгустились, какъ мы увидѣли по всему краю горизонта яркое зарево, которое съ каждымъ мгновеніемъ ставилось свѣтлѣе и видимо къ намъ приближалось. Опытные казаки тотчасъ же догадались, что мятежники, для удержанія нашего наступленія, зажгли степь. Слишкомъ полтара мѣсяца уже не было ни капли дождя, и густая трава по Тургаю превратилась въ самое сухое сѣно. На

бѣду нашу, прямо въ лицо намъ дулъ сильный вѣтеръ. Конечно, чтобъ спастись отъ огня, стоило только обратно переправиться чрезъ Тургай, но это повлекло бы за собою большую потерю дорогаго времени, да притомъ и переправа въ темнотѣ не совсѣмъ безопасна. Мы прибѣгли къ другому средству. Казаки и Киргизы разочли, что палъ добѣжить до насъ не ранѣе, какъ чрезъ часъ — этого достаточно было, чтобъ обезопасить себя отъ огня. Мы поспѣшно отошли версты на двѣ отъ берега Тургая, прямо на встрѣчу пожара, и тамъ остановились. Тотчасъ же казаки и Киргизы выстроились въ одну длинную линію. Каждый добылъ огня и всѣ вмѣстѣ дружно зажгли сухую траву передъ собою. Съ полминуты пламя какъ-будто колебалось охватить предоставленную ему добычу, но вотъ, въ одномъ мѣстѣ, взвилась въ воздухъ огненная змѣйка; къ ней пристала другая, третья, и минуты чрезъ двѣ, широкій огненный потокъ устремился отъ насъ къ Тургаю. Иногда, густые клубы дыма заслоняли отъ насъ пламя, которое пряталось на время въ землю, чтобъ потомъ съ новыми силами и новою яростію устремиться впередъ. Нельзя было не любоваться этимъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ, но оно продолжалось недолго. Вѣтеръ угналъ отъ насъ пожаръ, который спустился потомъ къ самой рѣкѣ и исчезъ въ крутыхъ берегахъ ея. Мы такъ занялись нашимъ дѣломъ, что

не обратили никакого вниманія на то, что происходило позади насъ. Какой-то странный гулъ, похожій на отдаленный шумъ водопада или на топотъ многочисленной скачущей конницы, заставилъ насъ оглянуться назадъ, и картина степнаго пожара открылась передъ нами во всемъ своемъ страшномъ величїи. Казалось, что вѣтеръ разгуливалъ по огненному морю. Волны пламени, то высоко поднимались вверхъ и освѣщали собою огромное пространство степи, то падали на землю, какъ-бы утомленныя своей борьбой съ темнотою ночи. Стаи волковъ и саегъ, по временамъ, проносились между нами, спасаясь отъ пожара, и присутствіе людей не наводило на нихъ обыкновеннаго страха. Коршуны съ громкимъ крикомъ кружились надъ отрядомъ, какъ-бы упрекая насъ за эту войну, которая распространяла яростныя опустошенія свои на всю природу!

Мы отступили къ Тургаю по выжженному нами пространству и спокойно ожидали тамъ прекращенія пожара. Въ скоромъ времени, палъ добѣжалъ до той линїи, гдѣ мы прежде стояли. Вѣтеръ донесъ до насъ удушливыя облака дыма, но огонь не смѣлъ переступить чрезъ завѣтную черту. Не находя себѣ болѣе пищи, онъ кружился на одномъ мѣстѣ, какъ-бы отыскивая себѣ дорогу, и потомъ угасъ почти мгновенно. Ночь показалась намъ еще темнѣе послѣ яркаго свѣта, который такъ долго представлялся глазамъ на-

шимъ. Мы тотчасъ же двинулись впередъ. Въ скоромъ времени, вѣтеръ совершенно разогналъ дымныя облака; снова открылось предъ нами чистое небо и на немъ наша путеводительница — полярная звѣзда.

Часа за два до восхода солнца, мы остановились на небольшомъ озерѣ, возлѣ котораго уцѣлѣло еще нѣсколько травы отъ ночнаго пожара. Разсвѣтъ озарилъ предъ нами картину, печальнѣе которой едва ли можетъ создать себѣ человѣческое воображеніе. Вся степь была единообразнаго чернаго цвѣта; не видать было предѣловъ опустошенію; могильная тишина царствовала вокругъ насъ и ни одна птичка не привѣтствовала пѣніемъ своимъ утренней зари. Казалось, что все погибло, и мы одни только пережили всеобщее истребленіе. Впрочемъ, я недолго смотрѣлъ на все это. Глаза слипались отъ усталости; я бросился, не раздѣваясь, на землю, и въ скоромъ времени благодѣтельный сонъ перенесъ меня вдаль отъ Киргизской-Степи.

Недолго онъ продолжался. Всеобщая суматоха въ лагерѣ разбудила меня. Сначала не могъ я понять, въ чемъ дѣло, но услышавъ, въ числѣ прочихъ криковъ, слово *нападеніе*! очнулся отъ сонливости. Въ нѣсколько минутъ, мы совершенно приготовились встрѣтить давно-жданыхъ гостей. У насъ была такъ называемая дежурная часть, состоявшая человѣкъ изъ 70 казаковъ въ полномъ

вооруженіи и имѣвшихъ лошадей осѣдланыхъ и взнузданныхъ. Эта часть тотчасъ же выѣхала на встрѣчу нападающимъ. Къ ней присоединились и всѣ пикетные казаки, собравшіеся къ отряду. Между-тѣмъ, загнали лошадей въ лагерь; всѣ прочіе люди проворно, но безъ замѣшательства, начали сѣдлатъ своихъ лошадей; артиллерія мигомъ приготовилась къ дѣйствию. Я выѣхалъ впередъ вмѣстѣ съ дежурною частію.

Мы увидѣли предъ собою огромную толпу Киргизовъ, которые въ совершенномъ безпорядкѣ скакали на насъ во весь опоръ. Визгъ ихъ и крики похожи были на неистовые вопли бѣснующихся. Вся эта толпа, приблизившись къ намъ на ружейный выстрѣлъ, пріудержала коней своихъ и вмѣсто того, чтобы броситься на насъ и дружнымъ натискомъ смять малочисленную кучку казаковъ, стала на мѣстѣ и только продолжала оглушать насъ криками: *Аблай Кенисара!* Потомъ, нѣкоторые изъ батырей открыли по насъ огонь изъ своихъ самопаловъ, но сами можете себѣ представить, какъ безвредны были эти выстрѣлы, производимые верховыми людьми посредствомъ фитилей и на горячихъ лошадяхъ, которыя между-тѣмъ, крутились на мѣстѣ и становились на дыбы. Ни одна пуля не свиснула между нами. Были и такіе храбрецы, которые подскакивали къ самому фронту, дѣлали передъ нимъ кругъ и потомъ улепетывали назадъ, довольствуясь совер-

шеннымъ подвигомъ. Видно, что для цѣлой шайки не составлено было никакого плана дѣйствія; всякій поступалъ по крайнему своему разумѣнію, но, не успѣвъ захватить насъ въ располхъ, никто не могъ надѣяться на какую-нибудь удачу, Самое благоразумное, что они могли сдѣлать въ это время, было—бѣжать сколь возможно скорѣе; но изступленіе, въ которое привели они сами себя своими криками, не позволило имъ видѣть опасность своего положенія. Они остались на мѣстѣ, продолжая неистовствовать и осыпать насъ пулями, которыя были совершенно-неощутительны ни для одного изъ нашихъ пяти чувствъ. Между-тѣмъ, часть нашихъ казаковъ спѣшилась и открыла по толпѣ ружейный огонь. Нѣсколько батырей полетѣли подъ ноги своихъ лошадей, но и это не охладило воинственнаго жара прочихъ. Къ намъ присоединились еще человѣкъ 100 казаковъ. Съ праваго фланга выѣхало одно орудіе и снялось съ передка. Только-что Киргизы увидѣли его, какъ всѣ въ величайшемъ безпорядкѣ, сбившись въ одну сплошную массу, кинулись спасаться къ лѣвому нашему флангу: но тамъ другое орудіе было уже въ полной готовности ихватило ихъ картечью на самомъ близкомъ разстояніи. Вслѣдъ затѣмъ, первое орудіе поподчивало гранатою, которая лопнула въ самой серединѣ кучи. Нельзя представить себѣ, какое разстройство произвели эти два выстрѣла въ толпѣ, и безъ того уже не-

стройной. Лошади и люди падали другъ на друга; все бросилось; казаки ударили въ атаку и чрезъ нѣсколько мгновеній на мѣстѣ боя осталось только нѣсколько десятковъ убитыхъ и тяжело раненныхъ хищниковъ. Наши дѣйствующія силы увеличились тогда всѣми Киргизами, находившимися въ отрядѣ. Въ-продолженіе боя, они благо-разумно оставались въ лагерѣ, ожидая, чѣмъ все кончится; но едва увидѣли, что земляки ихъ опрокинуты, какъ всѣ пустились за ними въ надеждѣ поживиться бросаемыми лошадьми и оружіемъ. Мы преслѣдовали хищниковъ довольно долго, но безъ большого успѣха. Ихъ лошади были гораздо лучше нашихъ; притомъ, верстахъ въ 10 отъ мѣста боя, у нихъ приготовлены были запасныя; бѣглецы пересѣли съ удивительнымъ проворствомъ на этихъ свѣжихъ лошадей, прикололи своихъ прежнихъ, чтобъ онѣ не достались намъ въ руки, и въ скоромъ времени исчезли у насъ изъ виду. Такимъ образомъ, побѣда не принесла намъ собственно слишкомъ большой выгоды, но за то до чрезвычайности возвысила духъ нашихъ киргизовъ. Они снова показались уже впереди отряда, снова заговорили съ видомъ глубочайшаго презрѣнія о Кенисарѣ и его приверженцахъ. По ихъ мнѣнію, настало для насъ время вознаградить себя за всѣ претерпѣнныя трудности и лишенія—приняться грабить всѣ во-лости, которыя только намъ попадутся. Каждый

мечталъ уже вскорѣ пріобрѣсти себѣ бархатную шубу, опушенную чернобурыми лисицами, лихаго скакуна и, наконецъ, жену красавицу, которая имѣла бы то неоцѣненное достоинство, что за нее не нужно было платить калымъ.

Кенисара сдѣлалъ на насъ нападеніе въ той надеждѣ, что ему удастся какъ нибудь угнать лошадей нашихъ и тѣмъ самымъ положить конецъ нашей экспедиціи. Во всякомъ случаѣ, онъ полагалъ, что мы, разбивъ его шайку, станемъ гоняться за нею, пока совершенно не заморимъ лошадей нашихъ, а между тѣмъ, аулы его со всѣмъ имуществомъ своимъ успѣютъ убраться куда нибудь въ безопасное мѣсто. Самъ же онъ нисколько не боялся, что мы его настигнемъ, зная уже утомленіе нашихъ лошадей. Но опытъ прежнихъ экспедицій обнаружилъ предъ нами эту обыкновенную уловку хищника, и мы не вдались въ нее. Слѣдя за аулами, мы были увѣрены что заставимъ ихъ претерпѣть большія потери и что Кенисара съ шайкою своею, для прикрытія имущества, не замедлитъ снова появиться предъ нами. Видно было, что мятежныя волости разбѣжались по всѣмъ направленіямъ, чтобъ сбить насъ съ толку. Мы выбрали тотъ путь, на которомъ обозначено было наибольшее число слѣдовъ барановъ и верблюдовъ, и шли по этому направленію безостановочно. Киргизы не могли даже употребить

противъ насъ и паловъ, потому-что вѣтеръ, какъ-бы негодуя на малодушіе своихъ прежнихъ союзниковъ, подулъ въ другую сторону. Въ скоромъ времени, начали попадаться намъ цѣлыя стада барановъ, которыя отъ утомленія не могли слѣдовать за бѣгушими волостями и были брошены ими. Мы брали изъ числа этихъ барановъ сколько нужно было для продовольствія отряда, а прочихъ оставляли на мѣстѣ, чтобъ не стѣснять ими своего движенія. Съ каждымъ днемъ, число попадавшейся намъ добычи становилось значительнѣе. Мятежники начали бросать верблюдовъ своихъ и вмѣстѣ съ ними юрты, котлы, и все имущество, а сами спасались на однѣхъ лошадяхъ. Я помню одну находку, которая произвела на всѣхъ насъ глубокое впечатлѣніе. Видимъ, бѣжитъ намъ на встрѣчу мальчикъ лѣтъ трехъ, совершенно нагой и блѣдный отъ голода и изнуренія. Онъ съ радостнымъ крикомъ бросился къ намъ, понимая только то, что мы люди и можемъ накормить его. Въ этой дѣтской довѣренности было такъ много трогательнаго, что мы всѣ обласкали малютку. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указывалъ ручонкою въ сторону и, взглянувъ туда, мы увидѣли еще двухъ дѣвочекъ, которыя лежали на землѣ. Одна изъ нихъ, не болѣе нѣсколькихъ мѣсяцовъ, была уже мертва; другая лѣтъ двухъ, едва дышала отъ слабости. Мы тот-

часть же взяли дѣтей къ себѣ. На другой день уже, братъ и сестра поправились и даже играли другъ съ другомъ, сидя на спинѣ верблюда въ корзинѣ, которую какъ-то смастерили для нихъ казаки. Вѣроятно, эти дѣти были сироты, которыхъ разбойники не задумались бросить среди степи, на жертву волкамъ или голодной смерти. Нельзя и думать, чтобъ сами родители рѣшились на такой противоестественный поступокъ. Правда, что въ прежніе годы Киргизки продавали своихъ дѣтей на линіи, но это случалось во время голода, для спасенія жизни ребенка, и въ послѣдствіи мать никогда не забывала своего дѣтища.

Въ продолженіе этого времени, часто показывались небольшія партіи Киргизовъ, которыя, пользуясь превосходствомъ лошадей своихъ, подѣзжали къ намъ довольно близко и потомъ обращались въ бѣгство, когда замѣчали, что мы готовимся перехватить ихъ. Долговременная безнаказанность придавала имъ все болѣе и болѣе смѣлости, и мы вздумали воспользоваться ею, чтобъ достать себѣ языка, что намъ было крайне необходимо для узнанія, гдѣ находятся собственные аулы Кенисары. Нѣсколько казаковъ было отдѣлено въ засаду и я присоединился къ нимъ. Мы выбрали для себя скрытное мѣсто въ камышѣ, который покрывалъ огромное пространство. Между тѣмъ, отрядъ распо-

ложился на привалъ, не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи. Долго ждали мы по пустому, соблюдая величайшую тишину. Уже солнце склонилось къ западу и мы располагали возвратиться ночевать въ лагерь, какъ вдругъ замѣтили верховаго Киргиза, который пробирался по тропинкѣ, проложенной въ камышѣ кабанами. Мы тотчасъ же бросились на него, но онъ замѣтилъ опасность прежде, чѣмъ мы успѣли его окружить, поворотилъ лошадь свою и поскакалъ отъ насъ во всю прыть. Мы пустились за нимъ; но онъ скрылся за извилинами тропинки. Эта неудача такъ раздосадовала насъ, что мы всѣ рѣшились не выходить изъ камыша, пока не поймемъ Киргиза. На бѣду нашу, эта тропинка соединялась со множествомъ другихъ, которыя расходились во всѣ стороны. Въ жару преслѣдованія, мы пренебрегли обыкновенными мѣрами осторожности. Долго скакалъ я, и довольно поздно уже примѣтилъ, что я совершенно одинъ. Наконецъ, сквозь наступившіе сумерки, увидѣлъ я верховаго Киргиза, который стоялъ не въ дальнемъ отъ меня разстояніи, стараясь проложить себѣ дорогу сквозь камышъ, становившійся все гуще и гуще. Я былъ хорошо вооруженъ и, ничего не опасаясь, бросился впередъ, чтобъ взять въ плѣнъ или положить на мѣстѣ Киргиза. Уже подскакалъ я къ нему, какъ вдругъ услышалъ позади себя лошадиный топотъ. Невольно оглянувшись назадъ.

Въ это самое время, что-то ожгло меня въ правое плечо, а въ голову получилъ я ударъ, отъ котораго все вокругъ меня закружилось въ радужныхъ цвѣтахъ. Далѣе ничего я не помню.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

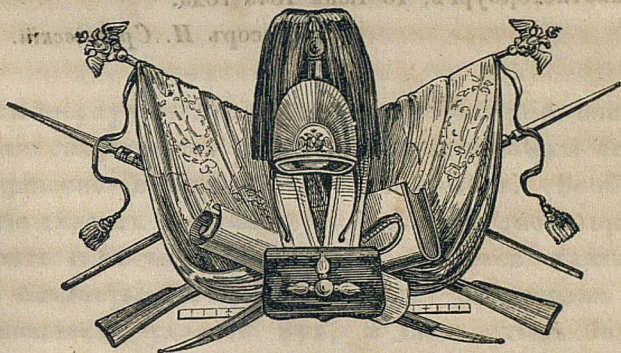
ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАННИКАМЪ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

ТОМЪ LXXVIII. № 512.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Военно-Учебныхъ Заведеній.

1849.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.**ЧЕТЫРЕ МѢСЯЦА ВЪ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ.***(Окончаніе).*

Часто случается, что послѣ пробужденія, впечатлѣніе сна остается, между-тѣмъ, какъ самый сонъ совершенно изглаживается изъ памяти. Воображеніе дѣлаетъ тщетныя усилія, чтобъ снова представить себѣ ночныя видѣнія. Кажется осязаешь ихъ близость, но вмѣстѣ съ тѣмъ постигаешь не возможность уловить ихъ, и даже, чѣмъ болѣе стараешься дать себѣ въ нихъ какой бы то ни было отчетъ, тѣмъ блѣднѣе становятся въ нашихъ понятіяхъ ихъ очерки. И потомъ, иногда совершенно неожиданно возвращаются они къ намъ и снова тревожатъ умъ нашъ безочетнымъ беспокойствомъ.

*

Все, что случилось со мною вслѣдъ за происшествіемъ, описаннымъ въ концѣ предъидущей главы, не оставило по себѣ въ моей памяти почти никакихъ слѣдовъ. Иногда какъ-будто помнится мнѣ, что меня вдругъ окружили нѣсколько незнакомыхъ людей, что потомъ быстро скакалъ я на лошади, самъ не понимая куда, и какъ держусь не ней. Помнится чувствовалъ я нестерпимую боль во всѣхъ членахъ, но и она даже не могла вывести меня изъ апатического состоянія, въ которое я былъ погруженъ. Иногда же, эти смутныя воспоминанія совершенно для меня пропадали и все это время казалось мнѣ совершенно вычеркнутымъ изъ моего существованія.

Было совершенно-темно, когда я очнулся. Въ нѣсколько мгновеній припомнилъ я себѣ все случившееся со мною до моего безпамятства, но не такъ-то легко было мнѣ разгадать свое настоящее положеніе. Я хотѣлъ приподняться и тутъ только почувствовалъ, что связанъ по рукамъ и по ногамъ; нестерпимая боль въ плечѣ напоминала мнѣ о моей ранѣ. Но гдѣ же я? Вокругъ меня было темно, и я не могъ сомнѣваться въ томъ, что нахожусь внутри-какого то строенія; притомъ и воздухъ казался мнѣ душенъ и отличенъ отъ того чистаго, которымъ дышалъ я столько времени прежде. Съ величайшимъ усиліемъ приподнялся я нѣсколько цѣлымъ туловищемъ, и по всѣмъ направленіямъ почувствовалъ прикоснове-

ніе чего то твердаго и холоднаго. Страшная догадка, отъ которой кровь застыла у меня въ жилахъ, упала снѣжнымъ комомъ на мою голову. Мнѣ представилось, что напавшіе на меня киргизы, видя меня столь долго въ безпамятствѣ, по всей вѣроятности сочли меня мертвымъ и похоронили заживо. На нѣсколько мгновеній, эта мысль совершенно подавила своею тяжестью всю мою душевную энергію: въ безмолвномъ и бездѣйственномъ отчаяніи опустился я опять на землю. Мало-по-малу, однако снова возвратилась ко мнѣ, если не бодрость, то по-крайней-мѣрѣ, дѣятельность. Съ бѣшенствомъ, подкрѣплявшимъ силы мои, метался я во всѣ стороны и вездѣ встрѣчалъ однообразное, непреодолимое препятствіе. Вопль отчаянія вырвался изъ груди моей; вслѣдъ за тѣмъ, кто-то схватилъ меня за ногу, и я услышалъ весьма-явственно слова, сказанныя по киргизски незнакомымъ мнѣ голосомъ; *молчи, или убьютъ тебя*. Этотъ неслышкомъ привѣтливый голосъ показался мнѣ въ эту минуту такъ сладокъ, что у меня какъ-будто цѣлая гора спала съ груди. Въ первую минуту радости, я даже и не подумалъ о томъ, что нахожусь въ плѣну у дикарей, и что быть-можетъ, одна только смерть освободитъ меня изъ тяжелой неволи. Всякое положеніе казалось мнѣ сноснымъ въ-сравненіи съ ужасомъ быть заживо похороненнымъ. Повинуясь таинственному голосу, я лежалъ смир-

но, тѣмъ болѣе, что малѣйшее движеніе причиняло мнѣ почти нестерпимую боль. Вокругъ все все снова затихло. Черезъ нѣсколько времени, однакожь, желаніе объяснить себѣ свое положеніе преодолѣло слабость, и я съ величайшимъ трудомъ началъ подвигаться впередъ, не приподнимаясь отъ земли и упираясь въ нее локтями и затылкомъ, въ замѣнъ ногъ и рукъ, которыя такъ крѣпко были связаны, что я не могъ ими пошевелить. Каждый вершокъ пути стоилъ мнѣ чрезвычайныхъ усилій; наконецъ удалось мнѣ вылѣзть изъ моей загадочной темницы.

Я такъ долго находился въ совершенной темнотѣ, что обыкновенный ночной мракъ не могъ уже мнѣ препятствовать видѣть вокругъ себя, и съ одного взгляда я открылъ что нахожусь внутри могильнаго памятника, подобнаго тѣмъ, о которыхъ я уже прежде говорилъ. Заходящая луна золотила лучами своими землю передъ отверстиемъ, служившимъ вмѣсто двери. По киргизскому обыкновенію, мѣсто, гдѣ зарытъ былъ покойникъ, обозначалось невысокою грудой камней, между которыми оставалась нѣкоторая пустота, и въ эту-то пустоту киргизы запрятали меня, какъ вязанку дровъ. Немудрено было, въ-самомъ-дѣлѣ, счесть себя заживо похороненнымъ. На землѣ лежали три человѣческія фигуры; по неподвижности ихъ, я догадался, что онѣ спятъ, или по-крайней-мѣрѣ, не замѣчаютъ моего появленія

между ними. Мысль объ освобожденіи себя изъ плѣна тотчасъ же сверкнула въ головѣ моей. Мнѣ пришло въ голову множество слыханныхъ мною прежде разказовъ о томъ, какъ плѣнники почти всегда успѣвають уходить отъ киргизовъ, пользуясь ихъ безпечностью, которой доказательство было у меня передъ глазами. Я не зналъ только, какъ освободиться отъ проклятой веревки, которою разбойники, должно признаться, мастерски связали мнѣ руки и ноги.

Не успѣлъ я еще выдумать ничего путнаго, какъ всѣ мои надежды уничтожены были пробужденіемъ одного изъ киргизовъ. Онъ тотчасъ же замѣтилъ меня и къ величайшему удивленію моему заговорилъ со мною довольно-ласково. Конечно, онъ и не думалъ, что я готовъ уже былъ покуситься на величайшее преступленіе, какое только можетъ совершить плѣнникъ — на побѣгъ. Въ то же время проснулись и другіе киргизы, которые, какъ видно, спали очень-чутко. Я довольно уже привыкъ къ ихъ языку и понималъ почти все, что они мнѣ говорили. Разбойники совѣтовали мнѣ слушаться ихъ во всемъ и не смѣть думать о побѣгѣ, подлѣ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, жестокихъ истязаній. Впрочемъ, какъ видно было, они старались меня ободрить, говоря, что жить мнѣ у нихъ будетъ хорошо, кормить меня будутъ сытно, и что никто меня пальцемъ не тронетъ если только я самъ

буду вести себя смирно. Послѣ того, начали они меня распрашивать, кто я такой и когда узнали что я родомъ не изъ Сибири, то расположеніе ихъ ко мнѣ видимо увеличилось. Старались они такъже понять и чинъ мой, но такъ-какъ военная іерархія составляетъ для нихъ самую запутанную загадку, то они ограничились свѣдѣніемъ, что я майорскій помощникъ и въ знатности почти не уступаю окружному засѣдателю.

Я прежде такъ много слыхалъ о жестокомъ обращеніи киргизовъ съ плѣнниками, что съ перваго раза не могъ понять, почему дѣлаютъ они въ-отношеніи ко мнѣ отступленіе отъ своихъ обычаевъ: но вскорѣ догадался, что ласковость ихъ происходила вовсе не отъ состраданія, а просто отъ корыстолюбивыхъ расчетовъ. Успѣвъ захватить въ плѣнъ офицера, они надѣялись получить богатую награду отъ Кенисары и заботились только о томъ, чтобъ доставить меня къ нему въ цѣлости. Жизнь моя, съ сохраненіемъ которой соединена была обольстительная надежда на полученіе нѣсколькихъ девятковъ (тугузовъ) (*) скакуновъ и халатовъ — жизнь моя,

(*) *Тугузъ* значитъ по киргизски девять. Ордынцы имѣютъ обыкновеніе считать по девяти предметы, входящіе въ составъ капыма, куна (*пени*) или просто подарковъ. Степными обычаями установлено, сколько въ какомъ случаѣ платить тугузовъ и какіе предметы должны входить въ составъ каждаго изъ этихъ тугузовъ.

говоря я, сдѣлалась для разбойниковъ предметомъ самыхъ нѣжныхъ попеченій. Одинъ изъ нихъ ошупалъ въ темнотѣ мою рану и приложилъ къ ней какую-то траву, которую сначала хорошенько пережевалъ. Другіе предлагали мнѣ поѣсть чего-нибудь, но у меня не ѣда была на умѣ. Между-тѣмъ, толковали они между собою, сколько Кенисара дастъ имъ за мою особу и при этомъ такъ спорили и горячились, какъ-будто дѣло шло уже о дѣлѣжѣ. Одинъ изъ нихъ даже очень-простоудшно спросилъ меня, какъ я думаю объ этомъ предметѣ, то-есть, какъ высоко цѣню я самъ-себя. Разумѣется, я назначилъ себѣ очень высокою цѣну, видя что ихъ обращеніе находится въ прямой зависимости отъ моей стоимости, выраженной въ лошадяхъ, халатахъ и баранахъ.

Среди этихъ занимательныхъ разговоровъ, киргизы и не замѣтили, что луна уже скрылась за горизонтомъ и что наступившая темнота есть самое выгодное время для отправленія въ дальнѣйшій путь. Вошедшій въ строеніе четвертый киргизъ, строжившій, между-тѣмъ, въ полѣ лошадей, напомнилъ своимъ товарищамъ о походѣ. Передъ тѣмъ, чтобъ посадить меня на лошадь, мнѣ развязали ноги, но оставили руки связанными по-прежнему. Лошадь выбирали подъ меня самую

плохую; двое киргизовъ посадили меня на нее, потомъ связали снова мнѣ ноги подъ брюхомъ лошади. Одинъ изъ нихъ взялъ ее въ поводъ и поѣхалъ впереди; другой же позади меня, держа въ рукѣ конецъ аркана, которымъ былъ я скрученъ. Двое остальныхъ разѣхались въ стороны, чтобъ наблюдать, нѣтъ ли гдѣ какой опасности. Ночь была очень темна; мы ѣхали крупною рысью, соблюдая величайшую тишину. Я не могъ замѣтить никакихъ предметовъ, по которымъ можно бы узнать дорогу, но мѣстность казалось совершенно хорошо извѣстною киргизамъ. Часто измѣняли они направленіе пути, чтобъ избѣгнуть каменистыхъ мѣстъ, на которыхъ стукъ лошадиныхъ копытъ могъ бы быть далеко слышимъ. Все это дѣлали они съ такою увѣренностію не сбиться дороги, съ какою петербургскій старожилъ идетъ кратчайшимъ путемъ къ себѣ домой по улицамъ, ярко-освѣщеннымъ фонарями. По звѣздамъ только могъ я замѣтить, что мы ѣдемъ прямо на юго-западъ; слѣдовательно, удаляемся подъ прямымъ угломъ отъ направленія отряда, который, какъ мнѣ извѣстно было, шелъ на сѣверо западъ.

Разъ, оба Киргиза, ѣхавшіе по сторонамъ, поспѣшно приблизились къ намъ и всѣ мы остановились, какъ окаменѣлые, на мѣстѣ. Слышался какой-то отдаленный гулъ, который можно было

принять за топотъ всадниковъ, скачущихъ вдали. Я думаю, дорого бы далъ живописецъ, чтобъ подсмотрѣть въ эту минуту выраженіе лицъ нашихъ. Киргизы, прижавшись другъ къ другу, дрожали при мысли, что, быть-можетъ, чрезъ нѣсколько минутъ всѣ они будутъ подняты вверхъ на казачьихъ пикахъ. Я съ жадностію вслушивался въ этотъ неясный гулъ, считая его признакомъ близости избавителей. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что киргизы, въ случаѣ нападенія, разбѣгутся въ стороны и бросятъ меня въ степи, не осмѣлясь даже на прощаніи приколотъ меня своими копьями. И страхъ ихъ, и надежды мои были попустому: гулъ замолкъ въ скоромъ времени. Не знаю, дѣйствительно ли проѣхала вблизи какая-нибудь шайка, или просто шумъ вѣтра представился намъ лошадинымъ топотомъ. Киргизы, вздохнувъ свободно, разѣхались въ молчаніи опять по сторонамъ, и я долженъ былъ продолжать свое плачевное странствованіе. Нѣтъ словъ, которыми могъ бы я передать вамъ все, что перенесъ въ эту роковую ночь. Я, право, думаю, что долженъ еще благодарить судьбу за тѣ тревоженія, которыя безпрестанно потрясали мою душу. Частые переходы отъ надежды къ отчаянію дѣлали меня почти нечувствительнымъ къ физическимъ страданіямъ, а между-тѣмъ, плечо у меня было прорѣзано, въ голову получилъ я такой ударъ,

что все еще не могъ совершенно придти въ себя.

Къ разсвѣту, мы остановились въ небольшомъ оврагѣ, который былъ совершенно-непримѣтенъ, даже и на самомъ близкомъ разстояніи. Я увидѣлъ, что вся степь была покрыта свѣжими слѣдами бѣгущихъ волостей. Это зрѣлище было для меня очень-непріятно, потому-что наши собственные слѣды совершенно исчезали въ этомъ множествѣ другихъ слѣдовъ, и я не могъ уже почти надѣяться, чтобъ люди, которые стали бы меня отыскивать, не сбились съ надлежащаго направленія. Киргизы снова сняли меня съ лошади, какой-будто какой-нибудь вьюкъ; связали мнѣ ноги и положили на землю. Отъ утомленія и боли, которая все болѣе и болѣе увеличивалась, я опять лишился чувствъ. Не знаю, сколько времени былъ я въ безпамятствѣ — наконецъ холодъ по всему тѣлу заставилъ меня очнуться, и въ то же время я почувствовалъ, что совершенно захлебываюсь. Это непріятное ощущеніе возвратило мнѣ всю бодрость; я бился, чтобъ вынырнуть изъ воды, но нѣсколько сильныхъ рукъ удерживали меня въ ней. Наконецъ удалось мнѣ высунуть голову на воздухъ, и киргизы позволили мнѣ остаться въ этомъ положеніи, но все-таки не выпускали меня изъ воды. Одинъ изъ нихъ, принявшій на себя обязанность лечить меня, уговаривалъ на противиться, увѣряя, что

я отъ этого купанья буду чрезъ нѣсколько часовъ совершенно-здоровъ. Съ четверть часа продержали меня въ водѣ, и я, дѣйствительно, началъ чувствовать себя гораздо-лучше, привыкнувъ уже къ холоду и наслаждаясь тѣмъ, что во время моего обморока меня совершенно освободили отъ веревки. Впрочемъ, это наслажденіе продолжалось недолго и меня снова связали, только-что вытащили на берегъ. Послѣ узналъ, я, что киргизы считаютъ купанье самымъ дѣйствительнымъ средствомъ во всѣхъ почти болѣзняхъ. Раненныхъ своихъ обыкновенно кладутъ они въ воду на продолжительное время и увѣряютъ, что послѣ этого всякая рана заживаетъ скорѣе. Я точно началъ чувствовать себя гораздо лучше. Меня отнесли опять въ оврагъ, гдѣ находились и наши лошади. Одинъ изъ киргизовъ вылѣзъ изъ оврага и прилегъ въ травѣ у самого обрыва, чтобъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ полѣ. Товарищъ его сѣлъ караулить меня, двое остальныхъ растянулись на землѣ и тотчасъ же захрапѣли. Усталость заставила меня послѣдовать ихъ примѣру и я въ скоромъ времени заснулъ крѣпимъ сномъ.

Солнце было уже высоко на небѣ, когда я проснулся. Вокругъ меня все оставалось въ прежнемъ положеніи: двое киргизовъ спали, двое караулили, но только роли ихъ перемѣни-

лись и видно было, что они смѣнялись между собою, какъ наши часовые. Сидѣвшій подлѣ меня киргизъ, замѣтивъ, что я проснулся, предложилъ мнѣ *круту*. Такъ называются небольшіе кисловатые сырцы, которыми киргизы исключительно питаются въ походное время. Крутъ распускается въ водѣ и эта смѣсь служитъ вмѣстѣ и пищею и питьемъ. Многіе киргизоманы въ восторгѣ отъ крута, но признаюсь, я не пожелалъ бы и злѣйшему врагу своему нѣсколько дней сряду имъ питаться. Голодъ заставилъ меня однако забыть гастрономическія предубѣжденія, и я рѣшился на нѣсколько глотковъ этого киргизскаго лакомства. Стражъ мой вступилъ со мною въ долгій разговоръ и много смѣялся ошибкамъ противъ языка, которыя дѣлалъ я почти на каждомъ словѣ; между прочимъ, расспрашивалъ онъ меня, случилось ли мнѣ видать царя, сколько у него коней и какого цвѣта любимый конь его? Видно было, какъ степное воображеніе разыгрывалось при этихъ вопросахъ. Собесѣдникъ мой казался мнѣ веселаго нрава, и въ немъ вовсе незамѣтно было той угрюмости, которая составляетъ черту характера большей части его земляковъ. Нашъ разговоръ прерванъ былъ свистомъ киргиза, лежавшаго въ травѣ, на верху оврага. Этотъ свистъ такъ похожъ былъ на птичій, что на дальнемъ разстояніи не могъ обратить на себя

ничьего вниманія, но на людей, окружавших меня, онъ произвелъ магическое вліяніе. Киргизъ, разговаривавшій со мною, запнулся на полусловѣ и превратился въ совершеннаго истукана, съ разинутымъ ртомъ и съ поднятымъ вверхъ, въ знакъ предостереженія, пальцемъ. Двое остальныхъ киргизовъ тотчасъ же проснулись и, не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, выпучили другъ на друга глаза, выражавшіе крайній ужасъ. Черезъ нѣсколько минутъ, нашъ караульный, находившійся вверху, не приподнимаясь съ земли, метнулъ высоко въ воздухъ свою шапку, которая упала къ намъ въ оврагъ. Я уже прежде зналъ, что киргизы, притаясь въ травѣ для наблюденія, обыкновенно употребляютъ это средство, когда думаютъ, что колебаніе травы привлекло на себя вниманіе непріятеля. Искусно-брошенная вверху киргизская шапка имѣетъ совершенно видъ поднявшейся съ земли птицы. Вѣроятно, эта хитрость имѣла въ настоящемъ случаѣ полный успѣхъ. Черезъ нѣсколько времени, киргизы вздохнули свободно, какъ-бы сбросивъ съ себя огромную тяжесть и все приняло у насъ прежній видъ. Караульный, надѣвъ на себя шапку, снова занялъ прежнее свое мѣсто; другой возобновилъ со мною прерванный разговоръ; двое остальныхъ опять тотчасъ же заснули. Полуденное солнце жгло насъ почти отвѣсными лучами; укрыться отъ жара было

совершенно негдѣ, но киргизы спали на раскаленномъ пескѣ совершенно спокойно.

Время тянулось несносно-длинно. Жаръ не позволялъ мнѣ предаться отдохновенію, а невольная неподвижность была для меня утомительнѣе самаго усиленнаго движенія. Часа за два до заката солнца, киргизы повторили надо мною купанье въ близлежащемъ плесѣ, и я въ душѣ былъ имъ за то благодаренъ. Не смотря на полученную рану, изъ которой пуля все еще не была вынута, я чувствовалъ, что силы ко мнѣ возвращались. Мысли мои стали свѣтлѣе и я впервые могъ хорошенъко обдумать свое положеніе. Правда, что оно было очень, очень незавидно. Если даже въ европейскихъ войнахъ, гдѣ просвѣщеніе даровало военноплѣннымъ столько ненарушимыхъ правъ, плѣнъ все таки немногимъ краше смерти, то чего добраго ожидать можно было отъ азіатскихъ дикарей, которымъ чужды всякія понятія о правахъ человѣчества? До сихъ поръ, со мною обращались хорошо; но легко было догадаться, что это дѣлалось не изъ состраданія, а изъ своекорыстныхъ видовъ. Надежда, что меня выручатъ казаки, также была не очень основательна. Я зналъ, что не могутъ продолжать преслѣдованія; экспедиція была уже собственно кончена и отрядъ въ скоромъ времени долженъ вернуться на линію. Всѣ эти размышленія не слишкомъ были утѣшительны, но съ другой стороны, мнѣ оставалась еще

нѣкоторая тѣнь надежды. Киргизы такъ безпечны и малодушны, что вѣроятно, рано или поздно представится мнѣ удобный случай къ побѣгу. О трудностяхъ и опасностяхъ этой попытки не стоило и думать. Кто поколеблется рискнуть жизнью, когда дѣло идетъ объ освобожденіи себя изъ неволи? Я припоминалъ себѣ всѣ обстоятельства знаменитыхъ побѣговъ, совершенныхъ Казановою и барономъ Тренкомъ. Эти два человѣка слѣдalisъ любимыми героями моего воображеніе во все продолженіе плѣна моего у киргизовъ.

Спутники мои ожидали только наступленія темноты, чтобъ отправиться въ дальнѣйшій путь. Днемъ боялись они, что пыль привлечетъ вниманіе тѣхъ, которые пустились бы отыскивать меня. Почти полный мѣсяцъ освѣщалъ степь, но это не удержало моихъ киргизовъ, которые по мѣрѣ удаленія своего отъ отряда, дѣлались все смѣлѣе и смѣлѣе. Мы ѣхали цѣлую ночь крупною рысью и прямо на югозападъ. Къ разсвѣту выѣхала къ намъ на встрѣчу партія кенисаринскихъ караульчей, которые съ радостными восклицаніями окружили насъ, дивясь и завидуя успѣху своихъ товарищей. Послѣдніе, какъ видно было, хотѣли извлечь всю возможную пользу изъ своего торжества. Они всѣ вдругъ начали рассказывать исторію своихъ походовъ: какъ разогнали они несмѣтное множество казаковъ, которые тщетно искали отъ нихъ спасенія за своими пушками;

какъ отчаянно храбро я самъ защищался и какъ, наконецъ, удалось имъ одолѣть меня, *отца побѣдъ и знаменитаго батыря русскаго*. Между тѣмъ, мы подѣхали къ самому аулу.

Было очень рано и день не начался еще для большей части народа. Множество собакъ, всѣ одной и той же туркменской породы, выбѣжали къ намъ навстрѣчу и, увидѣвъ меня, подняли громкій лай. Ауль имѣлъ весьма одушевленный видъ. По степи, на пространствѣ квадратной полуверсты, въ величайшемъ безпорядкѣ разбросаны были подвижныя жилища киргизовъ. Юртъ было немного; онѣ служили жительствою для одной только аристократіи и привлекали на себя вниманіе выотою своею и бѣлизною кошмъ. Второе мѣсто послѣ юртъ занимали *чуломейки*, которыя отличались отъ нихъ только тѣмъ, что стрѣлы, образующія куполъ, не втыкались на верху въ обручъ, а связаны были вмѣстѣ арканомъ. Наконецъ, весь простой народъ укрывался отъ ночнаго холода и дневнаго жара въ *кошахъ*, которыя состояли изъ трехъ жердей, поставленныхъ пирамидально и покрытыхъ кошмою. Въ этихъ кошахъ можно только лежать или сидѣть, но не стоять. Впрочемъ, это не составляетъ важнаго неудобства для ордынцевъ, которые проводятъ жизнь свою сидя на лошади или лежа на землѣ. Поэтому, когда случится киргизу сдѣлать нѣсколько шаговъ пѣшкомъ, то онъ кажется такъ

же неловокъ, какъ кошка, обутая шалунами въ орѣховыя скорлупы.

Между юртами бродило нѣсколько лошадей, которыя обыкновенно держаться вблизи на случай опасности; прочія паслись табуномъ, вмѣстѣ съ верблюдами и баранами, въ нѣкоторомъ разстояніи аула. Намъ встрѣчалось мало мужчинъ, потому что было рано и они наслаждались еще утреннимъ сномъ, но бабы и дѣвки уже встали и хлопотали около своего хозяйства. Нашъ прїѣздъ возбудилъ всеобщее любопытство. Вокругъ насъ собиралось все болѣе и болѣе народа. Спутники мои, къ величайшей досадѣ своей, узнали, что Кенисары нѣтъ дома и что его нельзя ждать назадъ ранѣе, какъ дней черезъ десять. Въ нетерпѣніи своемъ скорѣе получить ожидаемую награду, они вздумали было отправиться со мною тотчасъ же отыскивать Кенисару и требовали свѣжихъ лошадей, но противъ этого намѣренія въ толпѣ поднялся сильный ропотъ. Говорили, что и безъ того кони уже устали, нельзя утомлять ихъ еще болѣе попустому, что меня могутъ въ дорогѣ отбить казаки и проч. Видно было что, по чувству зависти, всѣ думали только о томъ, какъ бы сдѣлать на перекоръ моимъ побѣдителямъ. Споръ въ скоромъ времени превратился въ брань.

Между тѣмъ, подошелъ къ намъ молодой человѣкъ въ щегольскомъ шелковомъ халатѣ и

ярко-расшитой *тюбетейкь* на головѣ. Не удостоивъ меня поклона, онъ пристально поглядѣлъ на меня и потомъ началъ слушать разсказъ моихъ спутниковъ, которые привѣтствовали его низкими поклонами и убѣдительно просили позволить имъ отправиться вмѣстѣ со мною за ханомъ. Такъ величаютъ Кенисару его приверженцы. Молодой человѣкъ рѣшительно отказалъ въ этой просьбѣ, сказавъ, что ханъ самъ въ скоромъ времени вернется и что между-тѣмъ должно меня беречь хорошенько при аулѣ и стараться залечить мою рану. Таскать же меня по степи нельзя, потому что я принадлежу теперь одному только хану, который самъ распорядится на счетъ меня: прикажетъ казнить тотчасъ же. Все это любезный молодой человѣкъ проговорилъ такъ же хладнокровно и такъ же не стѣсняясь моимъ присутствіемъ, какъ еслибъ дѣло шло о какомъ нибудь баранѣ, съ которымъ не знаешь что дѣлать, заколотъ ли, или продать. Спутники мои видимо были недовольны этимъ рѣшеніемъ, но удержались отъ дальнѣйшихъ возраженій и осмѣлились изъяснить свое неудовольствіе прерывистымъ ворчаніемъ только тогда, когда удалились уже на почтительное разстояніе отъ молодаго человѣка. Послѣ узналъ я, что это былъ Альджанъ, сынъ казеннаго въ Ташкентѣ Сарджана. Ему Кенисара ввѣрилъ управленіе ауломъ на время своего отсутствія.

Не въ дальнемъ разстояніи отъ альджановой юрты, для меня поставили чуломейку, въ которой полъ постланъ былъ довольно чистыми кошмами, что и составляло для меня покойную постель. Не смотря на усталость, я долго не могъ заснуть. Слова Альджана, грозившія мнѣ близкою казнію или вѣчною неволею, звучали неумолчно въ моихъ ушахъ. Легко пренебрегать ею тогда, когда борешься съ нею и жажда успѣха заглушаетъ все постороннія чувства. Но другое дѣло видѣть медленное приближеніе гибели и не имѣть средствъ отворотить ее. Томительное ожиданіе есть совершенная пытка, и каждая минута времени кажется каплею расплавленного свинца, упавшею на голову. Впрочемъ, надежда на счастливую развязку все еще не покидала меня, и я заснулъ, убаюканный утѣшительницею.

Сонъ мой продолжался часа два и прерванъ былъ приходомъ въ мою чуломейку совершенно незнакомаго мнѣ человѣка. Черты лица его были вовсе не киргизскія: онѣ отличались правильностію и выраженіемъ ума, котораго лишены большею частію степныя фізіономіи. Незнакомецъ былъ высокаго роста, очень худощавъ, имѣлъ длинную черную бороду и кожу совершенно желтаго цвѣта. Вообще, его фізіономія мнѣ очень понравилась; выражая участіе, она внушала къ себѣ невольное довѣріе. Онъ началъ дружески разговаривать со мною, что весьма рѣдко въ образованномъ ма-

сульманинѣ: всѣ они заражены самымъ неистовымъ фанатизмомъ и обыкновенно питають глубочайшее презрѣніе къ христіанамъ. Незнакомецъ былъ имени Абульхаиръ, а по роду занятій *хакимъ*, т. е. мудрецъ или лекаръ, что на Востокѣ считается синонимами. Альджанъ прислалъ его лечить меня и строго приказалъ ему, чтобъ я былъ совершенно здоровъ къ приѣзду Кенисары. Я самъ нетерпѣливо желалъ скорѣе выздоровѣть, чтобъ быть въ состояніи предпринять побѣгу свой, но не слишкомъ много вѣрилъ искусству ташкенскаго врача. Абульхаиръ важно осмотрѣлъ мою рану, выслушалъ жалобы мои на несносную головную боль и ушелъ, обѣщая скоро изготovitъ надлежашія лекарства.

Абульхаиръ сдержалъ свое слово и по прошествіи довольно продолжительнаго времени возвратился ко мнѣ въ сопровожденіи двухъ Киргизовъ. изъ которыхъ одинъ держалъ въ рукѣ чашку, въ которой лежала вареная баранья голова, а другой таскалъ огромный войлокъ. Абульхаиръ далъ мнѣ чашку въ руки, укрылъ меня войлокомъ и приказалъ втягивать въ себя паръ, выходящій изъ бараньей головы, которая столь сильно начинена была разными пряностями, что дѣйствовала не хуже уксуса четырехъ разбойниковъ. Потомъ долженъ я былъ съѣсть всю эту голову, что мнѣ было не совѣмъ легко сдѣлать, потому что я во все не имѣлъ аппетита, и тѣмъ менѣе еще ра-

сположенъ былъ лакомиться стряпнею киргизской латинской кухни. Но дѣлать было нечего и когда я, морщась, проглотилъ послѣдній кусокъ то Абульхаиръ уложилъ меня спать, накидавъ на меня сколько было у него подъ рукою войлоковъ и яргаковъ, чтобъ произвести во мнѣ сильную испарину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, счелъ онъ долгомъ своимъ предувѣдомить меня, что все это дѣлается только для прекращенія головной боли, а для раны готовится у него другое, специальное средство. Едва-ли бы я въ иное время послушался предписаній моего доктора и согласился лежать въ полдень, при сорока градусахъ жара, подъ огромною тяжестью войлоковъ и яргаковъ; но тутъ лечили меня совершенно-деспотически. Абульхаиръ, замѣтивъ, что я хочу освободиться изъ-подъ того, что онъ накидалъ на меня, приказалъ Киргизамъ своимъ сѣсть по краямъ этой кучи и держать меня силою въ спокойномъ положеніи. Я думаю съ часъ долженъ былъ я терпѣть эту пытку; наконецъ, Абульхаиръ приказалъ снять съ меня войлоки и, прикрывъ только самою легкою одеждою, поздравилъ съ совершеннымъ избавленіемъ отъ головной боли. Я и точно не чувствовалъ ея болѣе. Легкая прохлада, которою тогда наслаждался, дѣйствовала на меня такъ же цѣлительно, какъ приѣмъ жизненнаго элексира. Абульхаиръ съ торжествомъ взглянулъ на меня и удалился, чтобъ приготовить мнѣ ле-

карство отъ раны, которая все еще причиняла мнѣ весьма чувствительную боль. Утомленіе, въ которое приведенъ я былъ жаромъ, клонило меня ко сну и я воспользовался отсутствіемъ моего врача, чтобъ снова предаться отдохновенію.

Абульхаиръ не заставилъ себя долго ждать. Онъ въ скоромъ времени воротился назадъ въ мою чуломейку и на этотъ разъ въ сопровожденіи большой толпы мужчинъ, женщинъ и даже ребятишекъ. Видно было, что онъ затѣвалъ совершить на до мною какую-то мудреную операцію, которая должна была служить даровымъ спектаклемъ для праздной киргизской публики. Кошмы моей чуломейки были подняты кругомъ, чтобъ всѣ могли любоваться зрѣлищемъ моего леченія. Признаюсь, меня подиралъ морозъ по кожѣ, когда я старался отгадать, что со мною будетъ. По счастью, средство, придуманное Абульхаиромъ, было совершенно безвредно, но такъ странно, что почитаю полезнымъ сдѣлать маленькое предувѣдомленіе моимъ читателямъ, прежде, чѣмъ расскажу имъ, къ чѣмъ было дѣло.

Я уже имѣлъ случай говорить о суевѣріи киргизовъ. Нигдѣ не оказываетъ оно такого сильнаго вліянія на ихъ понятія, какъ въ медицинѣ. Каждую болѣзнь приписываютъ они тому, что злой духъ *джиннъ* вселился въ челоуѣка и его мучить. Вылечить больного значитъ прогнать *джинна*. Даже и въ такомъ случаѣ, гдѣ причина

болѣзни совершенно очевидна, какъ на-примѣръ, при нанесенной ранѣ, Киргизы думаютъ что ощущение боли производится джиномъ. Само собою разумѣется, что ихъ врачи—собственно тѣ люди, которыхъ у насъ простой народъ называетъ *знахарями*, и если они и не много смыслятъ въ медицинѣ, то, по-крайней-мѣрѣ глубоко должны изучить степную демонологію. Я готовъ даже защитить ихъ отъ упрека въ шарлатанствѣ, который, съ перваго взгляда, они такъ заслуживаютъ. Имъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, какое огромное вліяніе на выздоровленіе больного имѣетъ вѣрованіе его въ успѣхъ леченія. Зная предрасудки своихъ земляковъ, они почитаютъ позволительнымъ пріобрѣтать ихъ довѣріе, выдавая себя за людей необыкновенныхъ, проникнувшихъ тайны недоступныя для прочихъ смертныхъ. Успѣшность ихъ леченія доказываетъ, что они не ошибаются въ своемъ расчетѣ. Сверхъ-того, нельзя думать, чтобъ сами они отчасти не вѣрили въ свое чародѣйство. Люди, разыгрывающіе долгое время роль вдохновенныхъ, обыкновенно кончаютъ тѣмъ, что сами начинаютъ вѣрить въ свои чудеса. Вспомните нашихъ визионеровъ, магнетизеровъ и пр. Между ними не всѣ обманщики; многіе дѣйствительно сами впали въ самое страшное и самое упорное ослѣпленіе. Средства леченія, избираемыя киргизскими хакимами, частію основаны на нѣкоторыхъ медицинскихъ свѣдѣні-

яхъ, прикрытыхъ только оболочкою чудеснаго; частию же не имѣютъ никакого другаго основанія, кромѣ народныхъ предразсудковъ, происхожденіе которыхъ отыскать совершенно невозможно. Теперь возвратимся къ нашему Абульхаиру.

Прежде всего взялъ онъ ножъ, прочиталъ надъ нимъ не знаю что, молитву или заклятіе, и потомъ очень-искусно обрѣзалъ мнѣ то мѣсто, въ которомъ находилась пуля. Я полагалъ, что онъ намѣревается ее вынуть, но къ удивленію моему онъ ея не тронулъ, и только остановилъ кровь, приложивъ къ ранѣ кусокъ труты. Тутъ терпѣніе мое совершенно лопнуло. Мнѣ вовсе не казалось забавнымъ разыгрывать для потѣхи киргизской публики роль кролика на лекціяхъ Мажанди, или служить посредникомъ переговоровъ между колдуномъ и бѣсенятами; я рванулся изъ рукъ мучителя, но киргизы не хотѣли добровольно отказаться отъ удовольствія быть свидѣтелями моего излеченія. Человѣка четыре самыхъ сильныхъ и смѣлыхъ между ними, ухватили меня за руки и за ноги и снова пригвоздили къ землѣ, между-тѣмъ, какъ всѣ прочіе увѣщевали меня не противиться, потому-что, говорили они, все это дѣлается для моей же пользы. Эти увѣщанія показались мнѣ нѣсколько излишними, потому-что и безъ нихъ я почти не могъ пошевелиться. Абульхаиръ обратился тогда къ нѣкоторымъ изъ присутствующихъ и приказалъ имъ по-

скорѣе привести *Джельдузъ*. Что это за *Джельдузъ*? подумалъ я. Чрезъ нѣсколько минутъ, посланные воротились, говоря, что *Джельдузъ* не идетъ, плачетъ и боится. *Абульхаиръ* не тронулся однако ни плачемъ, ни страхомъ этого загадочнаго существа. Подите, притащите *Джельдузъ*, если добромъ не идетъ, повторилъ онъ певелительно и сердито. Я самъ начиналъ принимать живое участіе въ этой траги-комедіи, и, вѣроятно, съ большимъ еще любопытствомъ, чѣмъ все другіе, ждалъ развязки. Мое любопытство вскорѣ удовлетворилось, и самымъ неожиданнымъ для меня образомъ.

Въ чуломейку вошла, или лучше сказать, введена была дѣвушка лѣтъ шестнадцати. Ей очень не хотѣлось сдѣлать то чего отъ нея требовали. Не знаю, боялась ли она чародѣйствъ *Абульхаира*, или просто стыдилась выдти на показъ передъ цѣлымъ ауломъ, но только лицо ея выражало крайнее смятеніе. Это, впрочемъ, нисколько не повредило впечатлѣнію, которое красота ея произвела на меня. Въ-самомъ-дѣлѣ, *Джельдузъ* могла назваться красавицею. Она была довольно высокаго роста, что очень рѣдко между киргизами. Лицо ея, вовсе не плоское, замѣчательно было благороднымъ овальнымъ очертаніемъ, придававшимъ ей необыкновенную привлекательность среди круглолицыхъ ея землячекъ. Наконецъ,

глаза были чуднаго блеска и черноты. Правда, что загорѣлый цвѣтъ лица, слишкомъ-яркій румянецъ и, увы! густой слой грязи, покрывавшій мою дыкарку, могли бы заставить поморщиться какого нибудь героя Невскаго-Проспекта, но нѣсколько недѣль, проведенныхъ мною въ степи, уже передѣляли многіе изъ моихъ понятій на киргизскій ладъ. Впрочемъ, въ ту минуту, когда я въ первый разъ увидѣлъ Джельдузъ, мнѣ было не до оцѣнки красоты ея. Абульхаиръ заставилъ меня вытянуть руку, потомъ подвелъ ко мнѣ Джельдузъ и приказалъ ей обѣими руками держать меня за раненое плечо, а самъ между тѣмъ что то шепталъ въ полголоса. Эта комедія продолжалась, я думаю, съ полчаса, и никто изъ зрителей во все это время ни разу не улыбнулся, никто даже не произнесъ ни слова. Наконецъ Абульхаиръ отпустилъ Джельдузъ, которая тотчасъ же скрылась изъ чуломейки. вмѣстѣ съ тѣмъ вынулъ онъ ножомъ пулю изъ раны и этимъ кончился весь процессъ леченія. Когда зрители разошлись, весьма-довольные тѣмъ, что видѣли, то Абульхаиръ, по снисходительности своей, объяснилъ мнѣ, что пулю вынимать изъ тѣла весьма-опасно, потому-что вмѣстѣ съ нею входитъ въ человѣка и нѣкоторый весьма-злой джиннъ. Если вырвать его насильно изъ тѣла, то онъ разгнѣвается и не преминетъ отмстить за себя.

Какъ ни нелѣпы были всѣ приемы киргизской медицины, но къ вечеру этого достопамятнаго дня я чувствовалъ себя гораздо-лучше и физически и морально. Оставалась только весьма-естественная послѣ предъидущихъ потрясеній слабость; впрочемъ, мысли мои слѣлались гораздо-спокойнѣе и я съ какою-то безотчетною бодростію сталъ смотрѣть на будущее. Абульхаиръ, увидѣвъ успѣхъ своего леченія, не счелъ нужнымъ продолжать его. Такимъ-образомъ, я былъ оставленъ совершенно въ покоѣ.

Время тянулось для меня несносно медленно. Я все былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ; караульные не отходили отъ меня ни на шагъ. Конечно, для развлеченія, я могъ бы съ ними разговаривать, но обыкновенно этотъ разговоръ скоро надоѣдалъ и мнѣ и имъ, потому-что мы не совсѣмъ хорошо понимали другъ друга. Никто въ аулѣ не зналъ ни слова по-русски. Часто приходили ко мнѣ въ чуломейку праздные киргизы, чтобъ поглядѣть на меня, какъ на пойманнаго звѣрка, но никто не позволялъ себѣ обидѣть меня словомъ или дѣломъ. Я былъ неприкосновененъ для всѣхъ, какъ вещь, составляющая собственность ханскую. Въ-продолженіе трехъ дней, аулъ не трогался съ мѣста. Это доказывало, что казачій отрядъ двигался совершенно по другому направленію и что не опасались съ его стороны

нападенія. Наконецъ, скоть совершенно вытравилъ кормъ въ окрестностяхъ, и должно было перекочевать.

Альджану показалось неудобнымъ и скучнымъ возиться со мною и онъ вздумалъ отдать меня, до возвращенія Кенисары, на сохраненіе егинчамъ (Киргизамъ-хлѣбопашцамъ), находившимся въ сосѣдствѣ. Привели старшину этихъ егинчей, дряхлаго старичишку, котораго вся одежда состояла изъ нѣсколькихъ лоскутковъ истертой кошмы. Альджанъ повелительно приказалъ ему взять меня на свое сохраненіе, объявивъ притомъ, что, въ случаѣ бѣгства или смерти моей, никто изъ егинчей не останется въ живыхъ. Старшина бросился въ ноги Альджану, умоляя еге переменить свое намѣреніе и представляя, что караулить меня у нихъ некому, что всѣ люди заняты работою въ полѣ и что, наконецъ, имъ и не справиться со мною, если мнѣ вздумается бѣжать, потому-что ни у кого изъ нихъ нѣтъ никакого оружія. Альджанъ не согласился на его просьбу, а только приказалъ двумъ теленгутамъ своимъ отправиться также къ егинчамъ и тамъ присматривать за мною. Это рѣшеніе еще болѣе увеличило страхъ старшины; онъ началъ умолять Альджана не посылать, по-крайней-мѣрѣ, къ нимъ теленгутовъ своихъ, но Альджану надобло уже толковать о пустякахъ, и онъ, ударивъ старика

нагайкою по головѣ, ушелъ къ себѣ въ юрту. Тѣмъ и кончился этотъ разговоръ, происходившій у входа въ мою чуломейку. Расскажу вамъ теперь, что за люди эти егинчи.

Въ такомъ неустроенномъ краѣ, какова Киргизская-Степь, само-собою разумѣется, что право собственности очень-мало уважается. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, булатъ можетъ сказать: *все мое*. Двѣ-три баранты, удачно произведенныя сосѣдями иногда приводятъ какой-нибудь аулъ совершенно въ нищенское положеніе, и несчастные *байтуши* (такъ называются эти киргизы-нищіе), лишившись лошадей, не имѣютъ даже возможности воспользоваться правомъ возмездія и пріобрѣсти насчетъ сосѣдей средства къ избавленію себя отъ голодной смерти. Что тутъ остается дѣлать? Нѣкоторые дѣйствительно погибаютъ съ голода и холода; другіе болѣе привязанные къ жизни, дѣлаются егинчами, т. е. обрекаютъ себя на величайшія трудности и принимаются обрабатывать землю. Можете представить себѣ, каково положеніе этихъ егинчей посреди кочеваго, хищнаго народа. Всякій вооруженный разбойникъ, показавшись на добромъ конѣ передъ ихъ поселеніемъ, заставляетъ трепетать ихъ и за жизнь и за имущество, всякій проѣзжіи теленгутъ требуетъ отъ нихъ для обѣда своего лучшаго барана, а заплатить егинчи за угощеніе есть вещь

неслыханная въ степи. Еще хуже бываетъ для этихъ несчастныхъ хлѣбопашцевъ, когда вблизи ихъ происходятъ баранты. Египчанъ не позволяютъ оставаться нейтральными: каждая сторона требуетъ отъ нихъ оказанія себѣ всѣхъ возможныхъ услугъ, и каждая сторона безчеловѣчно мститъ имъ за услуги, оказанныя противной. Наконецъ, осенью, когда потомъ и кровью политая жатва готова уже вознаградить дѣлателей за понесенные ими труды, часто какая-нибудь шайка грабителей въ нѣсколько часовъ похищаетъ все, и въ неистовствѣ своемъ истребляетъ даже и то, чего не можетъ увезти съ собою. Волости, которыя покровительствуютъ египчанъ, поступаютъ съ ними такъ же, какъ мы съ пчелами: оставляютъ имъ столько, сколько, имъ необходимо, чтобы не умереть съ голода зимою, а остальное берутъ себѣ по праву сильнаго. И этотъ родъ умѣренности есть простой расчетъ, а не чувство справедливости.

Теперь понятно, почему старшина египчей, находившихся вблизи аула, такъ не хотѣлъ принять меня къ себѣ. Онъ зналъ, что отвѣтственность его передъ разбойниками будетъ велика, а вознагражденія никакого. Еще болѣе ужаснула его мысль имѣть у себя на нѣсколько дней въ гостяхъ двухъ кенисаринскихъ теленгутовъ. Но дѣлать было нечего. Теленгуты посадили меня на коня, сами поѣхали подлѣ, а старикъ кряхтя

и охая, поплелся вслѣдъ за ними пѣшкомъ, потому-что у него небыло лошади.

Часа черезъ два, мы пріѣхали на мѣсто, занимаемое егинчами. Поле, обработанное ими, засѣяно было просою и походило на огородъ, такъ правильно раздѣлено было оно на небольшіе квадратики. По причинѣ сухости степнаго лѣта, необходимо прибѣгать къ искусственному орошенію полей, а по недостатку гидравлическихъ свѣдѣній, это орошеніе требуетъ чрезвычайныхъ трудовъ. Не смотря на то, терпѣніе егинчей все преодолѣло; каждый квадратикъ поливался одинаковымъ количествомъ воды и можно было ожидать богатаго урожая. Поселеніе егинчей состояло изъ низенькихъ шалашей, сплетенныхъ изъ камыша и расположенныхъ по окружности круга, сажень двадцати въ діаметрѣ. Егинчи живутъ при своихъ пашняхъ только лѣтомъ, а на зиму расходятся по волостямъ.

Насъ встрѣтили съ ропотомъ неудовольствія, подавляемаго страхомъ, но тутъ же кенисаринскіе теленгуты поподчивали кое-кого, для перваго знакомства, нагайками, и этимъ объяснили, чтобъ егинчи не смѣли считать ихъ за гостей своихъ, а за полныхъ хозяевъ. Все населеніе этого степнаго хутора простиралось человѣкъ до пятидесяти, большею частію стариковъ, женщинъ и дѣтей. Молодыхъ людей было мало, потому-что, конечно, пока только, силы позволяютъ,

каждый киргизъ предпочитаетъ грабежъ тяжелой работѣ. Одежда ихъ напомнила мнѣ картинки, изображающія обитателей Сандвичевыхъ-Острововъ. Дѣти находились въ состояніи наготы, ничѣмъ не украшенной; взрослые прикрывали себя кое-какими доскутками. Прибавьте къ тому лица, на которыхъ ужасно рѣзкими чертами отпечатлѣлось изнуреніе, въ слѣдствіе тяжелыхъ работъ и недостатка пищи. Наконецъ, всего непріятнѣе было видѣть совершенное отсутствіе нравственной силы, которое уничтожало въ егинчахъ почти всякое челевѣческое выраженіе. Все имущество ихъ, сверхъ земледѣльческихъ орудій состояло ихъ нѣсколькихъ десятковъ овецъ и козъ, которыхъ молокомъ они питались. Приѣхавшіе со мною теленгуты не согласились, однако, на такое скудное пропитаніе, и каждый день съѣдали неимовѣрное количество баранины; прожорливость ихъ угрожала небольшому стаду егинчей совершеннымъ истребленіемъ. Теленгуты проводили дни въ ѣдѣ и снѣ не заботясь нисколько обо мнѣ; но егинчи бдительно стерегли меня, опасаясь отвѣтственности. Я старался вступить съ ними въ разговоръ и вывѣдать что-нибудь о движеніяхъ русскаго отряда, но они были осторожны, и опасаясь разбойниковъ, не отвѣчали ни слова на всѣ мои вопросы. Удобнаго случая къ побѣгу мнѣ также не представлялось, а мнѣ не хотѣлось бѣжать на

авось и неудачною попыткою усугубить бдительность моихъ стражей.

Я провелъ уже дней десять у египтянъ въ смертной скукѣ, какъ въ одно утро явился къ намъ конный киргизъ съ извѣстіемъ, что Кенисара возвратился и требуетъ меня тотчасъ же къ себѣ.

Вѣрьте, или не вѣрьте, но вѣсть о возвращеніи Кенисары меня очень обрадовала. Неизвѣстность, въ которой я находился уже столько времени, сдѣлалась для меня несносною, и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ какой бы то ни было развязки. Пріѣхавшій киргизъ шепнулъ что-то на ухо находившимся со мною теленгутамъ. Они тотчасъ же освободили меня отъ веревки, подвели мнѣ лошадь и помогли сѣсть на нее. Обращеніе ихъ со мною совершенно перемѣнилось: оставивъ свой прежній повелительный тонъ, они мгновенно превратились въ покорнѣйшихъ слугъ моихъ. Одинъ изъ нихъ, низко кланяясь, просилъ меня замолвить за него и за товарища его словечко у хана и похвалить передъ нимъ ихъ усердіе и услужливость. Я не удостоилъ отвѣтомъ мерзавцевъ, которые совершенно опротивѣли мнѣ своимъ обращеніемъ съ египтянами. Впрочемъ, ихъ просьба была мнѣ очень-пріятна, потому что подавала мнѣ надежду на ласковый пріемъ со стороны Кенисары.

Пока я находился у египчей, ауль сдѣлалъ нѣсколько перекочевокъ, но удалился не болѣе, какъ верстъ на десять отъ того мѣста, гдѣ я его оставилъ. Часа черезъ три мы доѣхали до него. Въ наружномъ видѣ его ничего не перемѣнилось; только замѣтилъ я между юртами большое движеніе народа, какъ будто происходило что-то необыкновенное. Многочисленная толпа отдѣлилась отъ аула; всѣ почти были пѣшіе и шли въ поле. Нѣсколько всадниковъ подъѣхало къ намъ и вступило съ моими спутниками въ разговоръ, который былъ для меня почти совершенно непонятенъ. Всѣ мы направили нашихъ коней наискось, прямо къ толпѣ, которая между-тѣмъ остановилась. Подъѣхавъ къ ней, я увидѣлъ самое необыкновенное зрѣлище.

На землѣ лежалъ связанный Киргизъ, у котораго бритая голова и верхняя часть туловища была совершенно обнажена. Смертная блѣдность покрывала лицо его; онъ бормоталъ что-то про себя; думаю, читалъ молитву, потому-что слова его, по-видимому не относились ни къ кому изъ присутствующихъ. Впрочемъ, онъ лежалъ совершенно неподвижно и въ немъ незамѣтно было ни малѣйшаго признака желанія или надежды освободиться отъ того положенія, въ которомъ онъ находился. Подлѣ него стояло человѣкъ пять теленгутовъ съ ножами въ рукахъ. Они спокойно разговаривали между собою и вертели ножами,

любуюсь ихъ сверканіемъ на солнцѣ и пробуя ихъ остріе о траву. Вокругъ этихъ людей, которыми, очевидно, предстояла роль дѣйствующихъ лицъ въ готовившейся драмѣ, собралась многочисленная толпа зрителей, заботившихся только о томъ, какъ бы удобнѣе все видѣть. Хладнокровное любопытство было единственнымъ чувствомъ, одушевлявшимъ всю эту толпу, въ которой замѣтилъ я много женщинъ и даже дѣтей. Не трудно было догадаться, что всѣ собрались посмотрѣть на смертную казнь — зрѣлище, которыми Кенисара довольно-часто угощаетъ своихъ приверженцевъ. Какъ ни возмутительно оно для человѣческихъ чувствъ, но я съ жадностью устремилъ на него глаза, находясь подъ вліяніемъ какого-то страшнаго очарованія, отъ котораго никто не можетъ освободиться въ подобныхъ случаяхъ. Все уже было готово для роковой минуты, но палачи долго не приступали къ казни — не знаю, потому ли, что томительное ожиданіе жертвы доставляло имъ наслажденіе, или потому, что имѣли они на то особенное повелѣніе. Наконецъ, одинъ изъ нихъ взялъ связаннаго Киргиза за голову, другіе нагнулись къ нему; потомъ услышалъ я раздирающій душу вопль несчастнаго... Этотъ вопль такъ былъ ужасенъ, что всѣ вздрогнули и даже сами палачи отпрянули отъ своей жертвы, которая представилась нашимъ глазамъ вся окровавленная и въ страшныхъ кон-

вulsiveвныхъ движеніяхъ, неударживаемыхъ даже веревкою. По счастью, палачи вскорѣ ободрились; снова окружили они несчастнаго, еще слышались два-три стѣнанія и потомъ все затихло. Я увидѣлъ на мѣстѣ казни изрѣзанный, безобразный трупъ. Народъ въ безмолвіи началъ расходиться; слышны были рыданія нѣсколькихъ женщинъ, можетъ-быть, родственницъ казненнаго. Дѣти кричали, испуганныя кровавымъ зрѣлищемъ, котораго значеніе, вѣроятно, они не совсѣмъ ясно понимали. Я не имѣлъ даже духа спросить у кого-нибудь, въ чемъ состояла вина казненнаго, но одинъ изъ моихъ спутниковъ, не дождавшись вопроса, сказалъ мнѣ, что киргизъ этотъ былъ караульчи, котораго Кенисара, возвращаясь въ аулъ, нашелъ спящимъ, и приказалъ казнить въ примѣръ другимъ. Вѣроятно, съ намѣреніемъ распорядились такъ, чтобъ я былъ свидѣтелемъ казни и чрезъ то получилъ высокое понятіе о могуществѣ хана. Меня пригласили тотчасъ же ѣхать къ нему. Минуты черезъ двѣ, лошади наши остановились у входа въ самую большую и богатую юрту. Мы ступили на землю; спутники мои указали мнѣ рукою на висячую дверь, въ которую сами не осмѣлились войти безъ зова. Я очутился лицомъ-къ-лицу съ знаменитымъ разбойникомъ, который такъ давно уже волнуетъ степь.

Кенисара сидѣлъ на огромномъ сундукѣ, при-

крытомъ богатымъ бухарскимъ ковромъ. Только что онъ меня увидѣлъ, какъ всталъ съ сундука, протянулъ мнѣ руку и сказалъ какое-то привѣтствіе. Замѣтивъ, что я, по незнанію языка, затрудняюсь отвѣтомъ, Кенисара приказалъ позвать своего переводчика и, въ ожиданіи его прихода, мы, молча, разсматривали другъ друга. Зная характеръ киргизовъ, которые, подобно другимъ дикимъ народамъ, выше всего цѣнятъ физическія достоинства, я могъ ожидать, что человѣкъ, обладающій столь большимъ вліяніемъ на своихъ соотечественниковъ, одаренъ богатырскимъ сложеніемъ. Къ удивленію моему, я нашелъ совсѣмъ противное. Кенисара невысокаго роста и худощавъ; черты лица его запечатлѣны калмыцкимъ характеромъ и напоминаютъ о его происхожденіи; впрочемъ, узковатые глаза его сверкаютъ умомъ съ примѣсю лукавства, а фizioномія вовсе не обличаетъ жестокости, которую онъ, однако, обнаружилъ во многихъ случаяхъ. Пришелъ переводчикъ, одѣтый по киргизски и съ бритой головою, но говорившій такъ хорошо по русски, что я почитаю его бѣглымъ казакомъ, хотя онъ мнѣ и не хотѣлъ въ этомъ признаться.

Кенисара приказалъ ему сказать мнѣ, что онъ очень радъ случаю со мною познакомиться и считаетъ меня за гостя своего, а не за плѣнника. Станный способъ, подумалъ я, зазывать къ себѣ гостей! Къ этому Кенисара прибавилъ о себѣ, что

онъ самый усердный слуга царя русскаго, что его, Кенисары, стараніями степь удерживается въ спокойствіи, и что нѣкоторые злонамѣренные Киргизы обвинили его передъ русскимъ правительствомъ, въ разныхъ небылицахъ. Какъ ни забавны были всѣ эти увертки закоснѣлаго мятежника, но для меня не имѣли онѣ достоинства новизны. Я уже прежде зналъ, что Кенисара, послѣ cadaго претерпѣннаго пораженія, прибѣгаетъ къ подобнымъ отговоркамъ. Обыкновенно вступаетъ онъ въ переписку съ степнымъ начальствомъ, запирается на чисто во всемъ происшедшемъ, взводитъ вину свою на другихъ, изъявляетъ готовность покориться, а между тѣмъ дѣлательно готовится къ какому нибудь новому хищническому предпріятію. Впрочемъ, я счелъ совершенно излишнимъ высказать Кенисарѣ свое мнѣніе, и молча выслушалъ длинную рѣчь его.

Теленгуты подали намъ чаю и подносъ съ сухими бухарскими фруктами. Кенисара очень усердно меня подчивалъ и въ заключеніе объявилъ мнѣ, что онъ не замедлитъ возвратить меня на линію, когда только представится къ тому благопріятный случай. Я принялъ было эти слова за правду и просилъ его отправить меня немедленно, ручаясь за возвращеніе къ нему лошадей и проводниковъ, но онъ не согласился на это, говоря, что не смѣетъ подвергать меня опасностямъ путешествія по степи, потому что, если случится

со мною что нибудь въ дорогѣ, то на него падеть вся отвѣтственность. Нечего было дѣлать; мнѣ оставалось показать видъ, что я вѣрю данному обѣщанію. Сверхъ того, великодушный хозяинъ мой объявилъ мнѣ, что днемъ я могу ходить куда хочу по аулу; что связывать меня будутъ только на ночь и то въ уваженіе стариннаго степнаго обычая, отъ котораго отступить онъ не можетъ; что, для *прислуги*, ко мнѣ приставлены будутъ два теленгута, которые не должны смѣть заниматься чѣмъ нибудь постороннимъ и не должны отходить отъ меня ни на шагъ.

Всѣ эти гостепріимныя распоряженія внушили мнѣ довольно выгодное понятіе о степной дипломатіи, но мало подавали надежды на скорое освобожденіе. Впрочемъ, мы разстались съ Кенисарою друзьями. Для меня поставили щегольскую чумейку и привесли въ нее обѣдъ, котораго стало бы на десять человѣкъ. Я почти не прикоснулся къ нему. Теленгуты удивились моей умѣренности и сами принялись такъ усердно за лакомыя блюда, что отъ нихъ чрезъ нѣсколько минутъ не осталось даже чѣмъ накормить цыпленка.

Я воспользовался великодушно дарованною мнѣ свободою для того, чтобъ послѣ обѣда прогуляться по аулу. Теленгуты слѣдовали за мною, не постигая, какъ можно безъ всякаго дѣла ходить взадъ и впередъ. Прогулка нѣшкомъ есть удовольствіе, совершенно непонятное для цѣлаго

Востока и тѣмъ менѣе еще для киргизовъ, которые всѣ народъ конный по превосходству. На каждомъ шагу представлялся мнѣ соблазнъ къ побѣгу. По аулу бродило много лошадей; стоило только подметить между ними самую бойкую, вскочить на нее и—поминай какъ звали. Но мнѣ неизвѣстно было, куда ушелъ отрядъ, а ближайшій казачій пикетъ находился верстахъ въ 400 отъ мѣста, занимаемаго ауломъ; слѣдовательно, мало было вѣроятности добратся до него по живу и по здорову. Какъ ни старался я вывѣдать что нибудь объ отрядѣ, но киргизы имѣли уже, вѣроятно, на этотъ счетъ приказанія отъ Кенисары и неизмѣнное *ничего не знаю* было отвѣтомъ на всѣ мои вопросы. Только одинъ изъ теленгутовъ, въ порывѣ хвастовства, рассказалъ мнѣ, что онъ подкрадывался очень близко къ отрядному лагерю и высмотрѣлъ въ немъ все. Въ удостовѣреніе истины своего разсказа, замѣтилъ онъ мнѣ, что пушекъ у казаковъ шесть и что онъ самъ счелъ ихъ. Я догадался, что онъ видѣлъ орудія снятыми съ передковъ, и принялъ передки и зарядные ящики также за орудія. Число казаковъ, по его мнѣнію, простиралось тысячъ до двухъ. Такъ какъ ему извѣстно было, что я знаю настоящее число, то, конечно, онъ не имѣлъ намѣренія обманывать меня и говорилъ такъ, какъ думалъ. Справедлива пословица: *у страха глаза велики*. Киргизы никакъ не хотятъ вѣрить мало-

численности нашихъ отрядовъ и въ воображеніи своемъ сотни, съ которыми мы ходимъ въ степь, всегда превращаютъ въ тысячи.

Нѣсколько дней спустя мнѣ привелось быть свидѣтелемъ киргизскаго фарса, въ которомъ главную дѣйствующую роль разыгрывалъ старинный знакомецъ мой Абульхаиръ. На одномъ изъ приваловъ водилось очень много змѣй, и какой то киргизъ, ходившій въ поле за хворостомъ, былъ ужаленъ въ ногу. Ему удалось поймать ту самую змѣю, которая его ужалила, что необходимо нужно для излеченія, и держа змѣю на арканѣ, онъ явился передъ Абульхаиромъ, съ просьбою о подаваніи помощи. На то время, Абульхаиръ сидѣлъ у меня въ юртѣ и я могъ видѣть весь процессъ его леченія. Сначала кликнулъ онъ двухъ помощниковъ своихъ, приказалъ имъ перевязать ужаленному Киргизу ремнемъ ногу нѣсколько выше раны, и потомъ высасывать изъ этой раны кровь. Между тѣмъ, самъ Абульхаиръ, у входа въ юрту, возился съ змѣею, которую стегалъ слегка хлыстикомъ, бормоча сквозь зубы какія-то заклинанія. По мнѣнію Киргизовъ, въ это время и у хакима и у змѣи сходныя мысли. Хакимъ старается отгадать имя змѣи, а змѣя имя человѣка, ужаленнаго ею. Если змѣѣ удастся первой отгадать имя человѣка, то уже ничто не можетъ спасти его отъ смерти; но обыкновенно случается, что хакимъ первый отгадываетъ имя змѣи и тог-

да она тотчасъ же умираетъ, а человѣкъ въ скоромъ времени выздоравливаетъ. Абульхаиръ съ полчаса, я думаю, не оставлялъ змѣи; по временамъ потиралъ онъ себѣ рукою лобъ, какъ человѣкъ, котораго умственные способности находятся въ сильномъ напряженіи. Все вниманіе больного было устремлено на хакима; онъ и взглядомъ не хотѣлъ поблагодарить двухъ Киргизовъ, которые между тѣмъ, съ самоотверженіемъ высасывали изъ раны кровь, а вмѣстѣ съ нею и самый ядъ. Наконецъ, Абульхаиръ произнесъ торжественно какое то слово, котораго я теперь не упомяну и которымъ, по его мнѣнію, называлась змѣя. Вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ онъ ее намъ уже совершенно мертвою. Должно признаться, что онъ убилъ ее такъ ловко, что никто изъ насъ не могъ примѣтить, какъ онъ это сдѣлалъ. Послѣ того, Абульхаиръ приказалъ принести турсукъ съ кобылымъ молокомъ, велѣлъ больному опустить въ него ногу и завязалъ турсукъ крѣпко-на-крѣпко арканчикомъ, немного выше ужаленнаго мѣста. Чтобъ придать этому предписанію болѣе чудесный видъ, Абульхаиръ поставилъ по бокамъ больного двухъ желтошерстныхъ козловъ, а вокругъ провелъ семь разъ бѣлаго барана съ черною головою. Барана потомъ закололи; мясо Абульхаиръ взялъ себѣ, вмѣсто платы за леченіе, а голову отдалъ больному и приказалъ ему ее сварить и

сѣсть. На другой день больной былъ уже совершенно здоровъ.

При этомъ случаѣ, одинъ изъ теленгутовъ разсказалъ мнѣ анекдотъ, который напомнилъ мнѣ множество сходныхъ разсказовъ, слышанныхъ мною отъ простаго народа въ Сибири. «Былъ», сказалъ мнѣ этотъ теленгутъ: «у отца моего работникъ, трудолюбивый, вѣрный, смысленный, такъ что нельзя было имъ довольно нахвалиться. Вдругъ произошла съ нимъ странная переменѣна. Сдѣлался онъ такимъ обжорою, что каждый день за обѣдомъ сѣдалъ за десятерыхъ, и послѣ такого обѣда, по прежнему, мучился такимъ волчьимъ голодомъ, какъ бы три дня куска не было у него во рту. Проходить лѣто и зима, прожорство работника все болѣе и болѣе увеличивалось, а между тѣмъ онъ самъ блѣднѣлъ, чахнулъ, весь иссыхалъ. Отцу моему не жаль было кормить любимаго работника, но жаль было видѣть, какъ онъ примѣтно близился къ смерти. Разъ вздумалось старику разспросить его о томъ, что чувствуетъ онъ, когда остается нѣкоторое время безъ пищи. Чувствую, сказалъ работникъ, нестерпимое мученье, и какъ будто что то внутри меня шевелится. Долго думалъ старикъ, какъ помочь горю; наконецъ, взялъ изъ стада чернаго какъ смоль и безъ отпѣтинъ барана, закололъ его и, выбравъ изъ него все сало, отдалъ сѣсть работнику. Только что послѣдній сѣлъ все сало, какъ на-

чалъ клонить его непреодолимый сонъ, и онъ вскорѣ уступилъ его вліянію. Сонъ былъ очень безпокойный; больной метался въ страшныхъ грезахъ. Между тѣмъ, отецъ мой, сидя возлѣ, не спускалъ съ него глазъ и вдругъ увидѣлъ, что изъ раскрытаго рта высунулась змѣиная головка. Осторожно схватилъ ее отецъ мой двумя палочками, дернулъ къ себѣ и вытащилъ черную змѣю, слишкомъ въ аршинъ длиною. Работникъ тотчасъ же проснулся и сказалъ, что чувствуетъ неизъяснимое облегченіе во всемъ тѣлѣ. Нѣсколько времени послѣ того продолжалась еще его слабость, но недѣли чрезъ двѣ былъ уже онъ совершенно здоровъ.»

За исключеніемъ подобныхъ дивертиссмановъ, которые повторялись не слишкомъ часто, время шло для меня чрезвычайно скучно. Правда, что я отъ восхода до заката солнца былъ совершенно свободенъ и могъ ходить куда хочу по аулу, но проклятые теленгуты рѣдко отходили отъ меня, а это уничтожало все удовольствіе прогулки. Наблюдать киргизскіе нравы мнѣ было довольно трудно, потому что каждый вопросъ, который я только дѣлалъ, возбуждалъ подозрѣнія на счетъ моихъ намѣреній: мнѣ или вовсе не давали отвѣта, или старались вводить въ заблужденіе, говоря неправду. Въ аулѣ все было спокойно. Дѣлали небольшія перекочевки на нѣсколько верстъ и потомъ опять стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ дня

по три и по четыре. Кенисара со мною былъ ласковъ по прежнему. Каждый день призывалъ онъ меня къ себѣ и вступалъ со мною въ длинные разговоры. Обыкновеннымъ предметомъ этихъ разговоровъ были оправданія во всѣхъ прежнихъ произведенныхъ имъ разбояхъ и увѣренія въ совершенной преданности русскому правительству. Положеніе Кенисары было въ то время не совсѣмъ отчаянное, и онъ не хотѣлъ отпустить меня приберегая это доброе дѣло на черный день, т. е. онъ намѣревался только въ случаѣ крайности отпустить меня, надѣясь этимъ мнимымъ великодушіемъ расположить въ свою пользу начальство и заставить его забыть на время прошедшее: уловка, которую не разъ уже приводилъ онъ въ исполненіе. Разгадавъ этотъ планъ, я, конечно, могъ быть увѣренъ, что хорошее обхожденіе Кенисары со мною не переменится, но съ ужасомъ думалъ, что, быть можетъ, придется мнѣ провести въ плѣну нѣсколько лѣтъ, лучшихъ лѣтъ жизни. Такимъ образомъ, первоначальная мысль о побѣгѣ не выходила ни на минуту изъ головы моей. До сихъ поръ, приставленные ко мнѣ теленгуты все еще сторожили меня бдительно, но я надѣялся, что мнѣ удастся современемъ усыпить ихъ осторожность. Каждый вечеръ позволялъ я имъ безпрекословно связывать меня; часто говаривалъ, что надѣюсь скоро быть отпущеннымъ домой Кенисарою и никогда не пода-

валъ имъ ни малѣйшаго намека на то, что мысль о побѣгѣ вертится у меня въ головѣ. Къ неопи- санному удовольствію, замѣтилъ я, что дѣйстви- тельно ихъ осторожность начинала мало-по-малу ослабѣвать. Обыкновенно съ вечера я притворялся спящимъ: теленгуты осматривали меня вниматель- но и, убѣдясь въ томъ, что я дѣйствительно сплю, уходили почевать куда-то по сосѣдству; сначала одинъ только, а потомъ уже и оба въ одно и то же время. Я рѣшился воспользоваться этимъ об- стоятельствомъ для побѣга. Правда, что они оставляли меня связаннымъ, но отъ веревки осво- бодиться не слишкомъ мудрено: стоило только добыть ножъ.

Въ началѣ сентября, погода сдѣлалась уже со- вершенно-осеннею. Мелкій дождь шелъ почти-без- прерывно; вѣтеръ наводилъ тоску своими завыва- ніями; глинистая почва размокла и наши вер- блюды, эти *корабли пустыни*, какъ называлъ ихъ Бюффонъ, едва могли пробираться по безпредѣль- ному морю грязи. Безчисленное множество гусей, журавлей и другихъ перелетныхъ птицъ затем- няли собою небо, спѣша изъ Сибири въ *теплый край*, за *синее море*. Ауль, въ которомъ я нахо- дился, покочевалъ по направленію къ Улутау, чтобъ провести тамъ зиму и укрыться въ госте- пріимныхъ ушельяхъ его отъ свирѣпыхъ бура- новъ. Но до Улутау оставалось еще верстъ 250, и чтобъ не утомить верблюдовъ и лошадей, нель-

зя было переходить въ день болѣе какъ версть по десяти. Прибывъ на ночлегъ женщины спѣшили поставить намъ юрты, чуломейки и коши, а потомъ все народонаселеніе аула пряталось въ этихъ подвижныхъ жилищахъ отъ непогоды. Счастливы былъ тотъ, кто успѣвалъ запасти себѣ довольно хвороста и камыша, чтобъ потомъ цѣлый день грѣться и сушиться у огонька! И теперь еще нерѣдко вздыхаю я по томъ времени, когда сиживалъ я, бывало, по нѣскольку часовъ сряду въ безмолвномъ обществѣ моихъ теленгутовъ, машинально подкладывая камышъ въ рѣзво-трескучій пламень и уносясь воображеніемъ въ другой, давно уже покинутый мною край. Шумъ дождя, хлеставшаго о кошмы, стонъ вѣтра, рыскавшаго по степной пустынѣ, составляли плѣнительный отголосокъ моихъ грустныхъ воспоминаній.

Въ одинъ вечеръ, когда погода была еще хуже обыкновеннаго, слышался не въ дальнемъ отъ насъ разстояніи громкій крикъ. Мы выбѣжали изъ чуломейки, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло, и присоединились къ огромной толпѣ, которая собралась возлѣ одной изъ юртъ. Многие держали въ рукахъ пылающія хворостины, трепещущій свѣтъ которыхъ позволялъ видѣть намъ все происходившее. Посреди толпы лежалъ на землѣ совершенно-раздѣтый человѣкъ. Можно было принять его за мертваго, если бъ не были

замѣтны судорожныя движенія, пробѣгавшія по тѣлу его, когда пинки и тычки, которыми щедро награждали его всѣ стоявшіе вблизи, причиняли ему уже слишкомъ-чувствительную боль. Посреди всеобщаго говора, я могъ только понять, что это былъ лазутчикъ, который забрался внутрь самаго аула и котораго случайно замѣтили два проходившіе киргиза. Зная уже, по многимъ опытамъ, трусость этого народа, я не могъ не подивиться чудной отвагѣ пойманнаго лазутчика. Въ-самомъ-дѣлѣ, закрасться ночью въ чужой аулъ затѣмъ, чтобъ подсмотрѣть его расположеніе и подслушать, о чемъ толкуютъ въ юртахъ — есть дѣло въ высшей степени опасное — гораздо-опаснѣе, чѣмъ отправиться мѣрить глубину рва неприятельской крѣпости. Тѣмъ не менѣе, въ каждомъ аулѣ найдете вы нѣсколько охотниковъ на такой отчаянный подвигъ — и что еще страннѣе, въ другихъ обстоятельствахъ десятокъ этихъ же удалцовъ пустится бѣжать при встрѣчѣ съ двумя исправно-вооруженными казаками. Какъ согласить эти странныя противоположности въ людской храбрости? Пользуясь темнотою ночи, лазутчикъ обыкновенно отправляется одинъ-одинехонекъ на свое предпріятіе, оставляетъ лошадь свою верстахъ въ двухъ отъ аула, подпальзываетъ къ нему, какъ змѣя, высматриваетъ и подслушиваетъ, что ему нужно, и къ разсвѣту скачетъ уже къ своимъ сообщникамъ съ вѣстями.

При этомъ соблюдаетъ лазутчикъ ту предосторожность, что, приближаясь къ аулу, скидаетъ съ себя совершенно всю одежду. Киргизы всегда такъ сильно бываютъ прокопчены дымомъ, что собаки ихъ чуютъ приближеніе человѣка только по этому дымному запаху и остаются въ покоѣ, когда приближающійся сниметъ съ себя свою прокопченную одежду.

Пойманный лазутчикъ былъ мужчина лѣтъ сорока, высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Не видя никакой возможности освободиться отъ настигшей его бѣды, онъ спокойно ожидалъ рѣшенія своей участи. Это было вовсе не хвастливое мужество, не то мужество, которое заставляетъ сѣверо-американскаго дикаря, среди ужасныхъ истязаній, пѣть свою военную пѣснь—это было скорѣе отчаяніе волка, который, какъ мнѣ случилось видѣть, медленно умираетъ подъ ударами тупыхъ пашекъ. Но для несчастнаго лазутчика прежде смерти готовилась еще пытка. Аульнымъ старшинамъ нужно было узнать, откуда онъ и какой родъ замышляетъ на нихъ нападеніе? Плѣнникъ на все вопросы не отвѣчалъ ни слова. Принесли нагаекъ. Долго продолжалось истязаніе: по-временамъ, слышался тяжелый вздохъ страдальца; иногда произносилъ онъ слово: *аллахъ*, и только. Нѣсколь разъ киргизы прерывали пытку и уговаривали плѣнника рассказать имъ всю правду, но ни нагайками, ни ла-

*

скою не могли добиться отъ него никакого отвѣта. Принесли какіе-то деревянные клинья, какіе-то волосяные арканы... Я не имѣлъ духа смотрѣть на то, что готовилось, и ушелъ къ себѣ въ чуломейку. Теленгуты мои были очень-недовольны, что я отвлекъ ихъ отъ занимательнаго зрѣлища. Цѣлую ночь не могъ я заснуть: по временамъ долетали до меня вопли несчастной жертвы...

На разсвѣтѣ не слышать уже было никакого стона, но въ аулѣ происходила сильная суматоха. Я вышелъ посмотрѣть, что дѣлается. Обезображенный трупъ лазутчика валялся въ грязи... Киргизы сѣдлали лошадей. Какъ-то догадались они, что лазутчикъ былъ изъ чумекеевскаго рода, кочевавшаго не слишкомъ въ дальнемъ разстояніи. Рѣшено было немедленно отправиться на баранту, пока непріятель не провѣдалъ еще о случившемся. Сборы не были продолжительны; чрезъ часъ, человекъ триста всадниковъ о-двуконь отправились въ походъ, подъ личнымъ предводительствомъ Кенисары. Оставшимся въ аулѣ приказано было по-прежнему кочевать по направленію къ Улутау.

Пытка, которую я видѣлъ наканунѣ произвела во мнѣ такое отвращеніе къ киргизской жизни, что мысль объ освобожденіи изъ плѣна задушила во мнѣ всѣ прочія чувства. Я подумалъ, что когда-нибудь совѣсть строго упрекнетъ меня въ пре-

ступномъ малодушіи, съ которымъ я откладываю день-за-днемъ свой побѣгъ. Въ первомъ пылу чувствъ, волновавшихъ меня, я рѣшился бѣжать въ ту же самую ночь. Это намѣреніе было не совсѣмъ опрометчиво. Тучи обледали небо и можно было ожидать весьма-темной ночи; теленгуты мои, пользуясь отсутствіемъ Кенисары, еще болѣе пренебрегали своею обязанностию, и я не сомнѣвался въ томъ, что они не будутъ ночевать у меня въ чуломейкѣ... Наконецъ, я такъ давно на досугъ обдумывалъ планъ побѣга, что умственно приготовился уже ко всѣмъ возможнымъ случаямъ. Пока не совсѣмъ еще стемнѣло, я ходилъ по аулу, стараясь опредѣлить сколь возможно точнѣе направленіе вѣтра относительно четырехъ странъ свѣта. Прежде уже замѣтилъ я что вѣтеръ дулъ постоянно все въ одну и ту же сторону. Это обстоятельство позволяло мнѣ надѣяться, что я не собою съ надлежащаго направленія. Ауль находился въ то время на рѣкѣ Каргалѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ озера Чубаръ-Тенись. Съ напряженнымъ вниманіемъ припоминалъ я себѣ всѣ географическія подробности карты, которую я часто разсматривалъ, находясь въ отрядѣ. Ближайшіе къ Каргалѣ пункты, постоянно занятые русскими отрядами, были укрѣпленія: Джаркаин-Агачское и Актауское. Каждое изъ нихъ, какъ казалось мнѣ, находилось верстахъ въ 500 отъ Каргалы, первое — на сѣверѣ, а

второе, на востокъ. Я предпочелъ бѣжать, въ Актау, потому-что дорога туда казалась мнѣ опредѣлительнѣе — зная, что верстахъ во 150 долженъ я увидѣть влѣво отъ себя знакомыя мнѣ горы Улутаускія, далѣе попасть на который-нибудь изъ Кенгирей; слѣдуя по его теченію, выбраться непременно на Сары-Су и наконецъ, направляясь вверхъ по теченію Сары-Су, достигнуть сары-суйскаго пикета, находяшагося верстахъ въ 60 отъ Актау. Путь этотъ представлялъ мнѣ и тѣ выгоды, что я могъ надѣяться избѣгнуть на немъ всякой непріятной встрѣчи. Никто не кочуетъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ на безплодныхъ берегахъ Сары-Су, а для двухъ коней кормъ найти вездѣ можно. Въ шесть дней не трудно доѣхать до Актау. Черезъ шесть дней быть въ полной безопасности! Эта мысль приводила меня въ такой восторгъ, что я едва могъ принудить себя подумать о предстоящихъ мнѣ на пути трудностяхъ и опасностяхъ.

Между юртами, какъ и всегда, бродило много лошадей, которыя держутся вблизи на всякій случай. Мнѣ оставалось только выбрать изъ нихъ двухъ понадежнѣе. За нѣсколько дней до того была у киргизовъ *байга*, т. е. скачка, и я замѣтилъ двухъ лошадей, которыя обогнали всѣхъ прочихъ. На мое счастье, онѣ не взяты были на баранту. и я отыскалъ ихъ привязанными подлѣ юрты жены Кенисары. Объ оружіи я и не думалъ —

и къ чему было мнѣ брать его съ собою? При встрѣчѣ съ цѣлою шайкою, не отдѣлаться отъ нея какимъ-нибудь тупымъ копьемъ или полуизломаннымъ ружьемъ. Успѣхъ зависѣлъ не отъ рукъ моихъ, а отъ лошадиныхъ ногъ.

Когда уже совершенно стемнѣло, я воротился въ свою чуломейку. Теленгуты принесли мнѣ на ужинъ баранины и принялись за нее вмѣстѣ со мною. Я разговаривалъ съ ними, какъ ни въ чемъ не бывало. Съ ловкостію, которой позавидовалъ бы, я думаю, любой лондонскій мощеникъ, утащилъ я у одного изъ теленгутовъ ножъ и швырнулъ его въ самый темный уголъ чуломейки. Черезъ нѣсколько времени, теленгутъ хватился ножа своего, но я успѣлъ развлечь его вниманіе какою-то шуткою, и ножъ-избавитель остался въ углу чуломейки. По окончаніи ужина, мы поговорили еще нѣсколько времени, потомъ теленгуты связала меня по обыкновенію, и мы, всѣ трое легли спать.

Я скоро притворился спящимъ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда теленгуты мои уберутся прочь. Долго не могъ я дождаться этого благополучія. Наконецъ, ушелъ одинъ изъ теленгутовъ; черезъ четверть часа, поднялся другой, подошелъ ко мнѣ, прислушивался нѣсколько времени, сплю ли я, и потомъ вышелъ также изъ чуломейки. Не теряя ни минуты времени, я поползъ въ тотъ уголъ, куда кинуть былъ ножъ. Долго искалъ я его всѣмъ тѣломъ по-напрасну; нѣсколько разъ,

съ радостію хваталъ камышки и кусочки тростника, принимая ихъ за него, наконецъ, ножикъ отысканъ, и я воротился на свое мѣсто. Тотчасъ же принялся я за работу. Съ величайшимъ трудомъ удалось мнѣ перерѣзать въ одномъ мѣстѣ веревки; остальное легко уже было сдѣлать, какъ вдругъ одинъ изъ теленгутовъ возвратился назадъ въ чуломейку. Это не предвидимое обстоятельство поразило меня, какъ громовымъ ударомъ. Было такъ темно, что, конечно, теленгутъ ничего не могъ замѣтить, но бѣжать при немъ сдѣлалось очень трудно. Нельзя было раскрыть чуломейки безъ того, чтобъ холодный вѣтеръ не разбудилъ его, потому-что онъ спалъ при самомъ входѣ. Съ другой стороны, если отложить побѣгъ, то утромъ теленгуты замѣтятъ, что веревка перерѣзана и это обличитъ имъ мое намѣреніе. Между невѣрнымъ успѣхомъ и вѣрною неудачею колебаться было нечего, и я рѣшился продолжать начатое.

Только-что теленгутъ улегся и захрапѣлъ, какъ я нѣсколькими ударами ножа освободилъ себя отъ веревки. На томъ мѣстѣ, гдѣ я спалъ, взбилъ я кошму грудю, чтобъ теленгуты и на разсвѣтѣ не могли замѣтить моего побѣга, и подумали что я запрятался подъ кошму отъ холода. Въ углу захватилъ я подмѣченный мною уже прежде мѣшокъ съ крутомъ, который долженъ былъ составлять всю мою напутную пищу. Оставалось сдѣ-

латъ самое трудное и опасное; выбраться изъ чуломейки. Я началъ мое движеніе такъ тихо, такъ осторожно, какъ только могъ, и вдругъ кинулся назадъ, какъ бы наступивъ на змѣю; въ темнотѣ задѣлъ я за спящаго теленгута... Онъ перевернулся съ одного бока на другой, пробормоталъ что-то и снова захрапѣлъ. Черезъ минуту я рѣшился на новую попытку. Счастливо перебравшись черезъ теленгута, я прилегъ къ землѣ, выждалъ то мгновеніе, когда вѣтеръ нѣсколько поупалъ, поднялъ кошму такъ мало, какъ только могъ, и благополучно выползъ изъ чуломейки.

Нѣчего было терять времени. Бѣгомъ пустился я къ тому мѣсту, гдѣ были привязаны лошади. Онѣ были запутаны какимъ то мудренымъ калмыцкимъ узломъ, котораго и днемъ я никакъ не сѣумѣлъ бы развязать, но взятый ножъ позволилъ мнѣ поступить по-Александровски. Какая-то собака подошла ко мнѣ, но не залаяла, а только, глядя на меня, принялась выть, какъ-бы передъ покойникомъ. Я не вѣрю никакимъ предмѣтамъ, и еще радъ былъ этому пронзительному вою, за которымъ киргизы, еслибъ и не спали, то ничего не могли бы слышать. Тихонько повелъ я лошадей въ поле и отойдя отъ аула саженой на пятьдесятъ я вскочилъ на одну изъ лошадей, взялъ другую въ поводъ и, сообразясь съ направленіемъ вѣтра, пустился на востокъ.

Лошади мои понеслись съ такою быстротою, что дыханіе захватило у меня въ груди. Вѣтеръ, дувшій мнѣ прямо въ спину, какъ-бы преслѣдовалъ меня и его бѣшенныя завыванія, похожія на визгъ и гиканье разбойниковъ, подгоняли коней моихъ лучше всякой нагайки. Я любовался свирѣпостію бури, какъ въ другое время любовался бы тихимъ закатомъ солнца; борьба стихій такъ хорошо соотвѣтствовала волненію чувствъ моихъ. Сердце билось сильно, какъ-будто хотѣло вырваться изъ груди, но не отъ страха билось оно. Я ощущалъ неизъяснимый восторгъ; жадно вдыхалъ я въ себя воздухъ, онъ казался мнѣ раствореннымъ свободою. Не ранѣе какъ чрезъ полчаса пріудержалъ я лошадей своихъ, когда уже, я думаю, верстъ пятнадцать отдѣляли меня отъ аула. Остальную часть ночи проѣхалъ я крупною рысью, пересаживаясь по временамъ съ одной лошади на другую. Къ утру погода, нѣсколько прояснилась и показалась заря. Такимъ-образомъ, я могъ повѣрить принятое мною направленіе и убѣдился въ справедливости всѣхъ своихъ догадокъ. Дорого я далъ бы, еслибъ какъ-нибудь могъ отгадать, сколько верстъ я проѣхалъ. Но вокругъ меня не было никакихъ отличительныхъ предметовъ, да если бы и были, то я по нимъ ничего не могъ бы узнать, потому-что весь край былъ мнѣ совершенно неизвѣстенъ.

Я не чувствовалъ никакого утомленія, хотя

скакалъ цѣлую ночь. Должно было однако остановиться, что бы дать отдохнуть лошадямъ. Я воображалъ, что теперь уже, безъ сомнѣнія, въ аулъ замѣтили мой побѣгъ и вѣроятно, тотчасъ же пустились въ погоню. Впрочемъ, я находился, по-крайней-мѣре, верстахъ въ пятидесяти впереди моихъ преслѣдователей и могъ считать себя отъ нихъ въ нѣкоторой безопасности. Мѣсто, выбранное мною для привала, было со всѣхъ сторонъ, закрыто возвышенностями. По краямъ небольшого плеса росла густая трава, которой было очень достаточно для моихъ коней. Опасаясь однако запалить ихъ, я долго водилъ ихъ взадъ и впередъ, не смотря на то, что меня сильно началъ клонить сонъ, только что ступилъ я на землю. Наконецъ, когда кони мои достаточно простыли, я ихъ пустилъ на траву, а самъ заснулъ какъ убитый.

Не знаю, долго ли спалъ я, потому-что небо было покрыто тучами, когда я проснулся, и нельзя было узнать времени по солнцу. Чувствуя сильный голодъ, вынулъ я круту изъ мѣшка, по кѣ-несчастію, я не позаботился взять съ собою чашки, а крутъ нельзя иначе есть, какъ разведенный въ водѣ. Нужда однако всему научить: вблизи отыскалъ я огромныя листья какой-то травы, которые послужили мнѣ вмѣсто посуды. Еще не успѣлъ я кончить скромнаго своего завтрака, какъ увидѣлъ я на краю горизонта нѣсколько всад-

никовъ. Хотя мѣсто, гдѣ я находился, и было совершенно закрыто, такъ что всадники не иначе могли меня замѣтить, какъ подъѣхавъ ко мнѣ на самое близкое разстояніе, но нельзя было полагать, чтобъ они не стали осматривать этотъ плесъ, и я счелъ за лучшее тотчасъ же вызвать ихъ на преслѣдованіе, тѣмъ болѣе, что лошади мои наѣлись и отдохнули. Только-что выѣхалъ я изъ оврага, какъ всадники пустили за мною лошадей своихъ во всю прыть, но я тотчасъ же замѣтилъ, что лошади ихъ были уже очень утомлены огромнымъ переѣздомъ. Разстояніе между ними и мною все по немногу увеличивалось, но не ранѣе, какъ часа черезъ два я потерялъ ихъ изъ виду. Лошади ихъ совершенно выбились изъ силъ и они вынуждены были остановиться. Я вознесъ благодарную молитву къ небу, которое явно мнѣ покровительствовало: если бы эти всадники подъѣхали ко мнѣ полчасомъ ранѣе, то нашли бы меня спящимъ, и тогда я снова попался бы въ плѣнъ, изъ котораго, можетъ быть, одна только смерть меня со временемъ освободила. Къ вечеру, погода совершенно разъяснилась. Вѣтеръ затихъ и солнце сѣло безъ облаковъ. Я отыскалъ полярную звѣзду, и обвернувшись къ ней лѣвымъ плечомъ, ѣхалъ всю ночь безостановочно. Около полуночи возшелъ мѣсяцъ. Съ живѣйшимъ любопытствомъ поглядывалъ я влѣво, надѣясь увидѣть Улутаускія-Горы. Горизонтъ съ

этой стороны былъ неровно очертенъ, но нельзя было отгадать, горы ли то, или облака. Къ разсвѣту, я убѣдился, что Улутау точно влѣво отъ меня. Вдали узналъ я знакомыя мнѣ вершины и даже гору, гдѣ находится могила Едигеева, близъ которой провелъ я нѣсколько дней, мѣсяца два тому назадъ. Часа черезъ три, выѣхалъ я на небольшой ручей, имѣвшій теченіе прямо на востокъ и который счелъ я за одинъ изъ Кенгирей. На слѣдующій день, достигъ я другаго, болѣе значительнаго ручья, который, судя по всеѣмъ примѣтамъ, былъ Сары-Су. Этотъ ручей долженъ былъ мнѣ служить Аріадиною нитью въ странствіи моемъ по бесплодной пустынѣ.

Я никого не встрѣчалъ на пути своемъ, но едва-ли что-нибудь другое, кромѣ желанія вырваться изъ плѣна, могло вдохнуть въ меня довольно силъ, чтобы перенести всѣ трудности путешествія. Я не обращалъ никакого вниманія на усталость и только заботился о сбереженіи лошадей. Скудость пищи, къ которой я не привыкъ; невозможность перемѣнить одежду, которую дождь безпрестанно промачивалъ насквозь; наконецъ, тяжелое ощущение, наводимое на человѣка продолжительнымъ одиночествомъ, все это имѣло сильное вліяніе на мое здоровье. Иногда чувствовалъ я, что мысли мои затмѣваются; какіе-то странные, фантастическіе образы носились предо мною даже среди бѣлаго дня... Я не могъ ни минуты

заснуть спокойно. Часто представлялось мнѣ, что кто-то крадется, чтобы схватить меня, или что лошади мои освободились отъ путъ своихъ и несутся вдаль по степи. Въ минуты болѣе спокойныя, я старался разгадать, сколько верстъ остается мнѣ еще проѣхать. Извѣстно, какъ обманчивы понятія о скорости и времени. Иногда казалось мнѣ, что я ѣду слишкомъ-тихо, что большая часть времени проходитъ у меня въ отдыхъ, иногда же увлекался я совершенно-противоположнымъ мнѣніемъ.

Въ одно утро ѣхалъ я, погруженный въ мрачныя свои размышленія, какъ вдругъ увидѣлъ предъ собою копну сѣна. Нѣтъ я не въ состояніи выразить вамъ восторга, произведеннаго во мнѣ этимъ признакомъ сосѣдства казаковъ. Лошади мои тоже почуяли близость конца дальней дороги и понеслись во весь опоръ. Въ скоромъ времени показался пикетъ. Легкій дымокъ вился изъ трубы; вокругъ пикета бродили лошади. Устремивъ глаза на давно-невиданное, привлекательное зрѣлище, я стрѣлою влѣтелъ въ самую середину табуна, какъ вдругъ услышалъ громовой голосъ: *ахъ ты орда безпутная!* и въ слѣдъ за тѣмъ пуля свиснула у меня надъ самою головой. Два казака, съ шашками на голо, неслись прямо на меня. Едва, едва успѣлъ я соскочить на землю и прокричать имъ: *стойте, земляки!* Казаки сочли меня за отчаяннаго батыря, который кинулся въ

середину табуна, чтобъ угнать его. Во мнѣ, дѣйствительно, не было ничего православнаго. Старый стеганный халатъ и красный малахай дѣлали меня совершенно похожимъ на Киргиза, а загорѣлое, запыленное и обросшее бородою лицо ни какъ не позволяло догадаться, что мнѣ когда-нибудь прежде случалось бывать подъ кровлею. Съ нѣсколькихъ словъ все объяснилось. Казаки приняли меня какъ роднаго; угощали чѣмъ Богъ послалъ, и въ тотъ же день, согласно желанію моему, препроводили меня въ Актау.

Черезъ мѣсяцъ былъ я уже въ Петропавловскѣ...